

Содержание

Предисловие	4
<i>И. Савин</i> Особенности анти-, промиграционной риторики в современной России и интеграционные процессы	8
<i>О. Змеева</i> Характер адаптации этнических мигрантов на Кольском Севере в конце XX – начале XXI в.	22
<i>Т. Годовых</i> Программы адаптации мигрантов и аборигенов Чукотки	39
<i>В. Воронцов</i> Миграционные вызовы и демографические реалии современной России: на примере Удмуртии	74
<i>Н. Зотова, В. Агаджанян</i> Женская миграция в Россию из стран Средней Азии. Опыт исследования мигрантов самими мигрантами	92
<i>А. Петляр</i> Трудовые миграции белорусов	109
<i>И. Блусенкова</i> Этнокультурная адаптация тюркских этнических групп Беларуси на современном этапе	115
<i>С. Сакума</i> Идентичность вьетнамцев и корейцев в Беларуси	128

Предисловие

Миграционные исследования – важная часть современной науки. Изучением миграций занимаются демографы, социологи, экономисты, историки, этнографы и специалисты по культурной антропологии. Согласно данным Международной организации по миграции, в настоящий момент около 214 млн. человек проживают не в том месте, где они родились. Таким образом, около 3,1% мирового населения являются мигрантами (IOM 2012).

Значительный масштаб миграционных процессов в современном мире способствует появлению новых исследовательских проблем, вынуждает ученых пересматривать теоретические концепции, способствует поиску новых смыслов привычных понятий (этничность, группы и т.д.). Стивен Вертовец отмечает: «Миграция и связанные с ней темы занимают важное место в исследованиях по [культурной] антропологии. Среди этих тем миграция и идентичность, гражданство, право и правовой статус, религия, семья и родственники, дети и “второе поколение”, язык, образование, здоровье, использование СМИ и Интернета, конструирование “дома”, сексуальное поведение, денежные переводы, связь с родиной, [экономическое] развитие, местная политика, рабочие места и рынок труда» (Vertovec 2007: 961). Такое разнообразие исследовательских проблем способствует появлению большого массива работ, посвященных миграции. В него входят и крупные теоретические работы, и публикации, освещающие отдельные аспекты миграционных проблем в различных регионах мира.

Масштабная миграция в границах постсоветского пространства – феномен последнего времени; его история насчитывает около 20 лет. Значительные перемещения населения ставили перед исследователями задачу формирования нового понятийного аппарата, способствовали постановке новых проблем и их осмыслению. Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет видение современных миграционных процессов глазами ученых разных регионов.

Настоящая публикация является сборником докладов, прочитанных на секции «Феномен миграции в историко-антропологической перспективе» IX Конгресса этнографов и антропологов России, который состоялся в июле 2011 г. в г. Петрозаводске. География публикаций очень

широка; она охватывает территории от Беларуси до Дальнего Востока России.

Сборник открывает статья Игоря Савина (Москва) «Особенности анти-, про- миграционной риторики в современной России и интеграционные процессы», где анализируются освещаются актуальные дискуссионные вопросы миграционной политики, представлены разные точки зрения на миграционные процессы. Автор рассматривает некоторые наиболее часто используемые тезисы каждой из двух позиций, условно названных «промигрантской» или «антимигрантской», в контексте тех наиболее важных проблем, которые возникают в повседневной жизни как у самих мигрантов, так и у людей, непосредственно с ними соприкасающихся. И. Савин также освещает в статье результаты собственного исследования, посвященного взаимодействию и отношениям мигрантов и принимающего общества г. Москвы.

Блок статей, посвященный исследованию миграций на территории России, начинается статьей Ольги Змеевой (Апатиты) «Характер адаптации этнических мигрантов на Кольском Севере в конце XX – начале XXI в.». В ней рассматривается история освоения и заселения Мурманской обл., характер миграций на протяжении XX в. Основное внимание автора уделено новейшим этническим процессам рубежа XX–XXI вв. На Кольском Севере в 1990-е годы при постоянном снижении численности населения разнообразнее стал его этнический состав. Возросла численность некоторых этнических групп, наблюдается приток особой категории этнических мигрантов – беженцев, отмечается усиление миграционных связей с бывшими союзными республиками: Азербайджаном, Таджикистаном, Украиной, Молдовой и др. В статье исследуются процессы адаптации выходцев с Кавказа в Мурманской обл., межэтнического взаимодействия между различными группами; вопросы идентичности и использования ресурсов поддержки для адаптации к условиям новой среды; проблемы семейно-брачных и сексуальных отношений.

В статье Владимира Воронцова (Ижевск) «Миграционные вызовы и демографические реалии современной России: на примере Удмуртии» на материале социологического опроса по проблемам интеграции мигрантов в принимающее сообщество рассматриваются взаимоотношения между принимающим сообществом и мигрантами. Автор приводит статистические данные по привлечению иностранных работников в регионе, анализирует возможные пути развития в дальнейшем и дела-

ет вывод: «Важнейшей задачей для принимающего государства становится поиск новых форм отношений с прибывающим, особенно иноэтническим населением, для того, чтобы не только адаптировать его к местным нормам и оптимально использовать новые трудовые ресурсы, но и ориентировать принимающее население на доброжелательное взаимодействие с мигрантами».

Статья Татьяны Годовых (Магадан) «Программы адаптации мигрантов и аборигенов Чукотки» рассматривает проблему миграций с точки зрения физиологии. На основе масштабного и долговременного обследования детей из различных групп («старожители» Чукотки и недавно прибывшие) выявлены закономерности и особенности морфофункциональных преобразований на каждом этапе онтогенеза детей Чукотского АО с учетом возраста, групп населения, пола; изучено влияние сроков проживания мигрантов и метисации аборигенов на морфофункциональные трансформации.

Статья Натальи Зотовой (Москва) и Виктора Агаджаняна (США) «Женская миграция в Россию из стран Средней Азии. Опыт исследования мигрантов самими мигрантами» посвящена наблюдениям, которые были сделаны в ходе выполнения проекта «Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве». Авторы размышляют об опыте исследования мигрантов самими мигрантами, которые были заняты в проекте в качестве интервьюеров, их успехах и трудностях, с которыми пришлось столкнуться; размышлениях и выводах, которые они сделали для себя. Статья написана в рамках культурно-антропологической традиции изучения миграции, что позволяет выявить детали, взглянуть на миграционные процессы глазами их непосредственных участников, углубить исследовательский фокус.

Следующий блок статей посвящен различным аспектам миграций в Беларуси. Статья Анастасии Петляр (Минск) «Трудовые миграции жителей Республики Беларусь» посвящена историческим традициям отходничества, развитию и становлению отходных промыслов и современным трудовым миграциям жителей Беларуси. В статье Инны Блусенковой (Минск – Краков) «Этнокультурная адаптация тюркских этнических групп Беларуси на современном этапе» исследуются проблемы становления и развития этнических групп этой страны, а также процессы их культурной адаптации. Для анализа выбраны наиболее крупные тюркские этнические группы страны – татары, башкиры, азербайджан-

цы и чуваша. Статья Сергея Сакумы (Минск) «Идентичность вьетнамцев и корейцев в Беларуси» посвящена новым для республики этническим группам. Так, корейцы начали приезжать в Беларусь в 1960–1970-е годы. История появления вьетнамцев начинается с 1985 г., когда коллективы рабочих из Вьетнама стали приезжать для работы на предприятиях легкой промышленности и строительных объектах. Автор рассматривает динамику численности этих двух этнических групп, язык как маркер идентификации, смешанные браки, процессы ассимиляции, сохранения или сдвигов идентичности.

Сборник, представляющий взгляды разных авторов на актуальную научную проблему миграционных процессов, может быть полезен исследователям и экспертам в области миграционной политики, а также широкому кругу читателей, интересующихся этими вопросами.

Библиография

IOM 2012 – International Organization for Migration. Facts and Figures. <http://www.iom.int/jahia/Jahia/about-migration/facts-and-figures/lang/en> Последнее обращение: 27.06.2012.

Vertovec 2007 – Vertovec S. Introduction: New directions in the anthropology of migration and multiculturalism // Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30. № 6. P. 961–978.

**Особенности анти- и промиграционной риторики
в современной России и интеграционные процессы**

Миграционная ситуация в современной России остается одной из животрепещущих тем, по поводу которой происходят ожесточенные дебаты не только на разного рода публичных мероприятиях, но и в частных беседах граждан. Это видно, в частности, и по многочисленности комментариев по этому поводу в блоках и интернет-форумах.

Несмотря на то, что миграционная история новейшей России насчитывает уже почти 20 лет, в стране по-прежнему нет ни внятной миграционной политики, ни хоть какого бы то ни было подобия консенсуса в обществе по отношению к данной проблеме. К сожалению, носители самых разнообразных мнений на сей счет иногда исходят в своих аргументах из собственных убеждений, которые не всегда соотносятся с чаяниями как самих мигрантов, так и их окружения из числа старожилов. Чаще всего доминируют две точки зрения. Согласно первой – мигранты, как временные, так и желающие остаться в России навсегда – это неоспоримое благо для страны и все кто в этом сомневаются – мигрантофобы и ксенофобы, не желающие признать очевидные вещи в силу каких-то собственных психологических проблем. Согласно второй – необходимость мигрантов для страны не доказана. Польза от их привлечения меркнет на фоне экономических, социальных и культурных порождаемых ими угроз. Необходим более строгий контроль или сокращение притока мигрантов страну. Разумеется, выше сформулированы аргументы в обобщенном, «чистом» виде. В реальности они чаще всего дополняются уточняющими комментариями, которые могут снижать или усиливать отстаиваемые положения вплоть до того, что общая их интенция меняется на противоположную. Бывает также, что положения из «разных» позиций могут соседствовать в высказываниях одного и того же выступающего в зависимости от аудитории.

Мне показалось интересным рассмотреть некоторые наиболее часто используемые тезисы каждой из двух позиций, условно названных «промигрантской» или «антимигрантской», в контексте тех наиболее важных проблем, которые возникают в повседневной жизни как у самих мигрантов, так и у людей, непосредственно с ними соприкасающихся.

Источником для анализа аргументов «промиграционной» позиции стали высказывания участников конференции «Миграция в принимающих странах: культурный контекст, социальные ограничения и политические последствия», прошедшей 10–13 апреля 2012 г. в Научно-исследовательском университете «Высшая школа экономики» при поддержке Бюро Международного вещания США (*Плотникова 2012*).

Позиция, условно именуемая «антимиграционной», реконструирована на основе интервью В.Ю. Милитарева, вице-президента Института национальной стратегии, размещенного 12 апреля 2012 г. на портале некоммерческих организаций России (*Милитарев 2012*). Мне неизвестно, согласился бы сам Виктор Юрьевич с тем, что он, в данном контексте, представлен в качестве однозначного противника миграции. Во всяком случае, он выступает за необходимость гораздо более убедительно обоснования тезиса о ее неизбежности.

Восприятие миграционной ситуации самими мигрантами и представителями принимающей стороны рассматривается на основе анализа мнений людей, которые получены в ходе серии исследований, проведенных при участии автора методами качественной социологии (фокус-группы, экспертные и глубинные интервью) среди мигрантских сообществ из Средней Азии и соседствующих с ними жильцов нескольких районов Москвы в 2007–2010 гг. Также исследование проводилось среди активистов молодежных кавказских землячеств и молодых педагогов и старшеклассников школ Москвы.

Миграция: Pro

На вышеупомянутой конференции звучали следующие высказывания. По словам Директора Федеральной миграционной службы Константина Ромодановского, приоритетным для российских властей является трудоустройство граждан страны, однако в период демографического спада Россия нуждается в притоке рабочей силы из-за рубежа. При этом в целях предотвращения межэтнической розни и роста преступности на почве ксенофобии российское правительство намерено принять ряд мер по интеграции мигрантов и их адаптации к быту принимающей стороны.

Эксперты отмечали болезненность процесса, в ходе которого происходят быстрая смена этнического состава населения и изменения на рынке труда. Это характерно и для России, и для Америки. При этом есть отличия по двум критериям. По словам профессора Университета

штата Теннесси Андрея Коробкова, «во-первых, американское общество все-таки очень терпимо и многообразно» в отличие от России, где люди настроены к приезжающим из Центральной Азии и Кавказа «не так доброжелательно, как в Америке. И, во-вторых, сами приезжие очень часто пытаются сохранить свою идентичность. В то время как люди, эмигрирующие в США, в основной массе хотят стать американцами».

Отчасти отвечая на неизбежный вопрос о причинах распространения ксенофобии в России, К. Ромодановский в своем докладе отметил, что иммиграция вызывает ряд проблем, связанных с этническими, религиозными и культурными отличиями приезжих от коренного населения. Более подробно он остановился на ситуации в Европе, отметив, что «вновь прибывающие не хотят изучать язык принимающих стран, знакомиться с их культурой, пренебрегают общественными институтами, предпочитая “вариться в собственном соку”. Зачастую они не только сохраняют свою религию, но выбирают наиболее экстремальную ее форму».

Профессор Высшей школы экономики, доктор политических наук Марк Урнов более подробно раскрыл эти тенденции на примере России: «Распадается тоталитарная система, которая десятилетиями накапливала пафос супердержавности, собственного величия, и одновременно униженности каждого отдельного человека. Дескать, “ты – скотина, но ты – и великий человек, потому что принадлежишь к супердержаве”. И вот эта держава перестает существовать, утрачивается идентичность, возникает гигантский, чудовищный комплекс неполноценности. А на это наваливается еще огромное количество проблем, связанных с вырождением популяции и бешеным алкоголизмом, за которым стоит чудовищная травмированность психики очень многих людей», – указывает политолог. И в результате поиска выхода из этого тупика избирается самый простой путь – ксенофобия (Плотникова 2012).

При этом эксперт отмечает и серьезные проблемы в среде самих иммигрантов, которые не могут приспособиться к новым для себя условиям: «У них кризис. Как и у всякого человека, попавшего в иную среду, все кажется враждебным, они начинают злиться. Это – одна часть приезжих. А вторая часть – некая “золотая молодежь”, приезжающая на родительские деньги из бывших южных окраин Советского Союза, которая стремится подчеркнуть собственное превосходство».

Выход из ситуации, по мнению М. Умнова, лежит на пути просвещения и предотвращения этнической обособленности: «Специальные

программы в школах, в институтах. И самое главное – конечно, нужны просветительские программы по телевидению, разъясняющие, показывающие, убеждающие. Нужно знакомить людей разных культур друг с другом, разрушая барьеры.... И еще [...] в крупных городах нельзя ни в коем случае допускать образования национальных анклавов. Потому что, как только они появляются, действительно становятся рассадниками этнической коррупции, бандитизма и культурной изоляции».

Резюмируя аргументы этой позиции, ее можно представить в виде следующих нескольких тезисов:

- миграция – необходимый процесс в условиях демографического спада;

- существуют определенные трудности и издержки, порождаемые миграцией, с которыми планируется бороться путем специальных интеграционных мероприятий, препятствующих этнической разобщенности. Суть этих мероприятий, правда, излагается очень скупо, обычно называются усовершенствование законодательства с целью диверсификации миграционных потоков и взаимное ознакомление носителей разных культур;

- природа этих трудностей в культурных и этнических различиях прибывающих и встречающего населения, а также наличия у тех и других определенных психологических комплексов, затрудняющих интеграцию.

Можно отметить, что, согласно подобной логике, вызовы, связанные с миграцией, порождены не собственно миграционными процессами и их нынешней организацией в России, а особенностями и несовершенством природы людей, которую предполагается усовершенствовать.

Миграция: Contra

Вице-президент Института национальной стратегии В.Ю. Милитарев утверждает, что сегодня никто не знает, какова реальная потребность в иностранной рабочей силе, так как квоты на ее привлечение не связаны с реальными потребностями рынка труда: «Формирование списка квот – вопрос чисто бюрократический: работодатели отправляют в Минздравсоцразвития заявки, и по сумме этих заявок формируются квоты. К тому же, квоты – инструмент ненадежный, и ими по проверенным слухам даже торгуют на “черном” рынке. И насколько эти квоты отражают реальную потребность рынка труда в иностранной рабочей

силе, судить трудно, потому что в России до сих пор нет главного – миграционной политики как таковой. Сфера миграции в России – это одна из немногих сфер, где мы продолжаем жить в лихих 90-х, когда государство фактически самоустранено, и нам приходится иметь дело с неким рынком. И для того, чтобы мы могли предложить государству миграционную политику, необходимо провести два исследования: баланса воспроизводства рынка труда и резервов внутренней миграции.

Собственно, в наших законах прописано, что рабочее место иностранцу предоставляется в том случае, если гражданин России от него отказывается, но по факту это оборачивается обманом, потому что в реальности работодатели только делают вид, что российские граждане отказываются от этих рабочих мест, потому что им выгоднее брать на работу мигрантов, т.к. последние согласны работать за меньшие деньги и без соцпакета. Это создает ситуацию, когда в среднем по стране понижается цена труда. По сути, государство должно ввести в рамки и таких недобросовестных работодателей, понижающих цену труда, и коррумпированных чиновников, которые используют в жилищно-коммунальной сфере труд мигрантов, забирая себе часть их зарплаты. И прежде всего это касается ЖКХ Москвы, потому что самая большая неприятность, связанная с мигрантами, возникла в последние пару лет, когда мигранты, экономя на оплате за жилье и желая больше денег сохранить для того, чтобы переслать их на Родину, создали спрос на дешевое жилье, и тут же возникло соответствующее предложение. В итоге значительная часть мигрантов в нашем городе проживает в нежилых помещениях, в особенности в подвалах. Это абсолютно незаконно, их оттуда необходимо выселять, но понятно, что это коррупционный бизнес, связанный с работниками жилищно-коммунальной сферы» (Милитарев 2012).

Коротко эту позицию можно представить следующим образом:

- иностранная рабочая сила возможно и нужна, но в каком количестве и где именно, точно определить невозможно из-за отсутствия эффективных процедур измерения;

- работодатели заинтересованы не в рабочей силе вообще, а в неформальных должным образом работников с целью снижения собственных издержек. Таким образом, обуславливается изначальное существование местных и большей части приезжих работников в разных правовых условиях;

– пути решения проблемы: объективный (вне влияния работодателей и чиновников) анализ потребности рынка труда в России в иностранной рабочей силе и помещение всех работающих в равные правовые и социальные условия.

Миграция: взгляд изнутри

Для репрезентации позиций разных сторон, находящихся в непосредственном взаимодействии, были использованы высказывания как местных жителей, так и трудовых мигрантов в некоторых районах г. Москвы. В обоих сообществах были проведены фокус-группы, индивидуальные интервью и осуществлялось включенное наблюдение с помощью специально подготовленных членов сообществ за особенностями коммуникации местных с приезжими. Местные жители опрашивались в районах Нижегородский и Зюзино, трудовые мигранты были представлены в основном выходцами из Памирской части Таджикистана и Самаркандского региона Узбекистана.

Беседы в ходе проведения фокус-группы носили общий характер («расскажите о себе»), не были изначально сфокусированы именно на темы взаимоотношений местных и мигрантов. Интересные нам сюжеты возникали иногда далеко не сразу, приходилось их вычленять из описания основных вызовов окружающей социальной среды.

Коротко все трудности, порождаемые, по мнению местных жителей, трудовыми мигрантами, можно сформулировать следующим образом:

- живут по много человек в одной квартире или в ведомственных (подвальных) помещениях организаций ЖКХ, а потребляемые ресурсы расписывают на всех. ЖКХ даже прекратили раздачу квитанций через домкомов, чтобы скрыть размеры негласных доначислений.

- не участвуют в решении совместных проблем – по обустройству территории, по ликвидации последствий аварий, по сбору средств на общественные нужды.

- работают десятки людей на уборке территории одного-двух домов, где раньше работали один-двое – много суеты. Местные жители не могут устроиться на работу в ЖКХ.

- строят что-то непонятное для местных людей, никак не связанное с их запросами, поэтому жильцы часто думают, что строят что-то «свое», не для «нас».

- говорят между собой на непонятном для нас языке, возможно, что-то направленное против нас;

– создают очереди в бесплатных поликлиниках и других социальных службах.

Взгляд с другой стороны, т.е. с точки зрения мигрантов на трудности во взаимоотношениях с местными, выглядит следующим образом:

- неохотно сдают квартиры;
- неохотно берут на работу;
- неодобрительно смотрят, как не на «своих» (ПМА 2007–2010).

Нетрудно заметить, что основной негативный контекст возникает из-за того, что местные и приезжие воспринимают друг друга как представителей «другого», иногда даже «чужого» нашему сообществу. Причем эта инаковость объясняется не культурными отличиями, а разностью социальных стратегий, привлекаемых ресурсов и господствующих моделей классификации окружающего мира. Местным непонятны ни источники существования приезжих, ни цели их присутствия, ни условия возникновения у «нас с ними» общих интересов и общих задач. К тому же местные чувствуют в некоторых сферах и экономические вызовы со стороны нелегальных мигрантов: коммунальные услуги за них приходится оплачивать местным жителям, отсутствие социальных выплат делает неоформленного работника более предпочтительным для работодателя, эффективность и доступность бесплатных социальных услуг снижается из-за того, что количество пользователей увеличилось, а налоговые поступления в бюджет не возросли.

Соответственно, складывается негативное мнение в отношении этих «чужих нам» людей, которых опасаются и которым не доверяют, причем чужими они стали из-за процесса организации их привлечения, а не из-за культурных отличий. Взаимопониманию препятствует в определенной мере плохое знание русского языка частью мигрантов (единственное культурно обусловленное различие!). Но, как представляется, если бы плохо говорящие по-русски работники имели бы возможность использовать те же, что и остальные москвичи, возможности (трудовые права, достойное жилье и социальное обслуживание) и несли бы те же, что и остальные, обязанности (использование общих процедур защиты своих интересов, уплата налогов и медицинской страховки), то возникшая в данном случае социальная общность с другими москвичами оказалась бы более значимой, чем языковые или культурные отличия.

О том, что именно так и происходит, говорят ответы некоторых представителей таджикских и узбекских мигрантов, которые живут в

Москве, а до этого в России, уже 5–10 лет. Они, как правило, уже не просто рабочие или продавцы, а менеджеры или мелкие руководители. Они живут с семьями по 2–4 человека, а не по 10, в отдельных собственных или арендуемых квартирах и охотно рассказывают о своем общении с соседями. Чаще всего они граждане России и ориентированы на жизнь в Москве.

Более пристальный анализ того, что изменило их позицию и сделало ее отличной от своих земляков, показывает, что в основе этого лежит превращение их повседневных стратегий в неотличимые от местных. Они отвечают на повседневные социальные запросы и вызовы так же, как и местные, поскольку видят, что в этом залог их социального успеха. Изоляция и поиск своего пути были бы неэффективны. И они становятся полноправными и ответственными субъектами полей социального и экономического взаимодействия. Очень важно, что эти правила рождаются естественно в ходе совместной деятельности. Их культура, несомненно, несколько видоизменяется, но не радикально, они остаются приверженцами своей культуры.

В то же время у их земляков с меньшим стажем проживания в Москве эти стратегии сильно отличаются от таковых местных жителей. Не обладая всеми правами, они стараются минимизировать и обязанности – в виде сокращения расходов на жилье, потребления бесплатной медицины и т.д. Соответственно, сокращается сфера пересечения их интересов с интересами и повседневными задачами других москвичей, что ведет к уменьшению мотиваций для общения с соседями и взаимному отчуждению.

Таким образом, по мнению самих мигрантов и тех из «старомосквичей», кто с ними непосредственно соприкасается, для улучшения их взаимодействия и более полной интеграции необходимо:

- установление сходного правового статуса, аналогичных критериев социальной защищенности, сходных параметров участия в социальных и коммунальных нагрузках (коммунальные платежи, медицинская страховка, налоговые выплаты);

- создание одинаковых критериев минимальной оплаты труда, прозрачных механизмов начисления и выплаты заработной платы и всех социальных выплат (сокращение возможностей наличной оплаты труда); предотвращение складывания моноэтнических трудовых коллективов и сфер занятости, обеспечение взаимопроникновения людей в ходе трудовой и досуговой деятельности;

– усиление зависимости социального комфорта мигрантов (как трудовых, так ориентированных на ПМЖ) от интеграции в окружающее сообщество. Создание специальных общественных комитетов по интеграции на низовом уровне (кондоминиум, группа домов и т.д.) с учетом всех социальных рисков и издержек. Сопряжение массового привлечения мигрантов с общественными кампаниями на уровне сообществ соседей (взаимное информирование и ознакомление). Создание взаимного притяжения мигрантов и местных жителей на основе общих интересов и задач: организация совместного досуга, проведение общественно значимых кампаний (благоустройство, безопасность) с привлечением всех жителей без отделения мигрантов и новопоселенцев;

– обеспечение прозрачности мотивов деятельности мигрантов (с привлечением застройщика, работодателя), наделение местных жителей информацией о социальной значимости труда мигрантов на благо их территории;

– как видим, среди этих предложений нет ни одного, который требовал бы срочных неотложных мер по культурной интеграции, но все они направлены на изменение условий интеграции социальной. Это не значит, что не существует проблем с межкультурной коммуникацией и нет необходимости в специальных мерах по взаимному сближению культурно отличающихся сообществ. Но взятые отдельно, вне всего комплекса социальных условий взаимодействия, «культурные» мероприятия не смогут преодолеть социального разобщения.

Сходная ситуация выявлена и во взаимоотношениях условных групп «москвичей» и «кавказцев». Среди причин отчуждения «москвичи» назвали такие особенности поведения «кавказцев»:

- вспыльчивость, неумение сдерживать себя, повышенные амбиции;
- использование коллективного ресурса «своих»;
- неуважительное отношение к «не своим» женщинам.

По поводу же того, что не нравится «кавказцам» в «москвичах», были получены следующие мнения:

- предвзятое отношение со стороны «москвичей», как к «не своим», подозрение в причастности к криминалу и экстремизму;
- повышенные требования служб безопасности при приеме на работу;
- следование неправильным нормам поведения и морали (ПМА 2007–2010).

И в этом случае также среди «москвичей» и «кавказцев» имеются мнения, отличающиеся от средне распространенных. Их высказывают те люди, которые имели позитивный опыт взаимодействия с представителями «другой» группы (туризм на Кавказе, близкий знакомый или одноклассник, поведение которого не давало повода задумываться о том, к какой национальности он принадлежит, общение в ходе решения общих задач (бизнес, досуг, хотя раньше предпочитал делать это со «своими»). То есть существуют ситуации, когда культурные различия теряют свою действенность и никак не влияют на взаимодействие культурно отличающихся сообществ. Встает вопрос, что же мешает всем или большинству представителей различных сообществ формировать такие ситуации.

Анализ показывает, что в основе этого лежат разные ресурсы и разные стратегии, используемые этими двумя условными группами в ходе социализации и адаптации к вызовам социальной среды. «Москвичи», включая урожденных кавказцев, свой социальный успех связывали прежде всего с развитием личного образовательного и квалификационного ресурса: чем выше квалификация – тем выше благосостояние. Характер распределения ресурсов изменился за последние 20 лет. Добавились такие качества, как умение рисковать, привлекать ресурсы со стороны близких людей, использовать помощь органов власти в своих целях. По этим правилам играют все – и «москвичи», и «кавказцы». Но если среди москвичей есть носители как старого набора ресурсов, так и новых в разных количествах, то «кавказцам» как людям, оказавшимся дальше в силу географии от образовательных и промышленных центров, пришлось чаще задействовать иные типы ресурсов (консолидация финансового и административного капитала внутри больших семей, доминирование узколокальных типов идентичностей и т.д.).

Это видно и по статистике. Например, по итогам переписи 2002 г. пропорции представленности различных этнических групп москвичей в сферах занятости сильно разнятся. В частности, представители кавказских народов (грузины, армяне, азербайджанцы, чеченцы, осетины) абсолютно доминируют по такому показателю, как доля самозанятых жителей данной национальности или тех, кто использует наемный труд по отношению ко всем жителям данной национальности в Москве. Сходные пропорции и по занятости в сфере торговли. Другие народы (русские, украинцы, татары, немцы и т.д.) по этому

показателю находятся в диаметрально противоположном конце данной таблицы: среди них доля работников торговли и тех, кто использует наемный труд, довольно незначительна. То есть, большинство из них принадлежит к категории наемных работников (*Остапенко, Субботина* 2007: 112, 116). Некоторым исключением выглядят евреи. Но это только подтверждает тезис не о культурной, а о социальной природе отмеченных различий.

Если отринуть расистский тезис о «предрасположенности» одних народов к торговле и предпринимательству и «непредрасположенности» других, то единственным объяснением отмеченных диспропорций на рынке труда и отличающихся социально-экономических стратегий разных категорий москвичей могут быть отличающиеся по своей природе ресурсы, привлекаемые старо- и новомосквичами. При ответе на вопрос о занятости родителей средний московский школьник говорил о том, что они «работают на» заводе, фабрике, в фирме, компании и т.д. То есть, в качестве главного отмеченного свойства работы родителей выступает некий безличный социально-экономический институт. В ответах же кавказских школьников Москвы чаще всего подчеркивается, что папа (чаще всего он один) «работает с...», и далее называются конкретные люди, с которыми ведется этот совместный бизнес. Просьбы конкретизировать, чем именно занимается папа, чаще всего вызывают недоумение: иногда это совершенно разные отрасли предпринимательства, которые меняются. В неизменности сохраняется лишь институт взаимодействия с определенным проверенным партнером.

Таким образом, можно заключить, что «новомосквичи» в целом ориентированы на использование в качестве социального ресурса для достижения экономического успеха не возможностей и институтов государства и общественных организаций, а неформальных сообществ «своих» людей, «свойство» которых определяется по самым разным критериям, но чаще всего семейным, земляческим, родственным и т.д. Естественно, что подобные сценарии определяются не только «склонностью» определенных групп к «семейному» бизнесу, но и невозможностью для них использовать при адаптации в Москве другие типы ресурсов. Это объясняется отсутствием, как правило, у приезжих достаточного уровня образования, навыков работы в большом городе, знанием конъюнктуры рынка труда, известным предубеждением со стороны местных работодателей и т.д. В этом случае включенность в сеть «своих» позволяет избежать перечисленных сложностей и обеспечить

волне успешную адаптацию, как это видно из концентрации определенных групп в нескольких привлекательных для них секторах трудовой сферы.

Но в этом и заключается главная проблема: ориентация преимущественно на круг «своих» делает необязательной интеграцию в принимающее сообщество, которая была бы неизбежна в условиях постепенного овладения приезжими ресурсами, необходимыми для успешной адаптации к современной городской структуре (информационной, культурной, языковой, поведенческой и т.д.). В современных же условиях гораздо важнее быть лояльными к своим авторитетам и правилам поведения, принятым внутри сообщества, которое само позаботится о том, чтобы «решить» все проблемы вновь прибывшего члена общества с местным населением. Так и возникают живущие параллельно, рядом, но почти не пересекающиеся «местные» и «приезжие» сообщества.

Следовательно, повышенное значение получают лояльность прежде всего к «своим» и культивирование «нашести» со всеми манифестами в виде публичных танцев и демонстративного противопоставления «своих» и «не своих». Так вела бы себя любая группа среди недружественных – «чужих». Здесь нет ничего специфически «кавказского», кроме наличия инструментов гласного и негласного лоббирования со стороны северокавказских национальных субъектов федерации, но и это объясняется не культурными особенностями обществ, а конфигурацией социально-политического устройства в обществе. Но, коль скоро носители одной манеры поведения чаще всего отличаются внешне от других, то и воспринимают они друг друга как культурно других с использованием известных техник демонизации «другого»: одни склонны к агрессии и социальной архаизации быта, другие – к пьянству и слишком свободному поведению, особенно женщины.

Важную роль во взаимном отчуждении играет и тот факт, что ресурсы и стратегии этих двух типов не выглядят легитимными и социально ценными в глазах друг друга. Носители семейно-корпоративной парадигмы смотрят свысока на приверженцев «старых» государственных схем взаимоотношений общественного труда и распределения доходов, которые не смогли приспособиться к новым обстоятельствам и которые могут рассчитывать только на эфемерную поддержку общегосударственных институтов. Приверженцы индустриально-модернистских принципов организации общественного бытия видят в тех, кто живет прежде всего для «своих», агентов демодернизации и коррозии общественных ин-

ституты. В используемых моделях описания реальности носители этих двух типов могут использовать и культурные и психологические особенности «другого» сообщества для обоснования его ущербности и девиантности по отношению к «нашему» правильному пути. Но это не отменяет того факта, что в основе их инаковости лежат несовпадающие и иногда даже противостоящие друг другу стратегии мобилизации ресурсов, которые не могут быть эффективно интегрированы в силу нынешнего состояния как государственных и общественных институтов, так и экспертного сообщества.

Можно сколь угодно долго говорить о культурной несовместимости и необходимости ее преодоления, но пока не будут созданы возможности для сближения социальных стратегий и доступных ресурсов – никакой межкультурной интеграции не будет, поскольку будут воспроизводиться условия конкурирования, иногда даже противостояния двух разных парадигм социальной адаптации. «Культурные» ассоциации и метафоры будут лишь оформлять и закреплять ощущаемое в повседневной практике несходство жизненных стратегий «их» и «нас».

Выводы

Для изменения ситуации необходимо вовлечение представителей отличающихся групп в совместную деятельность, создание условий для использования всеми взаимно легитимных и доступных всем социальных ресурсов. Вряд ли можно рассчитывать на спонтанное создание этих условий в ходе повседневных обыденных взаимодействий. Всякое сообщество будет отстаивать удобное ему видение ситуации и привычные для него наборы практик, объявляя все другие «неправильными» или даже «вредными», опасными для общества. В современной России мы видим и слышим предостаточно эмоциональных высказываний на эту тему, которые лишь сокращают пространство диалога и интеграции.

К сожалению, оказывается пока неспособным к конструктивному восприятию миграционной реальности и экспертное мнение, которое часто тенденциозно и умозрительно. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить тезисы «мигрантофильской» и «мигрантофобской» позиций с теми вызовами, которые ощущают и озвучивают обыденные участники повседневных миграционных ситуаций.

Мнение последних вопиет о необходимости выравнивания доступных для разных групп социальных ресурсов и практик, тогда как «ми-

грантофилы» говорят о психологической девиантности обеих сторон как о главной причине возникающих сложностей. Как это ни парадоксально, но позиция «мигрантофобов» гораздо ближе к мнению самих мигрантов, поскольку предлагает различать разные типы мигрантов и более тщательно прорабатывать процедуры определения численности и социальные условия адаптации мигрантов, не рассчитывая на стихийную взаимную толерантность в обществе и культурно-просветительские мероприятия.

Как представляется, экспертному российскому сообществу давно пора сместить акценты исследовательского и публицистического пафоса и заниматься не только производством обобщенных и поэтому безответственных призывов о необходимости привлечения мигрантов, но и разработкой моделей интеграционных пространств и процедур, исходя из практических потребностей конкретных сообществ как «принимающих», так и «приезжающих».

Библиография

Милитарев 2012 – *Милитарев В.* На мигрантах сосредоточен целый коррупционный пласт. 12.04.2012. <http://portalnko.ru/dialog/blog/thread/?id=2837>. Последнее обращение: 27.06.2012.

Плотникова 2012 – *Плотникова А.* Толерантность и ксенофобия в российском обществе // *Голос Америки*, 14 апреля 2012. <http://www.golos-ameriki.ru/content/migration-russia-usa147442925/664537.html>. Последнее обращение: 27.06.2012.

ПМА 2007–2010 – *Савин И.* Материалы полевых исследований в г. Москве 2007–2010 гг.

Остапенко, Субботина 2007 – *Остапенко Л.В, Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты. Вместе или рядом? / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2007.

Характер адаптации этнических мигрантов на Кольском Севере в конце XX – начале XXI в.¹

Регион и материал

До XX в. Кольский Север считался «северной пустыней», «захолустьем», «окраиной», но уже в первые десятилетия XX в. он стал «индустриальной жемчужиной Советского Заполярья» (Двинин 1966: 4). С 1920-х годов осуществлялось ускоренное освоение и индустриальное развитие края, появилось много новых населенных пунктов, промышленных предприятий мирового значения, сформировался этнический и численный состав населения, соответствующий профилю урбанизированного региона.

В настоящее время Мурманская область занимает весь Кольский полуостров и является самостоятельным субъектом Российской Федерации. Окончательно область оформила свои границы только к середине XX в.² Наряду с официальным названием – Мурманская область – равнозначно используются «Кольский Север», «Заполярный Север», «Крайний Север» и др. (Добров 1967; Герасимов 2004: 20). Понятие «Кольский Север» в известной степени объединяет значения предшествующих наименований Мурманской области до 1938 г.

Постоянный рост населения на Кольском Севере наблюдается с 1950-х годов Малоизученными остаются вопросы, которые касаются изменений, произошедших после 1953 года. В частности, можно предположить, что освобождение политзаключенных повлияло на

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

² Территория Мурманской области в начале XVIII – середине XIX в. называлась Кольским уездом. В 1859 г. она была включена в состав Кемского уезда, в 1883 г. приобрела самостоятельность и вновь стала Кольским уездом, который позже Николаем II был переименован в Александровский. В XX в. это Мурманский уезд (с 1920 г.), затем Мурманская губерния (с 1921 г.), Мурманский округ Ленинградской области (с 1927 г.) (ГААО 2000: 264–266; Архивохранилище 2002: 192–196). В 1938 г. Мурманский округ получает наименование «Мурманская область» (Архивохранилище 2002: 196).

увеличение численности населения области во второй половине XX в. Ведь именно на пятидесятые годы приходится один из «пиков» притока населения в Мурманскую область (НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 34. Д. 93. Л. 5).

Рост численности населения продолжался вплоть до конца 1980-х годов. Причем уже к 1970-м годам личная инициатива доминирует среди причин переезда (35,4% от общей численности населения области). Способы и формы привлечения населения в область многообразны: мобилизация, общественные призывы, вербовка, индивидуальные приглашения, привлечение прибывших по собственной инициативе путем экономического, идеологического, профессионального стимулирования и т.п. Как известно, в это время осуществлялась активная организованная миграция «путем перераспределения населения [...] из густонаселенных или трудоизбыточных районов в другие, менее заселенные [...], в которых относительно высокими темпами развиваются промышленность и вся инфраструктура» (НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 34. Д. 152. Л. 40). В подобной ситуации так называемая стихийная миграция – достаточно серьезная проблема для государства, тем более, что удельный вес самостоятельных мигрантов в Мурманской области во второй половине XX в. «в среднем составляет не менее 40%» (НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 34. Д. 152. Л. 43). «Самостоятельные» мигранты создают сложности, в первую очередь, самим себе, так как им приходится самостоятельно устраиваться на работу, а это связано с большими затратами времени, средств и сил на поиск постоянного места жительства.

Наиболее «удачным» миграционным периодом для Мурманской области стали 1959–1970-е годы. В этот период область имела «самый высокий показатель прироста населения в сравнении с другими регионами Северо-Запада, который более чем в 4 раза превышал аналогичный по Архангельской области и Коми АССР и в 7 раз по Карельской АССР» (НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 34. Д. 152. Л. 13–14). В 1970–1980-е годы миграция начинает играть все меньшую роль в формировании населения области, и на первый план, по мнению экономистов, выходит естественное воспроизводство (Кольская 2008: 70).

Заселение Кольского полуострова имело свои особенности. Мурманская область изначально не была заселена равномерно. Как в 1920-е годы, так и во второй половине XX в. наиболее заселенными были южное побережье полуострова, окрестности Кольского залива, территория вдоль Октябрьской железной дороги и близлежащие про-

мышленные центры. Восточная же часть области практически пустовала (Двинин 1966: 5; Киселев 1974: 202; НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 34. Д. 67. Л. 64). Население было сосредоточено в тех пунктах, которые максимально близко расположены к транспортным путям и промышленным предприятиям. Основными поселениями были Мурманск, города и села Мурманского, Терского и Кандалакшского берегов, которые специализировались «на рыбной промышленности, морском транспорте и обслуживающих эти отрасли производствах» (НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 34. Д. 67. Л. 63–64). В этих населенных пунктах проживало более половины жителей области. Треть населения была сосредоточена в тех городах и рабочих поселках центра Кольского полуострова, деятельность которых ориентирована на горнодобывающую и металлургическую промышленность (НА КНЦ РАН Ф. 1. Оп. 34. Д. 67. Л. 64). Таким образом, некоторые районы области были наиболее заселенными в 1960–1970-е годы. В Апатитском, Североморском, Кольском, Печенгском, Мурманском, Мончегорском, Ловозерском районах наблюдались повышенные темпы роста численности населения, например, рост составлял более 200%, в Апатитском и Североморском районах, плотность заселения в них значительно превышала среднюю по области (НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 34. Д. 152. Л. 32; Ф. 1. Оп. 34. Д. 91. Л. 8). Самым проблемным в Мурманской области считался Терский район. Он являлся не только самым малонаселенным, но и интенсивнее других теряющим население, несмотря на предоставленные жителям льготы, особые надбавки к заработной плате, дополнительные отпуска и пр. (НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 34. Д. 152. Л. 32; Ф. 1. Оп. 34. Д. 102. Л. 39; Ф. 1. Оп. 34. Д. 282. Л. 55). Таким образом, для Мурманской области характерно «очагово-ленточное» размещение населения (НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 34. Д. 91. Л. 12).

Миграционные процессы на Кольском Севере были направлены не только на «въезд в область», но и на «выезд» из региона, при этом количество уезжающих было существенным; миграционную прибыль область получала благодаря большому числу приезжающих, а не за счет остающихся и закрепляющихся в области.

Произошедший в 1990-е годы спад производства, а в некоторых экономических сферах и приостановление работы целых отраслей повлияли на миграционные установки северян, т.е. на их готовность покинуть место проживания, намерение переехать в другой регион или в другую страну. Ситуация характерна в целом для северных городов,

которые, за исключением областных центров, ориентированы на какую-либо одну отрасль производства. Показательными являются примеры с северными и дальневосточными регионами страны, которые потеряли значительную часть населения в начале 1990-х годов. (Россия 2005: 383–493). Очевидно, что кризис спровоцировал демографические потери. Миграционная убыль для Мурманской области была весьма существенной. Результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. показали сокращение численности жителей области более чем на 254 тыс. чел. по сравнению с 1989 г. Наибольшего размаха выезд северян достиг в 1992 г., когда область потеряла сразу 31,1 тыс. чел. (Население 1989: 12; Численность 2004: 87). Отток населения из области, начавшийся с 1992 г., сохраняется до настоящего времени, иммиграция составляет лишь небольшую долю от общих миграционных процессов.

На Кольском Севере в 1990-е годы при постоянном снижении численности населения разнообразнее стал его этнический состав. Возросла численность некоторых этнических групп, наблюдается новый приток особой категории этнических мигрантов – «беженцев». Исследователи отмечают усиление миграционных связей, прежде всего, в регионах Северо-Запада страны с бывшими союзными республиками: Азербайджаном, Таджикистаном, Украиной, Молдовой и др. (Михайлов 2004: 176–188; Кольская 2008; 78).

Казалось бы, многочисленная иммиграция представителей «южных» народов в разные регионы современного российского государства после распада СССР не должна была затронуть так называемые «северные территории». Основания для этого были: во-первых, «южане» не знают северных условий, им трудно приспособиться, в первую очередь, к климату, а во-вторых, необходимость переезда в заполярный регион минимальна при возможности переселиться в более благоприятные климатические условия. Мифы «о богатых северянах» и «ударных стройках» так же закончили свое существование, как и романтическое стремление граждан «осваивать неосвоенные районы». Тем не менее переселенцы из южных регионов нашли свое место. Эта группа в начальный постперестроечный период заняла малоразвитую экономическую нишу – торговлю. Появляется новый социальный тип, до этого времени отсутствовавший в северных промышленных городах – рыночный торговец. Характерные для представителей некоторых этнических групп предпринимательские способности, которые так часто обыгрываются в анекдотах (см.: Шмелева, Шмелев 2002), оказались

актуализированными в последнее десятилетие XX в. Многие северяне и в настоящее время уверены, что разнообразие фруктов, овощей, зелени на Кольском полуострове целиком зависит от «кавказцев»-предпринимателей.

Отдельного рассмотрения в этой связи заслуживает объект нашей работы – «кавказцы»³. Представители кавказских этнических групп сегодня известны как новые мигранты, основной приток которых в область приходился на 1990-е годы. Вместе с тем нельзя говорить о них только применительно к современной ситуации, исключительно как о новых мигрантах. В нашем распоряжении имеются некоторые сведения о пребывании выходцев с Кавказа на Кольском Севере, хотя и достаточно фрагментарные. Впервые представители кавказских этнических групп появляются в области в качестве охранников на строительстве Мурманской железной дороги (*Мурманская* 1916: 65). В дальнейшем упоминания о кавказских народах – осетинах, армянах, грузинах – мы обнаруживаем в «Сведениях по учету населения Мурманского округа на 01.01.1931 г.» (ГАМО Ф. 125. Оп. 1. Д. 93. Л. 46–47). Наконец, они постоянно регистрируются в области по результатам Всесоюзных переписей населения. На протяжении всего советского периода они являются частью «многонационального советского народа» и никак не выделяются из него в качестве особого социального объекта. «Заметны» этнические переселенцы становятся только в период национально-государственных преобразований и в контексте кардинально изменившихся социально-политической и этнической ситуаций.

³ «Кавказцы» в массовом сознании определяются как обобщенная этническая группа. По моим наблюдениям и полевым материалам, из множества этнических групп, населяющих Кавказ, российские граждане, в лучшем случае, знают и могут назвать грузин, азербайджанцев и армян, причем большинство не может их различать – это полностью соответствует нормативному использованию стереотипа. Сравнение результатов исследований в Мурманской области 2004–2005 и 2009 гг. показало, что в 2009 г. снизилось употребление словосочетания «лицо кавказской национальности». При этом информанты отмечают оскорбительность данного термина и все чаще заменяют его на термин «кавказцы» (подробнее см.: *Змеева* 2009: 115). Мы не можем однозначно говорить об использовании последнего как термина, отражающего негативное отношение к мигрантам. Это, скорее, обозначение территории выхода мигрантов, а не совокупности этнических групп.

В Центре гуманитарных проблем Кольского научного центра РАН (г. Апатиты) был проведен ряд специальных эмпирических исследований, направленных на выявление опыта адаптации разных категорий мигрантов. Сбор материала осуществлялся методом биографического интервью в период с 2004 по 2009 гг. Объектом стали жители малых городов Мурманской области. Изучаемая группа была разделена на две подгруппы – местное (принимающее) население и мигранты-«кавказцы». К местному населению мы относим постоянное население малых городов Кольского Севера, которое противопоставляется мигрантам как целое.

Под мигрантами-«кавказцами» мы понимаем квазиэтническую общность, представители которой приехали в конце XX – начале XXI в., т.е. большей частью в постсоветский период. В то же время мы обращаемся и к миграционному опыту представителей кавказских этнических групп, переселившихся на Кольский полуостров в советскую эпоху. При отборе информантов учитывалась ориентация на мнения окружающих. Информантом становился тот, кого выделяли как «кавказца» его знакомые, друзья или родственники. Вполне закономерно, что взгляд окружающих и самоидентификация заявленных респондентов – «кавказцев» совпали не во всех случаях. Не все опрошенные являются «чистыми» азербайджанцами, грузинами и т.д. по происхождению, среди переселенцев есть выходцы из гетероэтнических семей. Кроме того, почти все информанты состоят в браке с представителями иноэтнических групп (в основном, с русскими).

В настоящей статье мы остановимся на биографиях этнических переселенцев, чей миграционный опыт, по нашему мнению, показателен с точки зрения социальной адаптации человека на Крайнем Севере.

Мигранты советского и постсоветского периода: опыт адаптации

Любой мигрант, независимо от этнической принадлежности, половозрастных характеристик, видов деятельности, испытывает сложности при переезде на новое место. Для одних это столкновение с необычными или суровыми условиями (климатическими, бытовыми), а для других – сложности с интеграцией в местное сообщество. Если к природным условиям можно как-то приспособиться, так как влияют на этот процесс больше психофизические характеристики человека, то в отношении социальной адаптации многое зависит от уровня толерант-

ности, конфликтности, установок местного населения по отношению к приезжим. Важными являются установки мигрантов, которые влияют на сценарии поведения в принимающей среде.

И.М. Кузнецов выделяет два основных сценария поведения мигрантов в зависимости от установки на длительность или временность проживания. Один из них – прагматически-приспособительный, в его реализации не происходит существенных изменений в образцах поведения, культурных шаблонах и ценностных ориентациях. Другой вариант связан с установкой мигранта на длительность проживания в принимающей среде, и сущность его в том, «что на данном этапе происходит изменение внутренних структур социальных, культурных и психологических характеристик индивидов и групп» (Кузнецов 2006: 17). Соответственно, период адаптации новых жителей в каждом случае отличается от других, на первый взгляд, похожих ситуаций. Осознание неустойчивого и маргинального статуса «временного жителя» может быть связано с нейтральным отношением принимающего большинства к новым волнам мигрантов, вне зависимости от этнической принадлежности переселенцев, но в этом случае невозможна полноценная интеграция приезжих в местное сообщество.

Остановимся на причинах и особенностях переезда «кавказцев» в период социальных трансформаций в стране. Для сравнения обратимся к опыту этнических мигрантов советского периода. Поскольку этнические мигранты доперестроечного периода в основном переехали на Кольский Север в 1950-е годы, то интересующий нас период условно обозначим датами проведенных Всесоюзной и Всероссийской переписей населения (1959 и 2002 гг.).

Информанты распределяются по двум основным группам:

- 1) переселенцы второй половины XX в. – до 1991 г.;
- 2) «новые мигранты», приехавшие на Север после 1991 г. – по настоящее время.

Те, кто приехали во второй половине XX в. и проживают в заполярных городах более 20 лет, считают себя если не основателями этих городов, то людьми, собственноручно строившими их. Они сопоставляют себя с «первопроходцами» и «старожилами», особенно те, у кого на Кольском Севере родились дети. Понятие «старожила» к ним применяется условно, чтобы отделить от другой группы информантов – «мигрантов», приехавших в Мурманскую область в 1990 – 2000-е годы.

Наряду с понятием «старожилы» по отношению к группе приехавших во второй половине XX в. применимы обозначения «советские мигранты», «мигранты-«кавказцы» доперестроечного периода». По классификации Л.Л. Рыбаковского, представители этой группы на сегодняшний день не являются мигрантами, но, поскольку нас интересует миграционный период их жизни, мы считаем логичным использовать указанные обозначения.

«Кавказцы» доперестроечного периода, как правило, попадали в Заполярный регион страны по следующим причинам: мужчины – благодаря распределению на работу, службе в армии; женщины приезжали исключительно вслед за супругом. Наряду с объективными причинами переезда важную роль играли и дополнительные благоприятствующие обстоятельства. Как правило, в беседе с переселенцем выясняется, что к моменту его переезда на территории Мурманской области уже проживал какой-либо его родственник. Обычно этим родственником является дядя главы семьи. В начальный период обустройства на новом месте наличие родственника становилось необходимым: без него невозможно хорошо устроиться на работу, получить квартиру и т.д. Но «дядя» присутствует в жизни мигранта только в первое время, на начальном этапе адаптации, потом он исчезает из биографического сюжета.

Наличие «дяди» актуально для биографий представителей традиционных этнических групп. Интерпретировать данное обстоятельство можно по-разному. С одной стороны, переезд к дяде в самом начале семейного жизненного пути мог быть простым совпадением (здесь мог проживать и не дядя, а другие родственники), но, с другой стороны, переселение на Север к родственникам может быть связано с трансформировавшимся обычаем аталыческого воспитания⁴. Наблюдается своего рода опека со стороны дяди, но опекается уже не ребенок, а взрослый племянник, который оказался фактически в положении ребенка, не имеющего опыта жизни в непривычных климатических, социокультурных и прочих условиях.

⁴ Аталычество, – одна из форм установления искусственного родства, обычай воспитания ребенка вне родной семьи. До XIX в. обычай сохранялся у многих горских народов Кавказа. Дети, чаще всего мальчики, передавались на воспитание в «чужую» семью после рождения и возвращались к родителям по достижении совершеннолетия (подробнее см.: *Першиц, Трайде* 1986; 38–39; *Карнов* 1993: 199–213).

Наряду с мотивом «переезда к родственникам» утверждался и другой, который в большей степени связан с любознательностью, склонностью к смене впечатлений.

Разумеется, переселение на Крайний Север просто ради красоты северного сияния, подобно выезду за границу для осмотра достопримечательностей, невозможно при отсутствии на Севере родственников или знакомых. Оба мотива соединились (скорее, второй присоединился к первому), и вследствие их взаимного усиления было принято окончательное решение о переезде.

В отличие от добровольных мигрантов, руководствовавшихся при выборе места переселения несколькими мотивами, вынужденные переселенцы приехали на Север только потому, что здесь находились родственники, в которых они видели определенную защиту. Напомним, что многие местные жители считают большинство прибывших в 1990-е годы беженцами. Разумеется, восприятие окружающей природной и социальной среды существенно различается у тех, кто родился на Кольском полуострове, и у тех, кто приехал не по своей воле недавно. Исследователи справедливо подчеркивают, что при вынужденной миграции «серьезно нарушается социальная интеграция человека. Из одной, привычной для него, природной и социальной среды он перемещается в другую, болезненно разрывая множество естественно-антропологических связей и искусственно создавая такие связи на новом месте» (Жогин, Маслова, Шаповалов 2002: 154).

Советские мигранты не испытывали давления при переезде, но, будучи «первостроителями» молодых городов, они закономерно столкнулись с проблемами бытового характера. С одной стороны, мигранты-«кавказцы» 1990-х годов оказались в более тяжелых условиях вследствие военных действий на Кавказе, роста кавказофобии в России, нестабильности и кризиса экономической системы. С другой стороны, в сравнении с ситуацией на территории выезда, обстоятельства и обстановка в регионе прибытия представляются им значительно более комфортными, нежели в таком месте, куда едут просто спасать свою жизнь. В качестве основных показателей комфортной жизни они указывают возможность устроиться на работу (пусть даже низкоквалифицированную) и относительную стабильность этнической ситуации.

Переселенцы в большей степени склонны относить себя к региональной группе «северян» независимо от этнических различий. Судя по их высказываниям, на Севере идентичность как будто размывается, тогда как в

более южных регионах, наоборот, закрепляется и актуализируется. Территория прибытия и сейчас продолжает восприниматься и репрезентироваться как пространство социальной солидарности, результатом чего является «легкость» адаптации.

По нашему предположению, на сохранение или изменение этнической идентичности в результате миграции дополнительно влияет региональный фактор. Возможны отказ от этничности или ее частичное оттеснение за счет развития локальной идентичности. «Идентичность *“Мы – северяне”* выполняет функции сохранения единства между различными социальными и этническими группами, преодоления комплекса провинциализма и периферийности» (Измоденова 2008: 68).

Между группами переселенцев не обнаруживается видимых противоречий, поддержка этнических мигрантов на уровне родственных связей сохраняется и в настоящее время. Успевшие адаптироваться на Севере земляки – мигранты советского периода – не отказываются от помощи новым мигрантам, по крайней мере в начальный период их проживания. Кроме родственных связей сильны дружеские, партнерские отношения. Поддерживаются они на протяжении достаточно длительного времени или их значимость связана только с первым этапом адаптации – вопрос, который требует отдельного внимательного изучения. Заметим только, что по материалам нашего исследования особо важны родственные сети для азербайджанцев. Это может быть связано как с большей традиционностью данной этнической группы по отношению к другим, так и с большей культурной дистанцией (Bogardus 1950) между ними и русскими, в отличие, например, от армян или грузин. В первое время после переезда главной проблемой мигрантов стало привыкание к новым природно-климатическим условиям. «Холодно», «полгода зима», «солнце постоянно», «летом снег может идти», «фрукты не растут» – вот лишь небольшой перечень характеристик Заполярья. Даже жилищные проблемы в связи с необходимостью приспособления к природным условиям, по их суждениям, отступили на второй план.

Новые мигранты приезжают в сформировавшуюся языковую среду: на новом месте теперь уже много двуязычных земляков, свободно говорящих на титульном и на родном языке. Это значительно облегчает адаптацию молодых переселенцев-азербайджанцев. Численность их земляков в северных городах достаточна для того, чтобы употребление материнского языка не ограничивалось семьями.

Обращает на себя внимание, что все «старожилы» подчеркивали идею многонациональности, дружбы народов и т.д. С их точки зрения, акцентировать внимание на этнической принадлежности означает «выпячивать себя». С точки зрения успешного взаимодействия с местными жителями этничность еще в относительно недавнем прошлом воспринималась как барьер для взаимопонимания. Сложности адаптации ассоциировались только с природно-климатическими и бытовыми условиями. Современные мигранты, напротив, склонны демонстрировать этническую принадлежность или манипулировать ею. В сформировавшемся сообществе им легче найти поддержку и при необходимости объединяться против других. «Земляки» для них – любые выходцы с Кавказа:

«Здесь между азербайджанцами и армянами очень дружеские отношения, как родные поддерживают друг друга, если надо <...>. Считают своими родными, земляками, и мы идем с ними покупки какие-то делать, очень хорошо принимают, например, русские что-то просят – не дают, да, с подвала, а нам дают как своим» (ПМА 2004–2009. Ж., 1962 г.р.).

До определенного момента для этнических переселенцев не было и правовых проблем, они легко приживались даже без документов. При отсутствии бытовых неудобств для них становятся актуальными более глобальные проблемы, определяемые социально-политическими, административными обстоятельствами: например, проблема пересечения границы в обстановке военных действий, ужесточение режимов въезда и выезда, оформление миграционных карт и т.п.

Вместе с тем в пространство межэтнических коммуникаций практически не вписываются вынужденные мигранты, беженцы. Для них остается актуальной возвратная миграция: *«Родина есть родина. И мы все мечтаем...»*. (ПМА 2004–2009. М., 1965 г.р.); *«Но так как мы приехали временно, ну думали, что сегодня, завтра и вернемся, ну так и остались здесь»* (ПМА 2004–2009. М., 1953 г.р.).

Биографические рассказы всех информантов объединяет тема исторической родины. Родина значима для всех, но для одних – это место, куда они должны обязательно вернуться или хотя бы съездить, если не были, так как там жили предки, а для других – это просто место отдыха. Сохраняется непосредственная связь мигрантов как с новым местом, так и с родиной, и в этом смысле их можно считать трансмигрантами, «они развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, соци-

альные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы» (*Schiller, Bash, Blanc-Szanton* 1992: IX).

Сравнение нового места жительства (Кольского полуострова) с родиной происходит в двух ракурсах: они сопоставляются или противопоставляются. С одной стороны, Хибинские горы похожи на Кавказские горы, на обеих территориях расположены малые города, объединяемые различными ассоциациями, там и здесь сосуществует полиэтничное население. С другой стороны, на Севере спокойно, на родине – конфликты и войны, здесь – «все вместе», там – «каждый сам за себя» и т.д. Таким образом, стереотип родины разрушается на уровне взаимодействий и сохраняется при упоминании экзотических природных условий, традиционного уклада.

Далее мигранты сравнивали адаптивные способности различных возрастных групп и отмечали высокую адаптивность молодежи, что подтверждали на примере детей-мигрантов (своим собственным или своих детей). Очевидно, что кроме возраста, для младшего поколения стимулирующим фактором адаптации являлась внутрисемейная культурная политика родителей (например, намеренный отказ от использования материнского языка даже в кругу семьи). Как правило, родители помогали детям избежать трудностей, с которыми столкнулись сами. Следствиями являются этнический и культурный сдвиг подрастающего поколения, трансформация идентичности у детей, более плотно включенных в культуру «местных», чем их родители. Детям легче менять этничность и манипулировать ею, ситуативно использовать ту, которая более удобна в конкретном случае. Однако не все дети согласны с родительской политикой. Это может выражаться, в частности, в намерении переопределить этническую идентичность и вернуться к «материнской». Разные поколения по-разному приспособлялись к новым условиям. При этом мнения «детей» совпадали с родительскими, когда те оценивали своих родителей.

Итак, каждое поколение считает своих родителей менее адаптированными и менее способными к адаптации, по сравнению с собственным поколением.

* * *

Сексуальные связи между этнически «родными» мужчинами и женщинами, как правило, не вызывают негативного отношения. Обычно осуждение возникает, если затрагиваются интересы различных социальных и возрастных групп. При этом тесные взаимодействия русских

с новыми мигрантами воспринимаются местными жителями негативно. Сегодня «кавказец»-мигрант, независимо от семейного положения, представляет потенциальную опасность для «местных» мужчин, становится для них конкурентом. В отличие от русских мужчин, он не ведает страха, связанного с потерей мужественности: *«Парни-то у нас какие? Вообще хилые, их самих защищать надо»* (ПМА, 2004-2009. Ж., 1960 г.⁵). Местные же мужчины, с одной стороны, гордятся красотой русской женщины и признанием ее «другими», а с другой стороны, предостерегают местных девушек от потребительского, по их мнению, поведения выходцев с Кавказа. Информанты считают, что русская женщина для мигранта – это, в первую очередь, объект сексуального наслаждения: *«Он не любит никого, женщины для него – предмет удовлетворения потребностей, особенно не своей национальности»* (ПМА 2004–2009. Ж., 1985 г.р.); *«Они не учитывают особенностей русской культуры, относятся к женщинам как к товару...»* (ПМА 2004–2009. Ж., 1984 г.р.).

Такое отношение «кавказца» к русской женщине не считается чем-то из ряда вон выходящим. Сексуальная активность списывается на традиционную полигамию выходцев с Кавказа.

Мигрант-«кавказец» наделяется двумя статусами различного уровня: с одной стороны, это низкий социальный статус, чаще всего рыночного торговца (Чеснов 1999), а с другой стороны, высокий сексуальный статус. Отношения между этническими группами могут развиваться по схеме взаимодействия между полами. Гиперсексуальность для мигранта в этом случае выступает в качестве ресурса адаптации. С одной стороны, интимные отношения позволяют быстрее узнать человека, включиться в его ближайшее окружение, а затем и в сообщество (региональное, этническое) в целом. С другой стороны, проникновение в частную жизнь делает человека беззащитным, снижая тем самым напряженность мигранта, который, в свою очередь, получает власть над партнером.

Потребительское поведение во взаимодействии мигрантов-торговцев и принимающего населения (женской его части) не является особенностью «кавказцев», а, скорее, представляет одну из типовых адаптивных стратегий переселенцев и временных жителей. В частности, в африканских странах вплоть до конца XX в. у приезжих «азиатов» были так на-

⁵ Об «утрате маскулинности» как одной из тем позднесоветского дискурса см.: (Здравомыслова, Темкина 2002).

зываемые «временные семьи», которые распадались, «когда появлялась возможность выписать жену или невесту из “метрополии”» (Дятлов 2006: 224–225). Интересны результаты исследования брачности представителей кавказских этнических групп Москвы, которое проводилось в начале 1990-х годов. Оно продемонстрировало, в частности, функционирование института фиктивного брака для закрепления приезжих в Москве, а также различия в оценках русских (московских) и «своих» женщин со стороны мужчин-«кавказцев»: «Сексуальные отношения со “своими” партнершами (и тем более женами), как правило, инвариантны и строятся на основе “классических” традиций и канонов поведения, исключающих сколько-либо активное участие женщины и предполагающих в конечном итоге продолжение рода. От русских требуется как раз обратное: сугубая сексуальность без нежелательных “последствий”, активность и фантазия, [...] в русских женщинах они находят хороших подруг и любовниц, но вовсе не стремятся “слиться” с ними навеки» (Фаус 1997: 149). В данной ситуации не столько важен факт наличия временной семьи (и собственно потребительского отношения к женщине), сколько представляют интерес мотивы, которые заставляют мигранта выбирать такой путь адаптации, и модели реализации этой стратегии.

* * *

Наши исследования показали, что взаимодействия между этническими группами на Кольском Севере имеют свою специфику, которая, прежде всего, определяется сформировавшимся в течение XX столетия стереотипом открытости общества и традицией бесконфликтного сосуществования народов. Высокие темпы и сокращенные сроки промышленного строительства на Севере первоначально не были ориентированы на формирование постоянного населения новых городов, тем более не принималось в расчет этническое разнообразие населения. Возможно, в этой связи современные жители Кольского Севера не воспринимают свои города как формы для определенного этнического содержания. Так, в отношении молодых городов Мурманской области не используется понятие «русский город». Природно-географические, поселенческие особенности Кольского Севера ассоциативно часто соотносятся с этнической родиной приезжих: сравниваются экзотичность, пусть и географически противоположная, природных условий, усматривается

сходство Кавказских и Хибинских гор, видится аналогия в культурном многообразии населения и т.д.

В настоящее время можно говорить лишь о направленности адаптационных процессов новых мигрантов. Для успеха их адаптации важны не только предварительные представления приезжающих о регионе, в который они направляются, но и первое восприятие мигрантами территории нового проживания, определение возможных взаимоотношений с другими социальными и этническими группами. Изменение ситуации необходимо фиксировать с учетом постоянно меняющейся социально-политической, экономической, культурно-образовательной ситуации.

Список сокращений

АССР – Автономная Советская Социалистическая республика
ГАО – Государственный архив Архангельской области
ГАО – Государственный архив Мурманской области
НА КНЦ РАН – Научный архив Кольского научного центра РАН
РАН – Российская академия наук
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ЦГП КНЦ РАН – Центр гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра Российской академии наук

Библиография

Архивохранилище 2002 – Архивохранилище документов новейшей политической истории государственного архива Мурманской области: Путеводитель / редкол. Н.Н. Галактионова, Т.В. Ишбирдина, Н.А. Пыхтина (отв. ред.), С.Г. Руденко. М.: Звенья, 2002.

ГАО 2000 – Государственный архив Архангельской области: Путеводитель: в 2 т. Архангельск, 2000. Т. 1.

Герасимов 2004 – Герасимов Д.А. Политическое развитие Мурманска в 1917–1920 годах: дис... к.и.н. Мурманск, 2004.

Двинин 1966 – Двинин Е.А. Край, в котором мы живем. Мурманск, 1966.

Добров 1967 – Добров В.В. Население Кольского Севера. Мурманск, 1967.

Дятлов 2006 – Дятлов В.И. Торгаши, чужаки или посланные богом? (симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки). М., 2006.

Жогин, Маслова, Шаповалов 2002 – Жогин Б.Г., Маслова Т.Ф., Шаповалов В.К. Интеграция вынужденных мигрантов в местное

сообщество: опыт практической и исследовательской деятельности. Ставрополь, 2002.

Здравомыслова, Темкина 2002 – *Здравомыслова Е., Темкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О мужественности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. М., 2002. С. 432–451.

Змеева 2009 – *Змеева О.В.* Динамика этнического стереотипа // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история / под ред. В.П. Петрова, И.А. Разумовой. Апатиты, 2009. С. 113–120.

Измоденова 2008 – *Измоденова Н.Н.* Стратегии миграционного поведения населения Мурманской области // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации / под ред. В.П. Петрова, И.А. Разумовой. Апатиты, 2008. С. 60–68.

Карпов 1993 – *Карпов Ю.Ю.* Мужские союзы в социокультурной традиции горских народов Кавказа // Этнос и этнические процессы / отв. ред. В.А. Попов. М., 1993. С. 199–213.

Касаткина 2004 – *Касаткина Н.В.* Особенности адаптации этнических групп в современной Литве // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 46–54.

Киселев 1974 – *Киселев А.А.* Родное Заполярье. Очерки истории Мурманской области (1917–1972 гг.). Мурманск, 1974.

Кольская 2008 – *Кольская энциклопедия.* СПб.: ИС; Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2008. Т. 1.

Кузнецов 2006 – *Кузнецов И.М.* Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере города Москвы): автореф. дис. ... к. социол. н. М., 2006.

Михайлов 2004 – *Михайлов Е.И.* Миграционные процессы в истории формирования населения Европейского Севера России в XX веке: дис. ... к.и.н. Мурманск, 2004.

Мурманская 1916 – *Мурманская железная дорога:* Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг., 1916.

Население 1989 – *Население СССР 1988:* стат. ежегодн. / Госкомстат СССР. М., 1989.

Першиц, Трайде 1986 – *Першиц А.И., Трайде Б.* Авункулат // Социально-экономические отношения и соционормативная культура / отв. ред. А.И. Першиц, Б. Трайде (Свод этнографических понятий и терминов); под общ. ред. акад. Ю.В. Бромлея и проф. Г. Штробаха. М., 1986. С. 38–39.

ПМА 2004–2009 – *Змеева О.* Материалы полевых исследований в Мурманской области, 2004–2009 гг.

Россия 2005 – Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М., 2005.

Фаус 2007 – Фаус О.Д. Проблема брачности представителей некоторых этнических групп населения Москвы (1992–1994 гг.) // Семья, гендер, культура. М., 1997. С. 146–151.

Чеснов 1999 – Чеснов Я.В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Чечня и Россия: общества и государства. Сборник материалов к конференции / отв. ред.-состав. Д.Е. Фурман. М.: «Полинформ-Талбури», 1999. <http://www.sakharovcenter.ru/chr/chrus041.htm>; <http://www.sakharovcenter.ru/chr/chrus042.htm>; <http://www.sakharovcenter.ru/chr/chrus043.htm>; http://www.sakharovcenter.ru/chr/chrus_044.htm. Последнее обращение: 27.06.2012

Численность 2004 – Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения: в 14 т. М., 2004. Т. 1.

Шмелева, Шмелев 2002 – Шмелева Е.Я, Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002. 144 с.

Bogardus 1950 – Bogardus E.S. Stereotypes Versus Sociotypes // Sociological and Social Research. 1950. № 3. P. 286–291.

Boyd 1989 – Boyd M. Family and personal networks in international migration: Recent development and new agenda // Intern. Migration Review. 1989. Vol. 23. № 3. P. 238–270.

Schiller, Bash, Blanc-Szanton 1992 – Glick Schiller N., Bash L., Blanc-Szanton C. Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. N.Y., 1992.

Татьяна Годовых
Северо-Восточный государственный университет,
г. Магадан

**Программы биологической адаптации
мигрантов и аборигенов Чукотки**

Введение

В процессе эволюции сформировались биосистемы с многоуровневым управлением и регуляцией, избыточностью и взаимозаменяемостью структур, способностью к самоорганизации и активному поиску устойчивого состояния, что обеспечивает их высокую надежность в изменяющейся среде (Анохин 1948: 81; 1975). В динамике онтогенеза происходит формирование функциональных систем с достижением определенного полезного результата для обеспечения выживаемости, взаимодействие генотипических и фенотипических факторов в их формировании. Здоровье характеризуется способностью организма сохранять основные параметры гомеостаза в условиях изменений его внутренней и внешней среды, является интегральным показателем жизнедеятельности организма как в данный конкретный момент, так и на протяжении всего онтогенеза (периода развития) (Сауткин 2003: 55). При воздействии нового фактора среды первая реакция направлена на адаптивные формы поведения в целях экономии энергии. Первый тип реакции поведения – бегство от неблагоприятного раздражителя (в том числе миграции в благоприятные районы существования). Второй тип реакции – формирование толерантности. Третий тип – активная адаптация по принципу резистентности (Медведев 1982: 362–374). Если адаптивные формы поведения не позволяют избежать неблагоприятного фактора, включаются физиологические механизмы адаптации, которые обеспечиваются перестройкой биохимических процессов, начиная с внутриклеточного уровня, новым уровнем деятельности регуляторных механизмов. Для достижения стойкой фенотипической адаптации в обеспечивающих системах возникают морфофункциональные структурные перестройки (Меерсон 1988: 256; 1999: 138). Воздействие одинаковых экологических факторов приводит к односторонним ответным реакциям организма, не зависящим от этнической и расовой принадлежности индивида, однако норма изменения признака осуществляется в пределах генетически обусловленных границ, свойственных данному этносу (Алексеева 1986). По мнению

исследователей (*Струков и др.* 1983), онтогенез выступает усилителем заложенной наследственной информации, которая включается при поглощении из окружающей среды неспецифической информации, формируя структурно-метаболические перестройки с учетом соответствия окружающего пространства и потребностей системы. По мнению В.П. Казначеева (*Казначеев* 1980) адаптация как одно из фундаментальных свойств живой материи является результатом и средством разрешения внутренних и внешних противоречий жизни, требует затрат энергии и информации, в связи с чем можно говорить о «цене» адаптации как о напряжении определенной степени регуляторных механизмов; это обусловлено величиной израсходованных функциональных резервов. В состоянии адаптации находятся все группы населения Чукотки: мигранты адаптируются к климатогеографическим факторам, аборигены – к социально-экономическим. Основываясь на теории А.П. Анохина и стресса Г. Селье (*Селье* 1960), выделяя кататоксические и синтоксические элементы адаптации, мы предприняли попытку систематизировать материал, полученный нами в процессе изучения онтогенетического развития детей Чукотского АО в возрасте от 3 до 18 лет.

За период 1882–2005 гг. произошло резкое уменьшение численности детей до 16 лет (более чем в 3 раза), детей в возрасте 0–6 лет (в 4,6 раза). Количество женщин фертильного возраста снизилось на 63% за счет сокращения мигрантов. Также отмечено уменьшение численности трудоспособного населения более чем в 2 раза, особенно в возрасте 25–39 лет (в 3,6 раза). К мигрантам мы относили лиц, приехавших на Север для длительного (постоянного) проживания и ведения там хозяйственной деятельности, но родившихся в районах с существенно более комфортными природно-климатическими условиями. За основу возникновения устойчивых адаптивных изменений брали период длительности исторической адаптации к условиям Севера; для аборигенов – век; для мигрантов – 1–10 лет; и более длительная адаптация для уроженцев 1 и 2 поколений. Также учитывали процессы метисации аборигенов. В нашем исследовании численность детей мигрантов и аборигенов к 2005 г. стала примерно равной. В связи с интенсивным оттоком населения, особенно из промышленных районов, закрытием нескольких поселков городского типа изменилась структура населения. Доля городских жителей сократилась от 72,7% в 1992 г. до 67,7% в 2003 г., доля сельских жителей возросла на 4,3% соответственно. Период глобализации на Чукотке привел к изменению культур-

ного пространства, социальных условий, внешнего и внутреннего облика городов, поселков и сел. Ежегодно производился капитальный и текущий ремонт объектов социальной сферы, жилых домов, зданий и сооружений, всех коммуникаций, улучшалось качество медицинской помощи, что преобразило не только экологическое пространство, но и образ мышления населения.

Следует отметить некоторое уменьшение доли детей в структуре населения Чукотки: с 26,2% в 1992 г. до 20,6% в 2004 г., за счет численности детей-мигрантов от 26,3% до 15,6%. Демографические особенности населения Чукотки имеют следующие характеристики. У аборигенов на фоне постоянно высокой рождаемости и высокой смертности отмечается незначительная тенденция к снижению последней; тенденция к снижению младенческой смертности; численность населения имеет прирост; естественный прирост стабилен. У мигрантов показатель рождаемости имеет низкий уровень, тенденция к дальнейшему снижению; показатель смертности имеет тенденцию к увеличению, несмотря на низкие цифры (миграция населения старше трудоспособного возраста, выезд на материк); естественный прирост населения имеет тенденцию падения до отрицательных величин; младенческая смертность выше, чем в среднем по России. Численность мигрантов сократилась практически в 2,7 раза за 1992–2005 гг.

Материал и методы исследований

Проведены поперечные исследования физического развития детей Чукотского АО в возрасте от 3 до 18 лет с 1996 по 2005 гг. (опубликованы нормативы физического развития по результатам исследований более 13 000 человек). Комплексно с изучением компонентного состава поперечно обследовано 2258 детей. Весь контингент обследованных детей был разделен на 2 группы с учетом групп населения: мигранты (прибывшие в ЧАО, уроженцы 1 и 2 поколения) 1156 человек – 1 группа. Аборигены (дети малочисленных народов Севера) 1102 человека – 2 группа. В соответствии с возрастной периодизацией дети были разделены на группы: ранний возраст (1–3 года), первое детство (4–7 лет), второе детство (8–12 лет мальчики и 8–11 лет девочки), подростки (13–16 лет мальчики и 12–15 лет девочки), юношеский (17–21 год юноши и 16–20 лет девушки). Исследования детей проводились на базах детских дошкольных и школьных учреждений Чукотского АО, в соответствии с требованиями биоэтики.

Измерения показателей физического развития проводились стандартным набором антропометрических инструментов, прошедших метрическую проверку по общепринятой методике, разработанной и принятой в НИИ антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова, описанной в пособии В.В. Бунака (1941). Измерения проводились по рекомендациям Э.Г. Мартиросова (1982) и Б.А. Никитюка (1991). На основании полученных данных рассчитывались количественные характеристики основных компонентов массы тела (костной, мышечной, жировой), массоростовые соотношения, индексы пропорциональности тела, площади поверхности тела. Использовался следующий набор антропометрических инструментов: антропометр, большой толстотный циркуль, скользящий циркуль, метрическая лента, калипер, весы, кистевой динамометр. Всем детям (мигрантам и абригенам) в число изучаемых соматометрических признаков были включены масса (МТ) и длина тела (ДТ) и туловища (ДТл); окружность головы (ОГ), груди (ОГК), плеча (ОП), бедра (ОБ), голени (ОГл), ягодиц (ОЯ), запястья (ОЗ); поперечные диаметры плеч (ДП), таза (ДТ); дистальные диаметры плеча (ДДП), предплечья (ДДПр), бедра (ДДБ), голени (ДДГ); толщина кожно-жировой складки (над трицепсом, под лопаткой, на животе, на голени, бедре, груди, плече спереди и сзади). На основании полученных соматометрических данных определены индексы грудной клетки (ИГК) и ширины таза (ИШТ), площадь тела (ПТ), относительная поверхность тела (ОПТ), индекс Кетле (ИК), индекс Рорера (ИР), масса компонентов тела (по формулам Матейки) и их отношение к массе тела. Определяли насыщение крови кислородом на пульсоксиметре «Оксипульс – 02». По информированному согласию проводили исследования липидного (726 человек), углеводного и белкового обменов, содержание кальция и фосфора в сыворотке крови (542 человека) в возрасте от 7 до 18 лет, все возрастные группы репрезентативны. Аналитическое определение всех вышеперечисленных параметров выполнялось в лаборатории биологической и неорганической химии отдела экологической эндокринологии Института физиологии природных адаптаций УрО РАН г. Архангельск. Анализировали показатели в зависимости от возраста, пола, этнической принадлежности. Сравнение полученных результатов проводили со среднеширотными нормативами. Обработка полученного материала производилась на компьютере типа IPM Pentium V с помощью стандартных методов математической статистики, включая корреляционный анализ, с использованием пакета программ STATISTICA 6.0. Достоверность

различий оценивали по t – критерию Стьюдента, различия считались достоверными при $p < 0,05$. С помощью процедуры рангового коэффициента корреляции Спирмена оценивалась статистическая связь параметров углеводного, липидного, белкового обменов и биоэлементов для выявления характера их взаимовлияния. Значения коэффициентов ранговой корреляции Спирмена (r_s), характеризующие среднюю (0,45–0,7) и сильную (0,71 и $>$) связи с уровнем достоверности $p \leq 0,05$, выделены полужирным шрифтом.

Результаты исследований

Для выяснения закономерностей и особенностей адаптивных реакций детской популяции Чукотского АО были изучены метаболические перестройки. В процессе онтогенеза детей мигрантов отмечается усиление процессов гликолиза и достоверное снижение среднегодового уровня глюкозы (ГЛЮ). Мигранты в развитии переходят на более экономный путь метаболизма, формируя низкий уровень ГЛЮ и высокий уровень лактата (ЛАК). Выявлено усиление анаэробного гликолиза мигрантов – прибывших мальчиков второго детства относительно уроженцев мигрантов 1 и 2 поколений. Гипогликемия как физиологический механизм развития в экстремальных условиях Севера выражена в 2 раза больше у аборигенов на стадии второго детства, нежели у мигрантов. В то же время мигранты формируют механизм компенсации, достигая наибольшей скорости коррекции гормонального ансамбля при достижении дефинитивного возраста. Результаты наших исследований свидетельствуют об однотипных изменениях углеводного обмена в виде усиления гликолиза, перехода на анаэробный тип, подключением фосфорилирования и отличиях у аборигенов в виде усиления промежуточного обмена, направленного на экономичное использование метаболитов, имеющихся в распоряжении системы. Усиление анаэробного гликолиза и окислительного фосфорилирования оптимально для условий жизнеобеспечения в условиях Чукотского АО. Сроки проживания детей 1 группы не оказывали влияние на среднегодовые уровни показателей углеводного обмена, однако у уроженцев 1 группы отмечено снижение анаэробного гликолиза в подростковом возрасте относительно прибывших. В онтогенезе уроженцев 1 группы происходило снижение ГЛЮ, увеличение ПИР и неорганического фосфора от второго детства к юношескому возрасту. Прибывшие мигранты характеризовались: снижением уровня ГЛЮ и ЛАК, кальция (Ca), также увеличением ПИР от второго детства к юношескому; снижением процессов анаэробного глико-

лиза и уровня неорганического фосфора от 2 детства к юношескому. Метисация у детей 2 группы незначительно влияла на углеводный обмен, отмечено увеличение среднего уровня ГЛЮ метисов относительно аборигенов во 2 детстве и юношеском возрасте, остальные концентрации метаболитов без изменений.

Изучали влияние сезонности на обмен веществ, выявлены различные адаптивные механизмы регуляции смены сезонов «весна–осень» аборигенов и мигрантов. Для детей 2 группы характерно отсутствие флуктуаций уровня ГЛЮ, ЛАК и ПИР со сменой сезонов весна–осень. Весной у них низкий уровень ГЛЮ, независимо от пола и возраста, а осенью увеличивается у мальчиков подростков. Для мальчиков 2 группы, юношей и девочек 2-го детства – девушек характерны низкие уровни ЛАК весной, а осенью только для девочек подростков. Флуктуации ПИР характеризуются низкими у уровнями девочек 2 группы 2-го детства весной и осенью у девушек. Весной у детей 1 группы установлено увеличение ГЛЮ и ЛАК на фоне снижения сывороточного кальция на каждом отрезке онтогенеза относительно детей 2 группы. В подростковом и юношеском возрасте у детей 1 группы весной выявлено превалирование анаэробных процессов окисления над аэробными на фоне снижения неорганического фосфора (Р) относительно детей 2 группы. Осенью установлено увеличение уровня ПИР у детей 1 группы в юношеском возрасте, увеличение ЛАК в подростковом возрасте относительно 2 группы. Установлено увеличение Р детей 2 группы в юношеском возрасте относительно 1 группы. Данные механизмы регулируются гормональным ансамблем, значительную роль играют мелатонины, участвующие в фотопериодичности. Изменения сезонов года сопровождается у детей 2 группы незначительными трансформациями метаболизма, что обеспечивается высокими резервными энергетическими возможностями, вероятно с усилением регуляции мелатонинов в гормональном ансамбле.

Изучали показатели липидного обмена. Выявлено увеличение общего холестерина (ОХ) мигрантов начиная с подросткового возраста в основном за счет фракции этерифицированного холестерина (ЭХ). Отмечен дисбаланс среднегодового уровня ОХ у всех детей. Холестерин липопротеинов низкой плотности (Хол-ЛПНП) находился в пределах физиологических норм, однако снижение более выражено у аборигенов в процессе развития с одновременным увеличением уровня Хол-ЛПВП. Мигранты имели более низкий уровень холестерина высокой плотности (Хол-ЛПВП) во 2 детстве и подростковом возрасте, нежели аборигены. Со-

держание триглицеридов (ТГ) мигрантов юношеского возраста было выше, чем у аборигенов. Дети аборигены формировали изменение уровня ТГ в виде снижения от 2 детства к подростковому возрасту с последующим увеличением в дефинитивном возрасте.

В липидном обмене формируются закономерности, позволяющие оптимально выравнивать развитие в экстремальных условиях. Это повышение среднегодового уровня ЭХ на фоне стабильного свободного холестерина (СХ), снижение ОХ от 2 детства к юношескому возрасту на фоне дисбаланса показателя (за счет снижения ЭХ). Отмечено увеличение содержания ЛПВП у всех детей (в процессе развития на фоне снижения свободных жирных кислот (СЖК), (кроме аборигенов в юношеском возрасте).

Выявлены особенности липидного обмена мигрантов в зависимости от сроков проживания. Установлено снижение уровней ТГ, ЛПВП и повышение СХ в подростковом возрасте уроженцев-мигрантов относительно прибывших мигрантов. К юношескому возрасту различия сглаживаются в некоторых метаболитах, однако стабильно снижение ТГ в группе уроженцев. В процессе онтогенетического развития уроженцев-мигрантов происходят трансформации липидного обмена, приводящие к следующим изменениям: снижение ОХ, СХ, ЛПНП, СЖК/ТГ от второго детства к юношескому возрасту; постоянный уровень ЛПВП, СЖК, ЭХ, ТГ. В группе прибывших мигрантов изменения в процессе онтогенеза другие: постоянный уровень ОХ, СХ, ЛПВП, СЖК, ЭХ, ТГ. Метисация проявлялась увеличением коэффициента этерификации холестерина от второго детства к юношескому, ЛПВП от второго детства к подростковому при одновременном снижении коэффициента атерогенности. Постоянными метаболитами в процессе онтогенеза у метисов были ОХ, ЛПНП, ЭХ, ЛПОНП, ТГ, СЖК. Весна оказывала меньшее влияние на липидный обмен: увеличение СЖК/ТГ детей 2 группы в юношеском возрасте относительно 1 группы. Осенью более выраженные изменения: увеличение ОХ и ЭХ у детей 2 группы подросткового возраста, СЖК и СЖК/ТГ в юношеском возрасте относительно детей 1 группы. При переходе к полярной ночи усиление липидного обмена и этерификации холестерина характерно для детей 2 группы.

В белковом обмене выявлено увеличение мочевины (МОЧ) у детей 1 группы (подростковый и юношеский периоды) относительно детей 2 группы. Метисация у детей 2 группы проявляется увеличением креатинина (КРЕ) в юношеском возрасте. Прибывшие мигранты имеют снижение общего белка (ОБ) в подростковом возрасте, в процессе роста и

развития повышение МОЧ от второго детства к подростковому и юношескому возрасту. Весной у детей 1 группы отмечено увеличение КРЕ и МОЧ во втором детстве относительно детей 2 группы. Осенью только увеличение МОЧ у детей 1 группы относительно 2 группы.

Использовали ранговый коэффициент корреляции Спирмена (в центре представлены взаимосвязи между белковым и углеводным обменами, а за кругом выведены их взаимодействия с липидным обменом) для оценки взаимосвязей показателей.

Рис. 1. Взаимосвязи биохимических показателей девочек 2 группы (юношеский возраст).

Установлены сильные и средние связи показателей углеводного и белкового обменов с показателями липидного обмена у девочек 2 группы: положительные взаимосвязи ГЛЮ с ЭХ и коэффициентом атерогенности (КА). В белковом и углеводном обменах сильная положительная связь ЛАК с ЛАК/ПИР, указывающая на увеличение анаэробных процессов при увеличении ЛАК; появляются две средние положительные связи Р с ЛАК/ПИР и ЛАК с Р, указывающие на усиление фосфогенного механизма при анаэробном гликолизе. Выражена сильная положительная взаимосвязь ОХ и ЭХ, свидетельствующая, что при увеличении ОХ ведущая роль принадлежит ЭХ. Средние положительные взаимосвязи: КА с ЭХ и ОХ; ТГ и ЭХ (строительство стероидных гормонов требует дополнительного энергетического топлива). Средние отрицательные взаимосвязи: ЛПВП и КА; СЖК/ТГ с ЭХ и СЖК/ТГ с ЛПОНП (увеличение уровня ТГ в составе СЖК снижает ЭХ и ЛПОНП). Строительство ансамбля гормонов происходит при использовании ТГ в составе СЖК.

Рис. 2. Взаимосвязи биохимических показателей мальчиков 2 группы (юношеский возраст).

В юношеском возрасте мальчиков 2 группы характер взаимосвязей отличался от девушек. Сильная положительная взаимосвязь ЛАК и ЛАК/ПИР, средняя отрицательная взаимосвязь ПИР и ЛАК/ПИР свидетельствуют о тесной связи метаболитов углеводного обмена. Также сохраняется связь ЛАК/ПИР с Р, однако менее выраженная, чем у девочек, свидетельствующая об усилении фосфогенного механизма при анаэробном гликолизе. Сильная положительная взаимосвязь КРЕ и ГГТ, указывающая, что при увеличении уровня КРЕ увеличивается активность ГГТ и наоборот. Поскольку активность ГГТ находилась практически в пределах границ физиологических норм, а КРЕ на верхней границе

норм, можно предположить участие ГГТ в катаболизме белков для оптимизации гормонального ансамбля. ПИР образует три средние взаимосвязи: две положительные с ТГ и ЛПОНП, а также одну отрицательную с СЖК/ТГ, свидетельствующие об усилении промежуточного обмена. Средняя отрицательная взаимосвязь уровня КРЕ и содержания Са свидетельствует об антагонистическом влиянии Са на катаболизм белков. Из ферментных систем установлена средняя положительная взаимосвязь АСТ и ОХ, указывающая, что при увеличении уровня ОХ усиливается активность АСТ и наоборот. Поскольку уровень ОХ находился выше границ физиологических норм в 23%, а активность АСТ была в нормальных границах, можно предположить, что незначительное увеличение концентрации АСТ оказывало влияние на увеличение уровня ОХ.

Рис. 3. Взаимосвязи биохимических показателей девочек 1 группы (юношеский возраст).

В юношеском возрасте у девочек 1 группы показаны средние положительные взаимосвязи ЛАК и ЛАК/ПИР с АСТ, указывающие на то, что при увеличении АСТ усиливаются анаэробные процессы и снижается Апо-А. Гипоксия тканей (почти у половины девочек ЛАК выше физиологических норм) приводит к истощению фермента АЛТ (снижение ниже физиологических норм в 42% случаев), увеличению КРЕ в 21%, снижению ОБ в 16%, снижению Са в 36% случаев. Система мигрантов работает на «истощении», жертвуя белком для обеспечения необходимых нужд роста и развития. КРЕ имеет среднюю отрицательную взаимосвязь с Апо-В, указывающую на катаболизм белка при снижении Апо-В. В липидном обмене характерно наличие средних положительных взаимосвязей КА с ОХ, ЭХ и ЛПНП и отрицательной связи с ЛПВП.

Рис. 4. Взаимосвязи биохимических показателей мальчиков 1 группы (юношеский возраст).

Юноши 1 группы формируют несколько другие взаимосвязи обменных процессов. Так же как у девушек 1 группы, у юношей при анаэробных процессах происходит переаминирование белков с участием АСТ. Однако увеличение КРЕ увеличивает МОЧ и ЛПВП, снижает содержание Р и наоборот. Активное усиление синтеза и распада белков формируют участие липидного обмена в виде усиления процессов этерификации холестерина с участием Са. У юношей 1 группы уровень ЛАК выше физиологических норм сохраняется в 53% случаев. Уровень ГЛЮ в 78% случаев ниже границ физиологических норм, при этом появляет-

ся положительная средняя взаимосвязь ГЛЮ и ОБ, указывающая на то, что при увеличении уровня ГЛЮ происходит увеличение содержания концентрации ОБ и наоборот. У юношей 1 группы уровень ОБ находился ниже физиологических норм в 25% случаев, что свидетельствует о катаболической направленности. В усилении анаэробных процессов принимает участие и АСТ (средняя положительная взаимосвязь АСТ и ЛАК/ПИР), усиление активности процессов трансаминирования при увеличении анаэробных процессов. При распаде белка образуется КРЕ, уровень которого у мигрантов в юношеском периоде увеличился выше границ физиологических норм в 38% случаев, что подтверждает деструктивные процессы, в результате которых система жертвует белком для покрытия необходимых потребностей роста, развития и созревания. КРЕ в свою очередь имеет среднюю положительную взаимосвязь с МОЧ, которая связана слабой положительной взаимосвязью с ГГТ. У юношей 1 группы отклонение выше границ физиологических норм Р было в 20% случаев, что позволяет предположить компенсаторное участие Р в адаптационных механизмах белкового обмена мигрантов. Установлена сильная положительная взаимосвязь КРЕ и ЛПВП, указывающая на то, что при увеличении уровня КРЕ увеличивается уровень ЛПВП и наоборот. Появляется средняя положительная взаимосвязь Са и КЭ, указывающая на усиление процессов этерификации холестерина при увеличении концентрации Са. У юношей мигрантов снижение ниже границ физиологических норм уровня Са отмечено в 33%, а КЭ выше границ норм в 50% случаев, что свидетельствует о значительном участии Са в процессах этерификации холестерина. Таким образом, у мигрантов юношей усиливаются анаэробные процессы (при подключении ферментных систем – АСТ), которые приводят к снижению уровня ОБ за счет его распада. Одновременно подключаются компенсаторно-защитные механизмы, направленные на увеличение Р, который принимает участие в снижении уровня КРЕ. Са усиливает процессы этерификации холестерина, учитывая, что КЭ выше границ физиологических норм в 50% случаев, Са используется системой очень активно, в результате снижается его уровень в сыворотке крови. Одновременно подключаются механизмы липидного обмена, направленные на увеличение ЛПВП при увеличении распада белка, которые в свою очередь опосредованно оказывают влияние на процессы обмена холестерина с использованием СЖК для покрытия энергетических потребностей системы. У юношей мигрантов превышение от границ физиологической

нормы уровня ЛПВП составило 94% случаев, что свидетельствовало об активном участии ЛПВП в адапционно-компенсаторных механизмах для восстановления системы мигрантов. У юношей мигрантов уровень ЛПНП находился в пределах границ физиологических норм, в то время как СЖК был ниже границ физиологических норм в 43% случаев, что свидетельствовало об активном участии СЖК в нормализации холестерина обмена. Таким образом, в липидном обмене мигрантов юношей подключаются механизмы на увеличение уровня ЛПВП, активное использование СЖК/ТГ для поддержания нормального уровня ОХ и процессов этерификации холестерина.

Результатом взаимодействия обменных процессов и функциональной интеграции систем организма является создание морфофункциональных перестроек и формирование адаптивного типа. Выход параметров системы за пределы лимитов нормы, возникающих на определенных этапах онтогенетического развития детей, формирует более совершенный тип при достижении дефинитивного возраста. Нами были впервые разработаны нормативы основных показателей физического развития с учетом групп населения (аборигены, мигранты), возраста, пола, являющиеся математической моделью развития детей в условиях Чукотки. При сравнении со среднероссийскими нормативами выяснилось, что в период полового созревания мальчики 1 группы выходят за пределы 25–75 центильного коридора среднероссийского норматива в сторону увеличения МТ при соответствующей ДТ, к концу созревания 25 центильный интервал приближается к норме, а нижняя граница сужена (рис. 5). Мальчики аборигены проходят по верхней 25 центильной шкале, и сдвиг отмечен в сторону сужения коридора по МТ, без смещения. К юношескому возрасту отмечено выравнивание различий мигрантов и аборигенов мальчиков. Нарушения гармоничности более выражены у девочек обеих групп, наступают раньше, с периода 2-го детства, к окончанию созревания коррекции сдвига не происходит, что можно отнести к формированию адаптивного типа, начиная со 2-го детства и до юношеского возраста. Девочки 1 группы несколько отстают от девочек 2 группы, однако к юношескому возрасту происходит выравнивание коридора мигрантов и аборигенов девушек, тенденция направленности к среднероссийским нормативам. Формирование гармоничности отличается у мальчиков и девочек, детей 1 и 2 групп, что свидетельствует о различных механизмах программ адаптации.

Рис. 5. Центильное распределение массы тела (кг) мальчиков (а) и девочек (б) с учетом групп населения в зависимости от длины тела (см).

Известно, что существует тесная связь между характером изменения интенсивности обмена веществ и скоростью роста. При увеличении относительной скорости роста (приростах МТ) происходит снижение интенсивности обмена покоя. По результатам наших исследований (рис. 6) относительная скорость роста детей 1 и 2 групп различна, не совпадает по возрасту, уровню и полу. В группе аборигенов интенсивность основного обмена выше. Очевидно, дефицит энергии, возникающий в группе мигрантов, не может покрыться сразу и относится к долгосрочным адаптациям, закрепленным на уровне генома метаболическими перестройками с учетом фенотипических признаков.

Рис. 6. Распределение приростов ДТ и МТ, компонентов тела у мальчиков (а – мигранты, в – аборигены) и девочек (б – мигранты; г – аборигены) в зависимости от групп населения в онтогенезе.

Как видно из представленных данных, у мигрантов и аборигенов приросты компонентов тела, ДТ и МТ различны, что еще раз подтверждает их разный энергетический уровень функционирования и механизмы адаптации.

Период раннего и первого детства Северо-Востока России характеризуется гетерохронным физическим развитием, мигранты обгоняют аборигенов по ДТ и МТ, причем у мальчиков отличия значительнее. Признаки полового диморфизма сильнее выражены у мигрантов (с 2 лет), нежели у аборигенов (с 4 лет). Адаптационный характер приростов мигрантов скачкообразный, высокого уровня, в отличие от аборигенов независимо от пола. Уровень внутригрупповой вариации по показателю ДТ и МТ у мальчиков и девочек различен. Коэффициент вариации МТ в 2–3,5 раза превышает ДТ, свидетельствуя о большей изменчивости МТ. Физическое развитие детей первого детства характеризуется неравномерным увеличением ДТ и МТ, обхватных размеров, дистальных диаметров и частей тела. Выявлены межгрупповые различия скорости ростовых процессов по ИК. В периоде 1-го детства характерен равномерный, плановый прирост костной и мышечной ткани детей обоего пола. Абсолютное и относительное содержание костного компонента больше у мальчиков первого детства, нежели девочек, независимо от возраста и этнической принадлежности. Мигранты отличались более высокими

уровнями приростов ДТ и МТ, ранним проявлением полового диморфизма, большими геометрическими размерами сомы.

В ходе исследования выделили у детей 1 группы уроженцев (родившихся на Севере) и прибывших (прибывших на Чукотку с родителями) и у детей 2 группы метисов (отец не относился к малочисленным народам Севера) и аборигенов (оба родителя из числа малочисленных народов Севера). Уроженцы мальчики мигранты 1 детства отличаются достоверно большей силой мышц правой кисти и снижением активной массы тела относительно приезжих детей, что свидетельствует об активации анаболических процессов мигрантов уроженцев. Уроженцы девочки мигранты отличались увеличением кожно-жировой складки плеча спереди, предплечья, грудной клетки; относительного содержания жира, изменений, свидетельствующих об активации липогенеза. Метисы девочки имели увеличение абсолютного количества мышц и как следствие снижение индекса Рорера и обезжиренной массы тела относительно аборигенов, очевидно за счет увеличения синтеза белка и активации анаболических процессов. Усиление нарастания мышечной и костной тканей отмечено также у метисов мальчиков (с увеличением обхватных размеров плеча, предплечья, лодыжки, дистальных диаметров плеча), но все эти изменения происходили за счет снижения широтного размера грудной клетки, плотности тела. Следует отметить, что кожно-жировая складка на животе мальчиков аборигенов является «неприкосновенным запасом», а у метисов отмечено ее изменение в онтогенезе. Метисация мальчиков также проявляется увеличением синтеза белка, анаболическими процессами, однако добавляется усиление роста кости плеча; одновременно снижается поперечный диаметр грудной клетки и плотность тела.

Второй период детства характеризуется более выраженными преобразованиями, межгрупповыми и половыми отличиями, резкими колебаниями максимальных приростов мигрантов мальчиков и плавными приростами аборигенов. Уровни приростов ДТ и МТ мигрантов выше, чем у аборигенов, за исключением некоторых возрастных промежутков. Приросты скачкообразны, причем у аборигенов девочек отмечается их сдвиг на 1–2 года. Максимальные приросты ДТ и МТ девочек в этом периоде имеют высокий уровень независимо от групп населения. Мигранты выравниваются по ДТ (мальчики-девочки) на 1 год раньше аборигенов, а по МТ – в одинаковые возрастные промежутки. Максимальная прибавка МТ девочек наблюдалась с 11 до 12 лет независимо от

групп населения. Выявлены особенности полового диморфизма по основным показателям физического развития: девочки независимо от этнической принадлежности обгоняют своих сверстников по ДТ и МТ в 12 лет, а в 11 лет во всех группах отмечается функциональный перекрест по ДТ и МТ. Независимо от этнической принадлежности приросты ДТ и МТ девочек более интенсивные с 10 до 12 лет, чем мальчиков. Интересным является факт несоответствия абсолютных обхватных размеров мигрантов (увеличение) и темпов их прироста аборигенов (высокие). Масса тела и половые отличия мигрантов мальчиков значительнее, чем у аборигенов. Темпы прироста дистальных диаметров конечностей примерно одинаковые во всех возрастно-половых и этнических группах, а их максимальные приросты не совпадают по возрастно-половым группам. Рост в ширину грудной клетки мальчиков, а таза – девочек более выражен у аборигенов. Характер жировотложения формируется по женскому типу у девочек независимо от этнических групп, формируется преобладание жирового компонента мигрантов. Абсолютное и относительное содержание мышечной ткани аборигенов девочек 11 лет больше, чем у мальчиков. Содержание активных компонентов тела мигрантов больше, чем у аборигенов независимо от пола, в отдельные возрастные периоды костный компонент мальчиков больше, чем у девочек. В данный период онтогенеза начинают подключаться к процессам регуляции стероиды, различия фаз приростов аборигенов в 1–2 года свидетельствует о различиях регуляции систем 2-х групп населения. Высокие уровни приростов свидетельствуют о снижении основного обмена всех детей, происходит функциональный перекрест также одинаково у всех детей, однако девочки мигранты догоняют своих сверстников мальчиков по ДТ на 1 год раньше аборигенов, что свидетельствует о раннем проявлении полового диморфизма. Мальчики мигранты также быстрее набирают половые отличия и абсолютные компоненты тела, нежели аборигены. В свою очередь аборигены отличаются усилением поперечного роста грудной клетки (мальчики), ширины таза (девочки), что свидетельствует о росте органов грудной клетки и таза. Отмечено преобладание процессов липогенеза, увеличение синтеза белка мигрантов.

Мигранты уроженцы мальчики имели достоверно меньшие размеры дистального диаметра лодыжки и индекса ширины таза относительно детей, прибывших на эту территорию. У девочек мигрантов уроженцев отмечено уменьшение окружности грудной клетки относительно прибывших. Метисы-мальчики характеризовались усилением ростовых процессов от-

носителем аборигенов, увеличением ДТ и МТ, площади тела, силовых показателей левой и правой кисти, ростом абсолютного содержания всех компонентов сомы и относительного содержания жира, поперечным вытягиванием плеч и таза. Однако все эти изменения происходили на фоне снижения поперечных размеров грудной клетки и плотности тела. У девочек-метисов изменения носили аналогичный характер, однако увеличение компонентов тела было только по абсолютному содержанию мышечной ткани, трансформациями кожно-жировой складки на животе. Все эти трансформации у метисов-девочек происходили на фоне снижения поперечных размеров грудной клетки, увеличении уровня ГЛЮ сыворотки крови. Климатогеографическая адаптация мигрантов во втором детстве проявляется снижением роста кости нижних конечностей и ширины таза (мальчики); меньшими размерами ОГК (девочки). Метисация аборигенов проявлялась: усилением ростовых процессов с увеличением всех абсолютных компонентов и относительного жирового компонента сомы, диаметров плеч и таза на фоне снижения поперечного диаметра грудной клетки и плотности тела (мальчики); увеличения абсолютного количества мышечной ткани на фоне снижения поперечного размера грудной клетки, активации аэробного гликолиза (девочки).

В подростковом и юношеском возрасте происходят наибольшие трансформации показателей физического развития, отмечены максимальные уровни приростов, резко выраженные признаки полового диморфизма. Мигранты мальчики характеризуются высокими уровнями приростов, девочки опережают их на 1–2 года. Максимальные приросты ДТ и МТ мигрантов мальчиков выявлены с 13 до 15 лет, а аборигенов мальчиков позднее – с 14 до 16 лет, у аборигенов девочек раньше – с 11 до 13 лет и второй подъем в 16 лет. В юношеском возрасте формируется окончательный тип конституции – набор морфофункциональных признаков, оптимальный для существования в данных условиях, или адаптивный тип. Мигранты уроженцы мальчики отличались от прибывших детей в подростковом периоде достоверным снижением ЧСС, увеличением ДТ и МТ. Также у них выявлены достоверно большая толщина кожно-жировой складки на плече спереди, абсолютное количество мышечной и костной тканей, индекс обезжиренной массы тела. Мальчики уроженцы мигранты имели увеличение обхватных размеров предплечья, бедра, голени и лодыжки, дистального диаметра плеча, поперечного размера грудной клетки, ПТ, ИК. Мигранты уроженцы девочки отставали от своих сверстниц, приехавших в разные сроки, по

ДТ, обхвату лодыжки, дистальным диаметрам плеча, лодыжки и бедра, абсолютному содержанию костной ткани. Метисация мальчиков подростков проявлялась большим относительным содержанием мышечной ткани на фоне снижения индекса Рорера и обезжиренной массы тела. Метисация девочек – большими значениями ДТ и МТ, площади тела, ИК, абсолютного содержания жировой ткани (за счет распределения на бедре и голени), относительного содержания мышечной ткани (увеличение обхватных размеров голени и лодыжек). Все вышеперечисленные изменения у девочек происходили на фоне достоверного снижения относительного содержания костной ткани и увеличения концентрации ОХ и СХ сыворотки крови. Сформировавшийся адаптивный тип юношей мигрантов уроженцев мальчиков характеризовался достоверным увеличением дистального диаметра запястья, уменьшением кожно-жировой складки голени относительно приезжих. Девушки уроженцы мигранты отличались от прибывших достоверно большим количеством относительного содержания жира, меньшим обхватом грудной клетки и большей толщиной кожно-жировой складки на плече спереди, спине, голени. Метисация юношей проявляется высокими значениями основных параметров физического развития относительно аборигенов. Метисы юноши обгоняют аборигенов по ДТ, МТ, ОГК, ПТ, силе левой кисти, абсолютному содержанию костной ткани, мышечной (за счет увеличения обхватов предплечья и запястья, лодыжки и бедра), абсолютному и относительному содержанию жировой ткани. Все эти изменения происходят при увеличении концентрации сывороточного ЭХ и КЭ метисов. Метисация девушек проявляется снижением индекса ширины плеч, поперечных размеров грудной клетки (на фоне снижения ЧСС и увеличения уровня КА), а у юношей метисов – увеличением силы левой кисти, ДТ, кожно-жировой складки на груди. Развитие мигрантов происходит на фоне более высоких значений ДТ и МТ, увеличения мышечной и жировой ткани, снижения плотности тела, увеличения насыщения крови кислородом в онтогенезе. Одновременно по достижении дефинитивного возраста у мигрантов отмечалось снижение уровня свободных жирных кислот на фоне меньших концентраций фосфора и кальция сыворотки крови. Увеличение окружности грудной клетки мигрантов происходит за счет увеличения переднезаднего размера к достижению дефинитивного возраста, что свидетельствует об усилении роста размеров сердца.

Рис. 7. Преобладание (в %) морфофункциональных показателей мигрантов и аборигенов в юношеском возрасте.

Аборигены к дефинитивному возрасту формируют увеличение поперечных размеров тела (грудной клетки, таза) для сохранения функционирования жизненно важных органов, поперечный рост костей, преобладание относительного количества костной ткани, отложение подкожного жира на спине и животе на фоне меньших значений длины и массы тела, площади тела и большей плотности тела. Изменения энергетического обеспечения системы формируют большую частоту пульса и дыхания, минутного объема кровообращения, увеличение кровоснабжения на единицу поверхности тела, снижение удельного периферического сопротивления и артериального давления, усиление коронарного кровотока и выносливости сердечнососудистой системы, трансформации сомы. Все перечисленные выше морфофункциональные изменения на уровне организма происходили при изменении метаболизма: увеличении в сыворотке крови кальция и фосфора, СЖК и СЖК/ТГ.

Методом атомной эмиссионной спектрометрии с индуктивно связанной аргонной плазмой (АЭС-ИСП) на приборе Optima 2000 DV (Perkin Elmer, США) в Центре Биотической медицины (Москва) определяли содержание 25 МЭ в волосах детей 8–18 лет, родившихся и проживающих в Чукотском АО (n=116). В группе мигрантов было 31 человек, а в группе аборигенов 85 человек. В качестве нормативных величин концентраций элементов использованы среднероссийские показатели. При изучении состава волос на макро- и микроэлементы у детей юношеского возраста выявлены общие признаки элементного дисбаланса: дефицит Ca, Cu, Zn, I, P и избыток Fe, Mn, Na, Si детей независимо от групп населения. Выявлены особенности: у детей 1 группы дефицит K, Se; дисбаланс Mg, избыток Cr, Na, Si, Hg. У детей 2 группы дефицит Co, Cr, Mg, Si; дисбаланс K, Na.

Таким образом, выявлены закономерности изменчивости строения тела и показателей состояния внутренней среды, проявляющиеся в том или ином типе обмена веществ детей Чукотского АО. Для мигрантов характерно наличие: высокого роста, массы тела, большей площади тела, переднезаднего размера грудной клетки, превышение всех компонентов сомы в абсолютном количестве (мышечной и жировой в относительном); максимального размера дистального диаметра бедра, увеличение подкожного жира (кроме спины, живота) и обхватных размеров сегментов тела (рис. 7). Преобразования кардиореспираторной

системы у мигрантов проявляются в виде снижения частоты дыхания, сердечных сокращений, увеличении систолического и диастолического давления, повышения удельного периферического сопротивления, снижения минутного объема кровообращения. Адаптационные перестройки полового созревания проходят у них с дефицитом энергии, подключением антиоксидантных систем, тканевой гипоксии в условиях снижения основного обмена, проявляются резкими приростами длины и массы тела, компонентов сомы, преобладанием продольного роста по сравнению с поперечным. В метаболизме при перестройках полового созревания происходят трансформации с преобладанием гормональных преобразований, направленных на покрытие энергетического дефицита, снижение гипоксии, включение антиоксидантных механизмов защиты. В процессе перестроек у них снижаются: уровень глюкозы ниже нормы, лактата (сохраняется превышение нормальных значений), ОХ, СХ и ЭХ, ЛПНП, коэффициент атерогенности. Формируется углеводный тип, для которого в условиях Чукотского АО характерны увеличение в крови триглицеридов и липопротеидов очень низкой плотности, мочевины, меньшие значения кальция и фосфора, свободных жирных кислот.

Для аборигенов характерно увеличение поперечных размеров тела (грудной клетки, таза) для сохранения функционирования жизненно важных органов, увеличение дистальных диаметров предплечья и лодыжки, преобладание относительного количества костной ткани, отложение подкожного жира на спине и животе, на фоне меньших значений длины и массы тела, площади тела и большей плотности тела (рис. 7). Изменения энергетического обеспечения системы формируют большую частоту пульса и дыхания, минутного объема кровообращения, увеличение кровоснабжения на единицу поверхности тела, снижение удельного периферического сопротивления и артериального давления, усиление коронарного кровотока и выносливости сердечно-сосудистой системы, трансформации сомы. Перестройки адаптационных механизмов во время полового созревания происходят на фоне высокого обмена веществ, плавного распределения приростов тела, преобладания поперечного роста над продольным, формирования большей плотности тела, снижения уровня глюкозы, общего, свободного, эстерифицированного холестерина, увеличения липопротеидов высокой плотности, снижения коэффициента атерогенности. Формируется жировой тип обмена веществ, для которого характерно увеличение в крови свободных жирных кислот (в

составе жирных кислот преобладание триглицеридов), а также кальция и фосфора. Установлены взаимосвязи СЖК и Са, регулирующие мобилизацию СЖК при формировании выносливости.

Физиологические эффекты комплекса внешних факторов Севера проявляют себя расширением лимитов варьирования и изменением средних величин показателей физического развития, метаболических параметров, выраженными отличиями в зависимости от периода онтогенеза групп населения в зависимости от сроков адаптации предыдущих поколений. Уроженцы мигранты Севера отличаются снижением размеров дистальных диаметров запястья и лодыжки, поперечного диаметра грудной клетки в раннем возрасте. В 1-м детстве у них увеличивается толщина жировой складки на грудной клетке и уменьшается окружность головы. Во 2-м детстве снижается дистальный размер лодыжки, индексы ширины плеч и таза, содержание мочевины, гаммаглутамилтрансферазы. В подростковом возрасте у уроженцев Севера увеличивается эстерификация холестерина, уровень ЛПВП, ТГ, ЛПОНП, активность АЛТ и снижается общий белок, СХ и % кости. К юношескому возрасту увеличены ТГ, ЛПОНП, снижается жировая прослойка на плече спереди, животе, голени, абсолютное и % содержание жира, содержание мочевины.

Метисация аборигенов проявляется в раннем возрасте увеличением длины тела, окружностей предплечья и запястья, голени за счет роста относительного количества мышечной ткани; увеличением дистальных диаметров запястья и лодыжки. В 1-м детстве метисация проявляется увеличением длины и площади тела, мышечной (абсолютной и относительной) ткани за счет увеличения мышц конечностей, увеличением костной (абсолютной и относительной) ткани за счет поперечного роста костей запястья и лодыжки, ростом силы правой и левой кисти. Одновременно снижается окружность талии и индексы Рорера, весоростовой, грудной клетки, активной и обезжиренной массы тела. Во 2-м детстве метисация продолжается увеличением мышечной (абсолютной и относительной) ткани за счет роста мышц конечностей, костной (абсолютной) ткани за счет поперечного роста костей запястья, жировой ткани (абсолютной и относительной) за счет роста подкожного жира на плече спереди и сзади, предплечье, грудной клетке, голени. Продолжается увеличение силы правой и левой кистей, индексов ширины плеч и таза, снижение индексов Рорера и грудной клетки. Все трансформации происходят при изменении метаболизма в сторону увеличения уровня глюкозы. Сер-

дечно-сосудистая система реагирует увеличением пульсового давления, удельного периферического сопротивления и снижением сердечного индекса, коэффициента выносливости. В подростковом возрасте отмечается увеличение длины и массы тела, остается увеличение толщины кожно-жировой складки на бедре, голени, а обхватные размеры только голени и лодыжки. Все изменения происходят при снижении температуры тела и индекса грудной клетки. Окончание трансформаций в юношеском возрасте отмечается изменениями метаболизма липидов в виде увеличения коэффициента атерогенности, эстерифицированного холестерина, креатинина, на фоне снижения общего холестерина, ЛПВП. В строении тела отмечено увеличение площади тела, увеличение мышечной (абсолютной) ткани за счет обхватов бедра, голени и лодыжки, жировой (абсолютной и относительной) за счет жировой складки плеча спереди, грудной клетки, бедра, снижения индекса ширины плеч. В гемодинамике отмечается увеличение периферического и удельного периферического сопротивления сосудов, снижение минутного объема кровообращения, сердечного индекса и коэффициента выносливости, индекса Кердо. Данные трансформации происходили при увеличении сывороточной глюкозы.

Обсуждение результатов

Эволюция выражается в суммарном определении процессов изменения и развития в природе и обществе. В открытых системах эволюционные процессы идут по двум путям: через временную эволюцию к неравновесному состоянию, либо через некоторую последовательность неравновесных состояний открытой системы из-за изменения управляющих параметров. При этом вектор эволюции может быть направлен либо на самоорганизацию (здоровье), либо на деградацию (болезнь). Генотипическая адаптация обеспечивает многообразие на основе наследственности, мутаций и естественного отбора, а фенотипическая адаптация – формирует устойчивость к факторам внешней среды, ранее отсутствовавшим в процессе жизнедеятельности (Меерсон 1993а).

Народы Севера находятся в условиях постоянной адаптации к изменяющимся условиям окружающего пространства, причем население представлено неоднородными группами, связанными с различиями сроков адаптации к климатогеографическим северным условиям. В процессе онтогенеза система формирует достижение полезного ре-

зультата на выживаемость, который определяется взаимодействием генотипа и фенотипа. Причем для достижения стойкой фенотипической адаптации необходимы структурные системные перестройки, обеспечивающие взаимосвязь между функцией и генетическим аппаратом. Мы считаем, что система максимально сохраняет выживаемость в экстремальных условиях, используя при этом заложенную в нее наследственную информацию и эффективные преобразования. Процессы урбанизации и глобализации привели к трансформациям социальных условий, переходу аборигенов на смешанный тип питания. Дети аборигенов и мигрантов получают одинаковое питание в детских садах и школах, поэтому можно предположить изменение метаболизма мигрантов (к экстремальным условиям Севера) и аборигенов (к изменению традиционного образа жизни). Смешанные браки приводят к метисации аборигенного населения, изменениям обмена веществ и строению сомы. Механизмы краткосрочной адаптации (энергетический дефицит) включаются сразу после воздействия экстремального фактора, а в процессе развития и при воздействии многофакторного стрессирования возникает комплекс адаптивных изменений, закрепляющийся долгосрочными механизмами. Детский организм испытывает постоянные преобразования в процессе онтогенетического развития и созревания, а при экстремальных воздействиях, превышающих адаптационный потенциал, система формирует структурные изменения тканей, появляется энергетический дефицит, перестройка метаболизма. По мнению Е.М. Кребса (1981), все компенсаторно-приспособительные процессы в организме сопровождаются модификацией метаболизма липидов, рассмотрен механизм эволюционной (на уровне формирования видов, рас) и фенотипической адаптации, в основе которой лежат генные механизмы, основанные на изменении последовательности оснований в ДНК. При обеспечении энергией (АТФ) организма активизируется липолиз, увеличивается уровень триглицеридов (ТГ), свободных жирных кислот (СЖК). ТГ и СЖК являются метаболическим топливом, холестерин (ХС) является структурным и пластическим материалом (синтез стероидных гормонов и восстановление структуры клеточных мембран). Дефицит энергии приводит к нарушению функции клеточных мембран, включению механизмов срочной адаптации, выраженному нарушению всех видов обмена и как результат – к модификации нуклеиновых кислот вплоть до мутаций генов, что подтверждается

на примере чукотской популяции результатами других исследователей (Гудкова 2003: 474–477; Никитин и др. 2006: 21–24).

По Г. Селье (1960), постоянство внутренней среды организма поддерживается двумя типами реакций: синтоксической, когда достигается сосуществование организма с внешним или внутренним раздражителем, либо кататоксической, когда инициируется гибель чужеродного для организма агента. В последние годы получено подтверждение наличия этих двух программ адаптации и определены возможные пути использования механизмов в оздоровительных и лечебных целях (Морозов 1999). Проведенные исследования показали также наличие в организме двух систем, реализующих синтоксические и кататоксические программы: гипоталамо-гипофизарно-репродуктивной (ответственной за синтоксические программы адаптации) и гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой (модератор кататоксических программ адаптации) (Хадарцев 1999: 7–15). Балансирование синтоксических и кататоксических элементов в оптимальном диапазоне создает устойчивость системы в изменяющемся мире (гармонию). Учитывая многовековую адаптацию аборигенов к экстремальным условиям окружающей среды, можно предположить у них включение синтоксических элементов при выходе системы из состояния равновесия, направленную не на борьбу, а на сосуществование со стрессором. Мигранты, прибывающие в новые условия существования, вначале адаптируются включением кататоксических элементов, в дальнейшем переходят на выбор синтоксических программ. Первичными изменениями являются энергетические и метаболические трансформации системы, направленные на экономное распределение ресурсов. Увеличение вариативности признаков длины, массы и компонентов тела; скачкообразность скорости их приростов, нарушение гармоничности развития детей 1 группы свидетельствуют об энергетическом дефиците в процессе их роста и развития. Узкий коридор варьирования основных признаков физического развития, их плавные приросты; гармоничность развития у детей 2 группы свидетельствуют о менее затратном энергетическом механизме. Мигранты и аборигены имеют в основном однонаправленную цикличность приростов показателей физического развития, за исключением приростов окружностей головы, относительного содержания костной ткани, насыщения крови кислородом, индексов Рорера, обезжиренной массы тела, плотности тела. Уровни приростов основных показателей физического развития мигрантов выше, чем у аборигенов, од-

нако, аборигены с раннего детства имеют более высокий энергетический потенциал, направленный на эффективность качественных онтогенетических трансформаций, усиление гуморальной регуляции. Процессы метисации аборигенов и адаптации мигрантов уроженцев происходят односторонне, достигая эффективных онтогенетических трансформаций сходности признаков. Метисация аборигенов направлена на формирование пропорций и геометрических размеров тела мигрантов, а адаптация мигрантов уроженцев имеет вектор формирования соматотипа аборигенов. Количественные и качественные преобразования в онтогенезе происходят у аборигенов на более высоком уровне обменных процессов и кровоснабжения поверхности тела с преобладанием гуморальной регуляции, что формирует адаптивный соматотип с высокой плотностью тела и меньшими геометрическими размерами.

Мигранты используют механизмы регуляции роста и развития, сочетая с адаптацией к климатогеографическим условиям, что способствует изменению гормонального ансамбля в сложной нейрогуморальной регуляции онтогенетического развития и началу формирования долгосрочной адаптации, сопровождающей качественные преобразования. Климатогеографическая адаптация мигрантов направлена на усиление костного компонента сомы, изменение пропорций грудной клетки, снижение процессов липогенеза. Метисация изменяет формирование адаптивного соматотипа, происходит формирование пропорций и геометрических размеров тела; наблюдается тенденция на сближение с мигрантами. Климатогеографическая адаптация мигрантов и метисация аборигенов имеют сходный механизм, направленный на эффективность онтогенетических преобразований для достижения полезного результата. Каждый период онтогенеза характеризует особенности роста и развития, аборигены с раннего возраста имеют энергетический запас для оптимального развертывания генетического кода, поддержания высоких обменных процессов до достижения дефинитивного возраста. Мигранты адаптируются по затратному механизму, формируя вектор, направленный на оптимизацию обменных процессов аборигенов.

По результатам наших исследований адаптация к северным условиям приводит к мобилизации механизмов анаэробного гликолиза в процессе онтогенетического развития, компенсаторному подключению фосфатного механизма в виде усиления окислительного фосфорилирования, состоянию гипогликемии (синтоксические элементы)

наиболее выраженными у детей 2 группы. Основные изменения происходят в энергетической и метаболической системах. Выявлены элементы адаптации у детей 1 группы: дефицит К, Se, дисбаланс Mg, избыток Fe, Na (кататоксические), дефицит Ca, Cu (синтоксические). У детей 2 группы избыток Fe, Na, дефицит Mg и К, Ca, Cu (кататоксические); нормальные уровни Se (90% детей), К (80% детей) (синтоксические). Следует отметить, что нормативы микроэлементного состава не всегда подходят для интерпретации результатов исследований, поскольку имеются региональные особенности функционирования в определенных экологических условиях. На наш взгляд, выявленные особенности микроэлементного состава отражают энергетические и метаболические особенности функционирования системы в определенных условиях среды.

Увеличение относительного количества костной ткани (усиление активности остеобластов), плотности тела, активное участие глутамилпептидов и фосфора сыворотки крови в метаболических взаимодействиях (эндогенные медиаторы), высокий уровень этерификации холестерина (синтез андрогенов) относятся к синтоксическим элементам. Кататоксические элементы адаптации: более высокие уровни ЛПНП, количество мышечной (увеличение синтеза белка) и жировой тканей (усиление липогенеза), эффекты влияния глюкагона и глюкокортикоидов. Кататоксические элементы адаптации сопряжены с активностью симпатической, а синтоксические элементы – с активностью парасимпатической нервной системы. Условия проживания в Чукотском АО сопряжены со сменой фотопериодичности «полярный день – полярная ночь», трансформации метаболизма у детей различны с учетом групп населения. Универсальной системой адаптации и поддержания гомеостаза системы является диффузная нейроэндокринная система, причем ритм «свет – темнота» регулируется центральным звеном мелатонин продуцирующих клеток. Дети 2 группы незначительно реагируют на изменение сезонности, в отличие от детей 1 группы, что свидетельствует о более рациональной регуляции гормонального ансамбля с участием мелатонинового звена (синтоксические элементы). В определенных условиях происходит переориентация программ адаптации, направленная по одному из путей, направление осуществляется либо эндогенным путем (подключение генетической памяти), либо экзогенным путем (активизация необходимой программы адаптации). На самоорганизацию системы влияют минимальные усилия, не разрушающие систему. На наш взгляд, элементы и методики традиционной

медицины являются теми усилиями, которые направляют систему на самоорганизацию в случае выхода ее из состояния равновесия (гармонии). У народов Чукотки применение минералов и фитолечения, особенности питания и мировоззрения, основы жизнеобеспечения направлены на эргономичное использование природных ресурсов, энергии, сохранение репродукции. В народной медицине использовали воздействие на центральное звено регуляции адаптационных программ (шаманы) и периферическое звено регуляции (целители). Традиционная медицина народов является частью программ адаптации, выстраивается с учетом климатогеографических и этнических особенностей, подбирается под определенный адаптивный тип населения. Изменение фенотипических и генотипических свойств системы приводит к необходимости изменения методик и элементов воздействия с сохранением общих свойств, универсальных при всевозможных изменениях окружающей среды. Нами предпринята попытка выделить синтоксические и кататоксические элементы адаптации детей Чукотского АО в процессе онтогенетического развития, однако требуются дальнейшие исследования для более глубокого изучения адаптационных преобразований, подбора корректирующих экзогенных элементов в целях улучшения состояния здоровья населения.

Выводы

Морфофункциональные преобразования в процессе роста и развития детей Чукотского АО зависят от периода онтогенеза, половой принадлежности, длительности сроков проживания в определенной окружающей среде, процессов метисации. Выделены закономерности и особенности морфофункциональных преобразований на каждом отрезке онтогенеза детей Чукотского АО с учетом возраста, групп населения, пола. Изучено влияние сроков проживания мигрантов и метисации аборигенов на морфофункциональные трансформации. Обменные процессы у аборигенов происходят на более высоком энергетическом уровне, начиная с раннего возраста с усилением гуморальной регуляции, нежели у мигрантов. Климатогеографические факторы среды (сезонность) вызывают оптимальные перестройки метаболизма аборигенов, регулирующиеся диффузной нейроэндокринной системой (мелатонинами); мигранты адаптируются по затратному механизму. Выделены кататоксические и синтоксические элементы программ адаптации детей мигрантов и аборигенов Чукотского АО, отличающиеся и схожие по определенным отрезкам онтогенетического развития. Программы адаптации аборигенов направлены в сторону син-

токсических элементов, метисация проявляется кататоксическими элементами. Вектор адаптации мигрантов уроженцев направлен в сторону усиления синтоксических элементов. В процессе развития система приходит к «эффективному онтогенезу», выводя на однотипные трансформации морфофункциональных и метаболических показателей. Традиционная медицина является частью программы адаптации к определенному окружающему пространству и этносу, методики воздействия должны дифференцированно изменяться с учетом превалирования элементов адаптации населения во времени и пространстве. Климатогеографическая адаптация мигрантов и метисация аборигенов имеет сходный механизм, направленный на эффективность онтогенетических преобразований для достижения полезного результата.

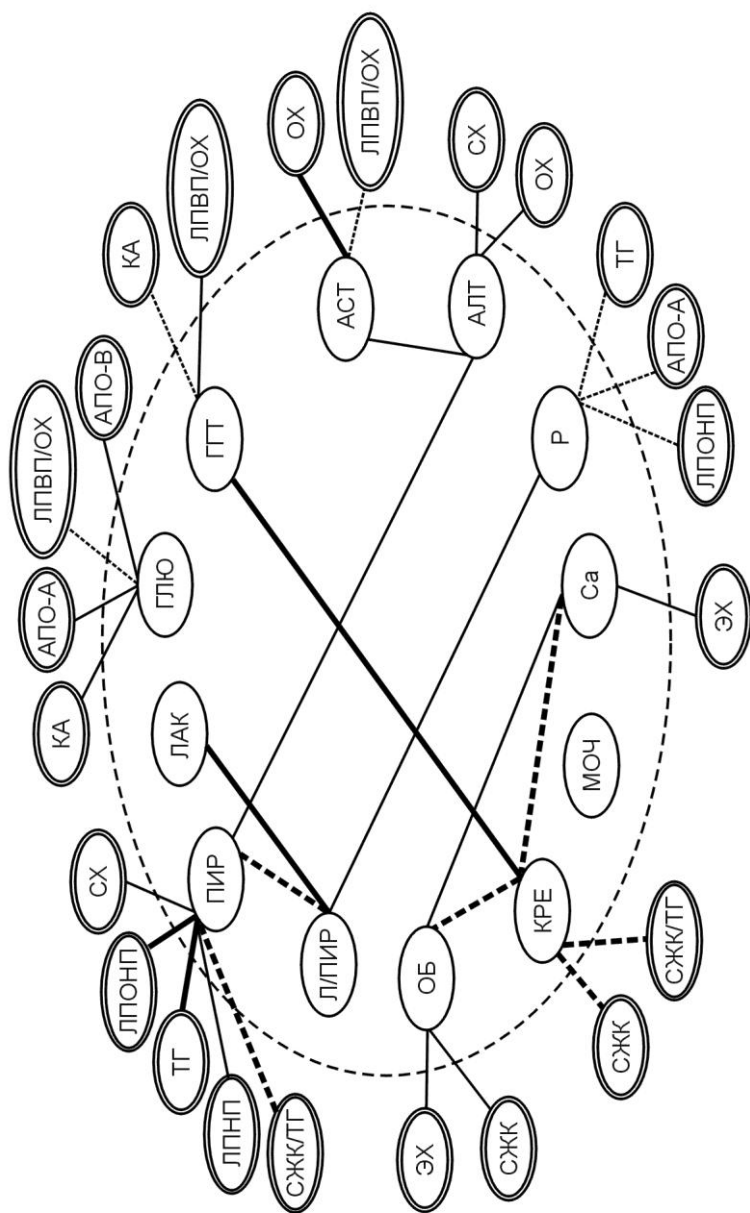
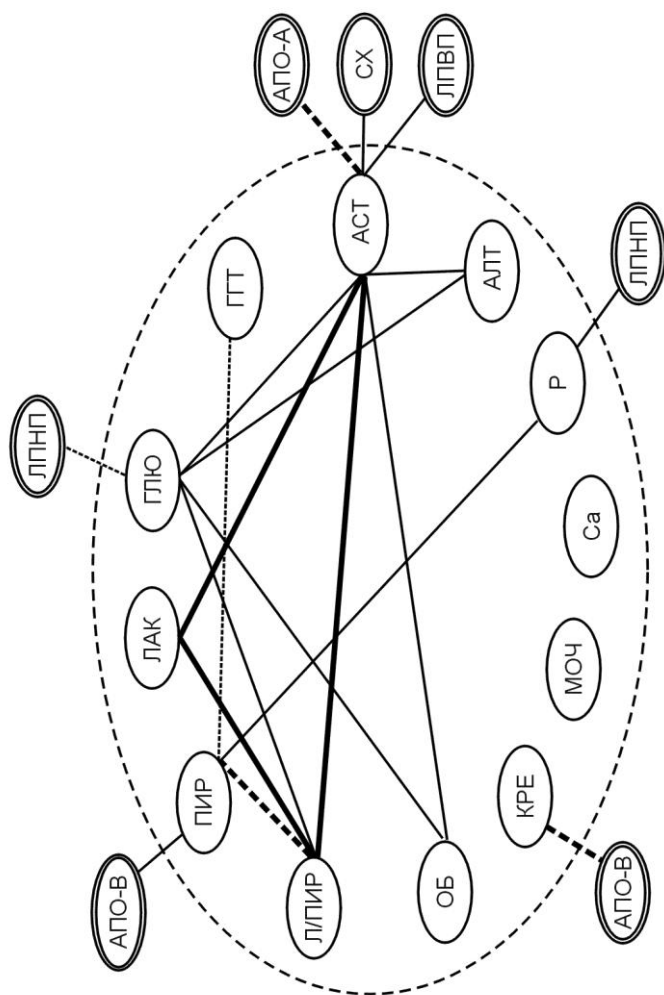

Рис. 2. Взаимосвязи биохимических показателей мальчиков 2 группы (юношеский возраст)

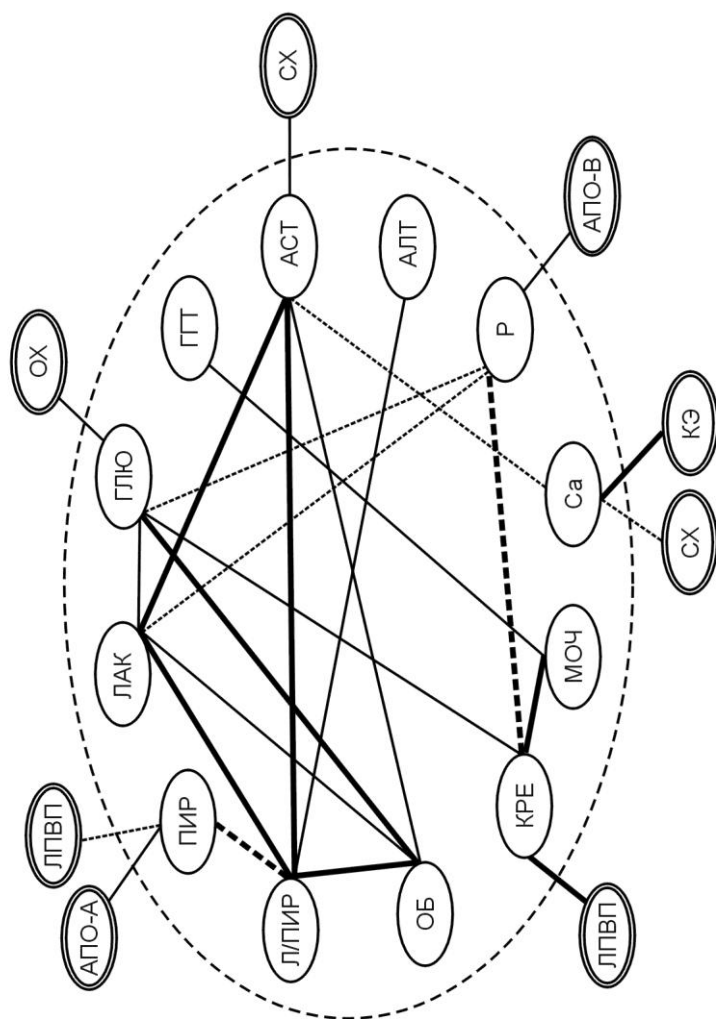

Рис. 4. Взаимосвязи биохимических показателей мальчиков 1 группы (юношеский возраст)

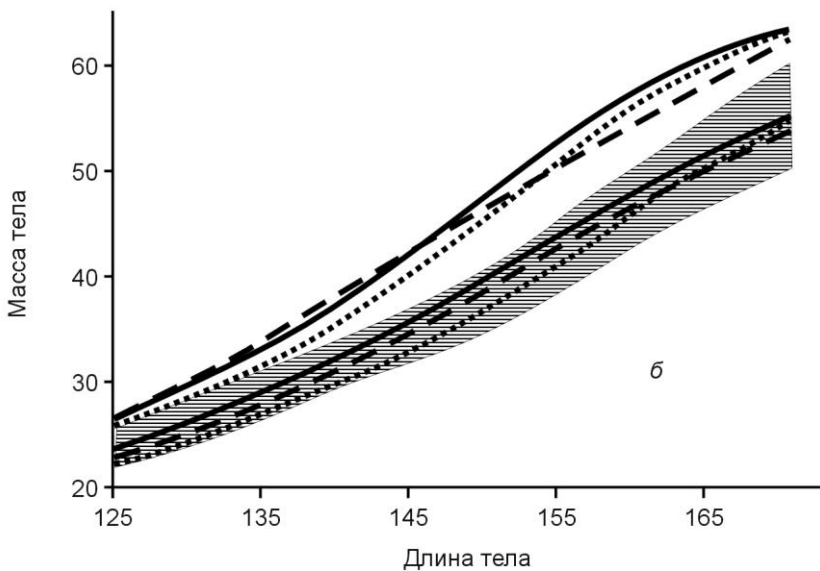
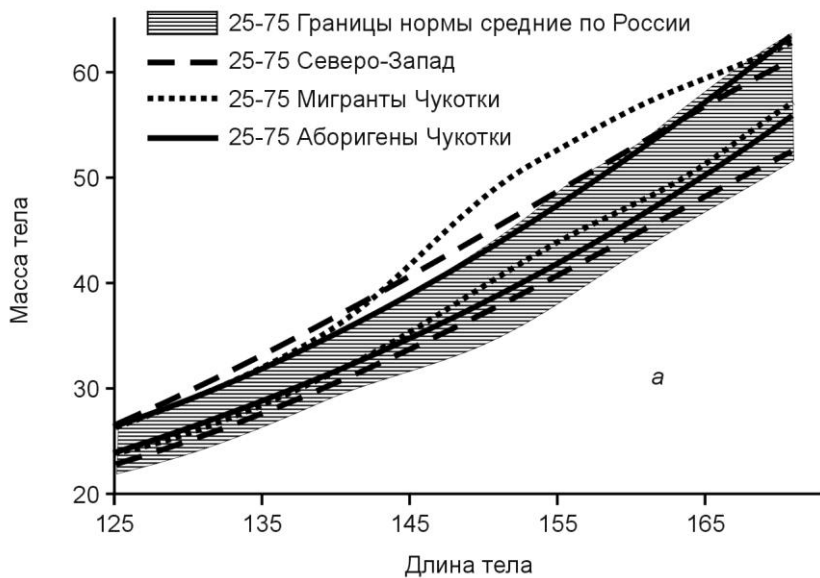

Рис. 5. Центильное распределение массы тела (кг) мальчиков (а) и девочек (б) с учетом групп населения в зависимости от длины тела

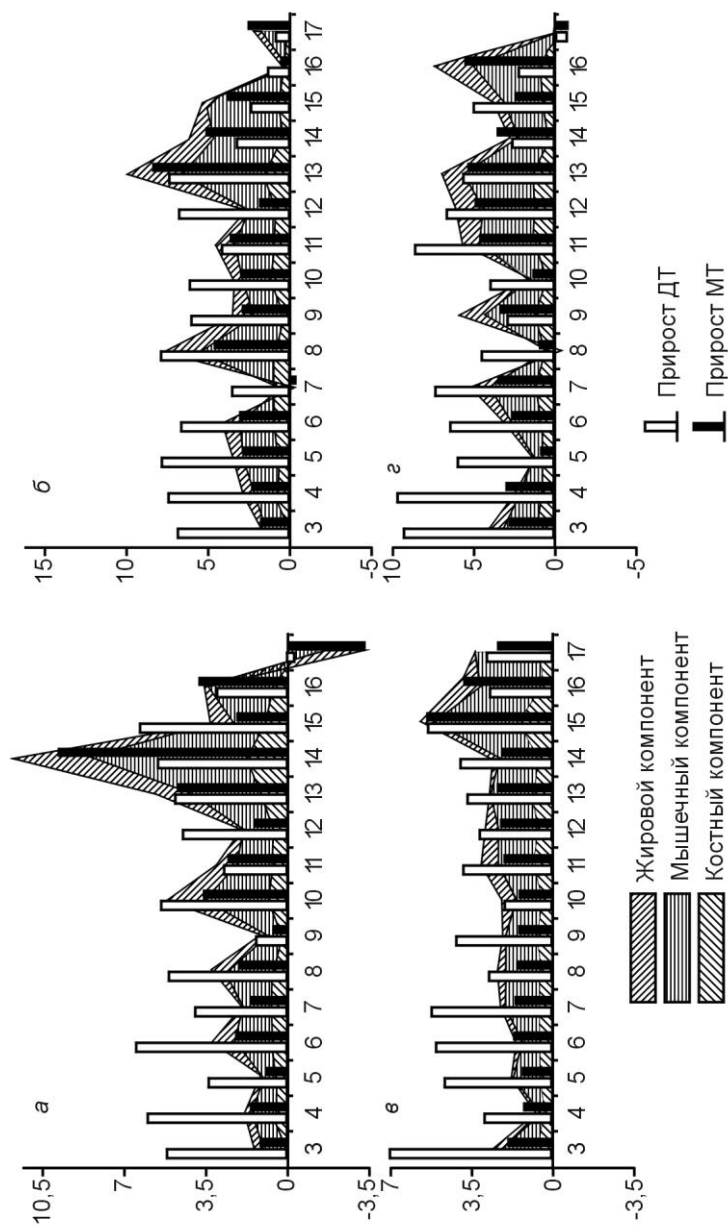

Рис. 6. Распределение приростов ДТ и МТ, компонентов тела у мальчиков (а – мигранты, б – аборигены) и девочек (в – мигранты, г – аборигены) в зависимости от групп населения в онтогенезе

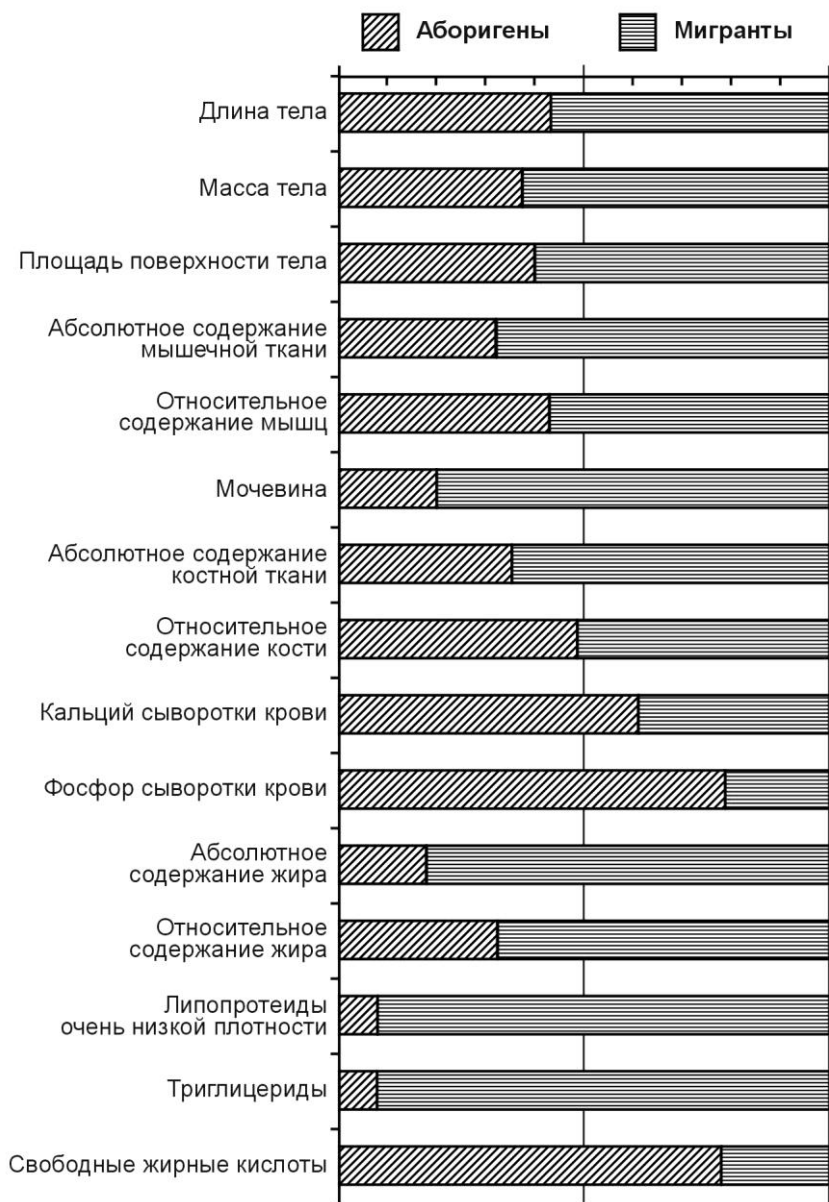

Рис. 7.1. Преобладание (в %) морфофункциональных показателей мигрантов и аборигенов в юношеском возрасте

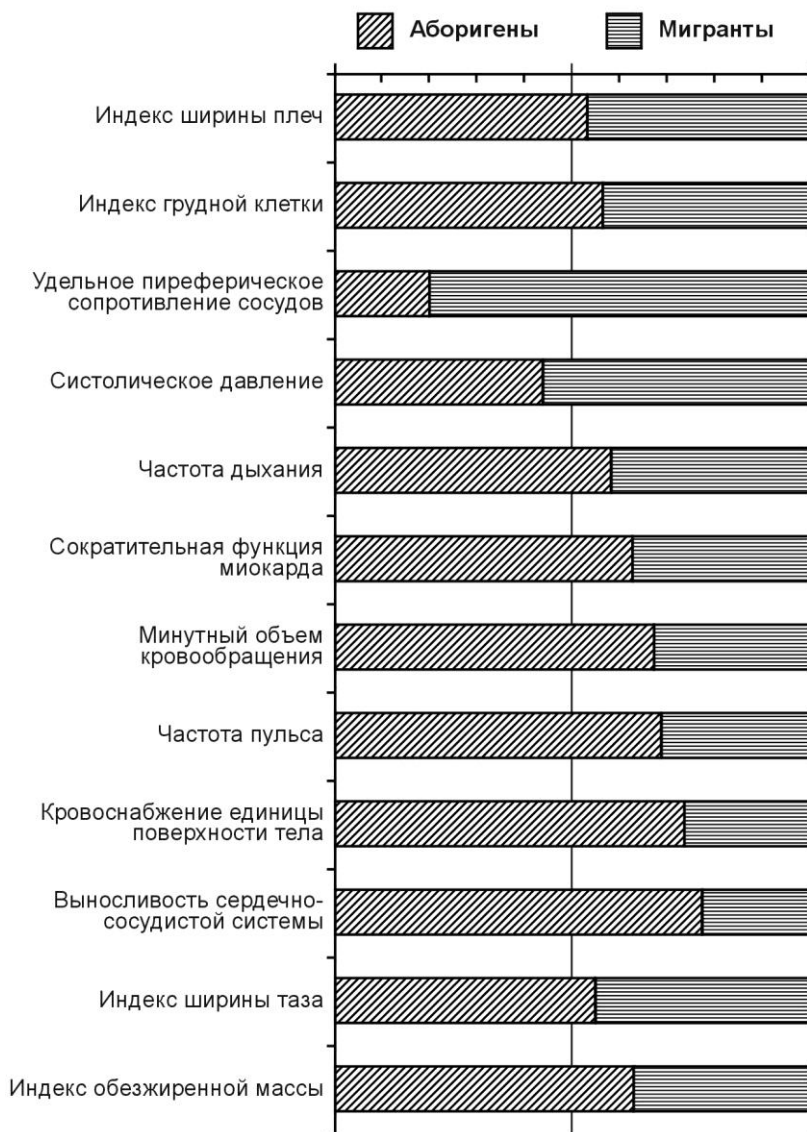

Рис. 7.2. Преобладание (в %) морфофункциональных показателей мигрантов и аборигенов в юношеском возрасте

Библиография

Алексеева 1986 – Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека М., 1986.

Анохин 1975 – Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975.

Анохин 1948 – Анохин П.К. Системогенез как общая закономерность эволюционного процесса. // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1948. Т. 26.

Гудкова 2003 – Гудкова Л.К. Экологические аспекты популяционной физиологии // Горизонты антропологии: Труды Междунар. науч. конф. Памяти В.П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20–22 сент. 1994 г. / отв. ред. Т.И. Алексеева; Ин-т археологии; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 2003. С. 474–477.

Казначеев 1980 – Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск, 1980.

Медведев 1982 – Медведев В.И. Классификация поведенческой адаптации // Физиология человека. 1982. Т. 3. С. 362–374.

Меерсон 1988 – Меерсон Ф.З., Пшенникова М.Г. Адаптация к стрессорным ситуациям и физическим нагрузкам. М., 1988.

Меерсон 1993а – Меерсон Ф.З. Концепция долговременной адаптации. М., 1993.

Меерсон 1993б – Меерсон Ф.З. Адаптивная медицина: механизмы и защитные эффекты адаптации. М., 1993.

Морозов 1999 – Морозов В.Н. Системные механизмы адаптации при криовоздействии и способы их коррекции: Автореф. дис. ... д. мед. н. Тула, 1999.

Никитин, Чухрова, Гырголькау 2006 – Никитин Ю.П., Чухрова М.Г., Гырголькау Л.А. Здоровье населения Чукотки: итоги и перспективы // Матер. Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием «Экология человека». Магадан, 2006. Прил. 4/1. С. 21–24.

Сауткин 2003 – Сауткин М.Ф. Авторский взгляд на понятие «здоровье» и «физическое состояние» человека // Здравоохранение Российской Федерации. 2003. № 1.

Селье 1960 – Селье Г. Очерки об адапционном синдроме. М.: Медгиз, 1960.

Струков, Хмельницкий, Петленко 1983 – Струков А.И., Хмельницкий О.К., Петленко В.П. Морфологический эквивалент функции. М., 1983.

Хадарцев 1999 – Хадарцев А.А. Новые медицинские технологии на основе взаимодействия физических полей и излучений с биологическими объектами // Вестник новых медицинских технологий. 1999. № 1. С. 7–15.

**Миграционные вызовы и демографические
реалии современной России: на примере Удмуртии***

Эпоха глобализации, которую переживает человечество, характеризуется не только растущей либерализацией экономической жизни, прозрачностью государственных границ, формированием мировых надгосударственных структур и всемирной информационной сети, облегченным обменом новыми знаниями и передовыми технологиями, но и масштабными миграционными процессами, которые порой сравнивают с «великим переселением народов». Речь идет, прежде всего, о трудовых мигрантах и беженцах из бедных развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки.

В лице трудовых мигрантов экономика принимающих стран получает дешевую рабочую силу с минимальными социальными запросами, они готовы выполнять самую тяжелую, не требующую высокой квалификации работу. Вместе с тем многие мигранты пытаются «отвоевать» для себя какие-то экономические ниши, используя для этого ресурс этнической солидарности (помощь землячеств, этнических общин), создавая порой закрытые, полукриминальные «кровнородственные корпорации». Мигранты стремятся сохранять свою этнокультурную и религиозную идентичность, воссоздать на новом месте привычный для них образ жизни, практикуя непонятные для местных жителей обряды и обычаи. Подобное развитие событий вызывает резкое недовольство со стороны местного населения, приводит к мигрантофобии и многочисленным конфликтным ситуациям.

В настоящее время миграционная политика европейских государств претерпевает существенные изменения. Это связано прежде всего с негативным воздействием «проблемы мигрантов» на внутрисполитическую жизнь этих стран, резким увеличением масштабов нелегальной миграции, формированием криминальных этнических группировок, провалом программ интеграции мигрантов в принимающее сообщество, растущим уровнем ксенофобии и рядом других обстоятельств. Бо-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №11-11-18001а/У.

лее того, во многих регионах мира возрождаются фундаменталистские, ультранационалистические и праворадикальные идеологии, участились террористические акты и уличные беспорядки, перерастающие порой в массовые погромы. Ситуация обострилась настолько, что некоторые лидеры стран Евросоюза выступили с заявлениями о провале так называемой политики мультикультурализма.

Таким образом, неконтролируемые потоки трудовых мигрантов из развивающихся стран, проблемы их адаптации и интеграции в принимающее общество стали серьезным вызовом для государств-реципиентов. Россия входит в первую тройку стран с наибольшим миграционным притоком населения, и заявления о том, что гастарбайтеры угрожают национальной безопасности страны, все чаще звучат со стороны политиков, руководителей правоохранительных структур, журналистов и даже некоторых ученых.

Проблема заключается и в том, что в условиях отсутствия обустроенных границ и неразберихи 1990-х годов руководству страны так и не удалось создать эффективно действующую миграционную службу, наладить систему действенного контроля за передвижением мигрантов. Неконтролируемые потоки мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья породили целый комплекс проблем и противоречий (незаконная трудовая деятельность, сверхэксплуатация и бесправие самих мигрантов, усиление коррупции в правоохранительных и властных структурах, этническая преступность, социальная напряженность в местах массового сосредоточения гастарбайтеров, мигрантофобия и др.), которые требуют оперативного реагирования государства и общества.

Важно обратить внимание и на то, что в последние годы было серьезно подорвано доверие между народами России, девальвированы чувства сопричастности и ответственности за страну, размыта общероссийская гражданская идентичность. «Парады суверенитетов», угроза распада страны, военные действия на Северном Кавказе, террористические акты против мирных жителей, межэтнические столкновения, межгосударственные конфликты с ближайшими соседями (от «газовых» до «принуждения к миру») оказали негативное воздействие на российских граждан, нашли отражение в общественном сознании.

По данным всероссийского опроса, проведенного в январе 2011 г. «Левада-центром», 56% респондентов считали, что в стране возможны массовые кровопролитные столкновения на национальной почве (15%

определенно «да», 41% скорее «да»), а 58% опрошенных поддерживали идею «Россия для русских» (Левада-центр, 2011).

Негативные тенденции в межэтнической сфере зафиксированы и в ходе опроса, проведенного в августе 2011 г. Так, 46% россиян отметили, что чувствуют враждебность к людям других национальностей, в то же время 45% опрошенных ощущали негативное отношение к себе со стороны представителей других этнических групп. По данным этого же опроса, 52% респондентов полагали, что в стране в последние годы стало больше граждан, которые разделяют националистические взгляды. Среди причин проявления национализма респондентами отмечаются:

- «вызывающее поведение представителей нацменьшинств» (44%);
 - «плохие условия жизни в России» (21%);
 - «теракты последних лет» (15%);
 - «неспособность власти справиться с национализмом» (6%);
 - «национальные предрассудки русского населения» (5%);
 - «сознательное раздувание властью национализма в стране» (4%)
- (Левада-центр 2011).

Таким образом, данные общероссийских социологических опросов наглядно демонстрируют неготовность значительной части российского общества к приезду больших групп трудовых мигрантов. Россияне полагают, что власти должны ограничить приток в страну иностранной рабочей силы, существенно ужесточить порядок их въезда и регистрации, не допускать концентрации мигрантов в отдельных городах и районах, создавать рабочие места с достойной заработной платой для граждан России (Голос России, 2011; ВЦИОМ, Федоров, 2010).

В создавшейся ситуации возникает закономерный вопрос – а так ли нужны нам трудовые мигранты, может, стране вполне достаточно внутренних трудовых ресурсов для эффективного решения социально-экономических задач?

Проблема заключается и в том, что вопросы, связанные с модернизацией экономики и социально-экономическим развитием страны, осложнены непростой демографической ситуацией – уже почти 20 лет смертность превышает рождаемость и численность населения России неуклонно сокращается. По прогнозам демографов в ближайшем будущем может возникнуть реальная угроза национальной безопасности, так как некому будет обслуживать огромные пространства нашего го-

сударства, охранять границы, развивать экономику, содержать старшее поколение и т.д.

Демографические и миграционные процессы в России и Удмуртии

По предварительным данным переписи 2010 г., численность населения России составила 142,9 млн человек и за минувшие восемь лет уменьшилась на 2,2 млн человек, или на 1,6%¹. Причем среднегодовые темпы снижения численности населения по сравнению с предыдущим межпереписным периодом возросли в два раза (0,2% против 0,1% в 1989–2002 гг.).

Сокращение численности населения происходило из-за превышения числа умерших над числом родившихся, естественная убыль населения в 2002–2010 гг. составила 4,7 млн человек. Потери населения удалось в значительной мере компенсировать положительным миграционным приростом, согласно данным Росстата, он составил 2,5 млн человек (Предварительные итоги 2010).

В 2010 г. естественная убыль в стране сохранилась и составила 241,3 тыс. человек, она зафиксирована в 6 из 8 федеральных округов (кроме Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов). Численность населения сократилась в 59 субъектах Российской Федерации (в 2009 г. – в 56), соответственно в 24 регионах наблюдался рост числа жителей (в 2009 г. – в 27)².

Ситуация в демографической сфере усугубляется тем, что сейчас в трудоспособный возраст вступает малочисленное поколение 1990-х годов, а на пенсию выходят многочисленные когорты рожденных в 1950-е годы. Меняется и возрастная структура женщин, по сравнению с предыдущим периодом численность женщин детородного возраста

¹ Напомним, что материалы текущей статистики фиксируют еще большую убыль населения. По данным Росстата численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2010 г. составляла 141,9 млн человек (Российский статистический 2010: 83).

² Естественный прирост наблюдался в Красноярском и Забайкальском краях, Астраханской, Иркутской, Тюменской и Томской областях, Республике Алтай, Республике Башкортостан, Республике Бурятия, Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Калмыкия, Республике Северная Осетия-Алания, Республике Тыва, Удмуртской Республике, Республике Хакасия, Чеченской Республике, Республике Саха-Якутия, Ненецком, Чукотском, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах (Предварительные итоги 2010).

существенно сокращается. По прогнозам демографов, в течение ближайших 10–15 лет в стране ожидается лавинообразное сокращение населения трудоспособного возраста, что приведет к нарушению баланса между поколениями в сторону увеличения лиц старших возрастных групп.

Согласно международным критериям население считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и более во всем населении превышает 7%. В настоящее время уже почти каждый восьмой россиянин (12,9%) находится в таком возрасте. Численность детей и подростков до 16 лет на 7,9 млн человек, или на 25,6% меньше, чем лиц старше трудоспособного возраста. На 1 января 2010 г. каждый пятый житель России находился в пенсионном возрасте (30,7 млн), а всего в 2010 г. получали пенсию 39,7 млн человек (Современная демографическая 2009).

Если в предыдущие годы о демографических проблемах говорили и чаще писали ученые и оппозиционные политики, то теперь о них вспомнили и высокопоставленные чиновники. Так, секретарь Совета безопасности России Н.П. Патрушев сделал заявление о том, что страна вступает в наиболее сложный с точки зрения демографической ситуации период. «Предполагается, что численность населения в трудоспособном возрасте с 2011 по 2025 гг. уменьшится не менее чем на 10 млн человек», при этом, по мнению чиновника, резервы повышения уровня экономической активности в молодом и старшем возрастах оказались исчерпаны (Егоров 2011).

Такое развитие событий повлечет дефицит рабочей силы, замедлятся темпы экономического роста, обострятся проблемы финансирования здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения. Уже сейчас возникают серьезные проблемы с пополнением Пенсионного фонда. По данным председателя Счетной палаты РФ С.В. Степашина, в 2010 г. на покрытие дефицита Пенсионного фонда РФ из федерального бюджета было выделено 1,3 трлн рублей (для сравнения: все доходы бюджета за прошлый год составили 8,3 трлн руб. (Тезисы 2011)).

В сложившейся социально-экономической и демографической ситуации вопрос о мигрантах станет еще более актуальным, а дискуссии о вреде и пользе трудовой миграции возобновятся с новой силой.

Демографическая и миграционная ситуация в регионах России характеризуется вариативностью и может существенно отличаться от общероссийской. Так, для республик Северного Кавказа характерна более высокая рождаемость и продолжительность жизни населения,

положительный естественный прирост, высокий отток мужской части жителей в центральные регионы страны. Своя специфика в демографических и миграционных процессах сложилась и в Удмуртии.

По предварительным данным Всероссийской переписи населения – 2010 г., численность населения Удмуртии составила 1521,7 тыс. человек и уменьшилась за межпереписной период на 48,6 тыс. человек (на 3,1%). Напомним, что численность населения республики достигла своего максимума в 1992 г. составив на конец года 1624,8 тыс. человек. Начиная с 1993 г., население Удмуртии стало неуклонно сокращаться из-за естественной убыли, а с 2001 г. еще и миграционного оттока. За период с 1993 по 2010 гг. убыль составила 103,1 тыс. человек, что соизмеримо с исчезновением одного из трех республиканских городов-стотысячников.

В 2009 г. в республике впервые за долгие годы рождаемость превысила смертность (+882 человека), однако сокращение населения продолжилось. Удмуртия входит в число субъектов, в которых миграционный отток пока еще превышает естественный прирост населения. По данным Удмуртстата, в 2010 г. в республике родилось 21,7 тыс. детей, это на 626 (3,0%) новорожденных больше, чем в 2009 г., умерло 21,1 тыс. чел., что на 886 чел. (4,4%) больше, чем в 2009 г. Естественный прирост составил 622 человек, он был отмечен в 10 районах и 3 городах республики (2009 г. – в 11 районах и 3 городах). Несмотря на то, что в Приволжском федеральном округе Удмуртия занимает 1 место по числу родившихся на 1 тыс. населения (Удмуртия – 14,2; ПФО – 12,4; РФ – 12,6), в целом демографическая ситуация в 2010 г. характеризовалась ростом смертности и снижением естественного прироста населения (Социальное положение 2011).

В 2010 г. был зафиксирован рост смертности от болезней системы кровообращения (на 4,6%), новообразований (на 4,7%), болезней органов пищеварения (на 19,6%). Выше средней смертность в республике и от внешних причин (несчастные случаи, отравления и травмы) – 183,6 случая на 100 тыс. населения (РФ – 145,5; ПФО – 158).

Так же как по России в целом, резкое снижение рождаемости в 1990-е годы привело к усилению процесса демографического старения населения Удмуртии (табл. 1).

Таблица 1

Возрастная структура населения Удмуртской Республики

	Тысяч человек			Удельный вес в общей численности населения, %		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Все население	1606	1570	1523	100,0	100,0	100,0
Моложе трудоспособного возраста	439	312	273	27,3	19,9	17,9
Трудоспособного возраста	910	976	947	56,7	62,2	62,2
Старше трудоспособного возраста	257	282	303	16,0	17,9	19,9

1989 г. и 2002 г. – по данным переписи населения, 2010 г. – на конец соответствующего года

За межпереписной период численность населения трудоспособного возраста сократилась на 29 тыс. человек (на 3%), детей и подростков – на 39 тыс. человек (на 12,5%), в то же время численность населения старше трудоспособного возраста увеличилась на 21 тыс. человек (на 7,5%). Еще более существенные изменения произошли за период с 1989 по 2010 гг.: население моложе трудоспособного возраста сократилось на 166 тыс. человек (на 37,8%), тогда как численность пожилых людей выросла на 46 тыс. человек (на 17,9%).

Следует отметить, что если в 1990-е годы убыль населения в Удмуртии частично покрывалась за счет реэмиграции граждан из бывших республик СССР, то после 2000 г. этот источник почти иссяк. Географическое положение, депрессивное состояние экономики, ограниченный рынок труда – все эти факторы делают республиканскую экономику не слишком привлекательной для мигрантов. Так, за период с 2001 по 2009 гг. миграционные потери населения Удмуртии составили 19,6 тыс. человек, что в условиях низкой рождаемости и высокой смертности является непоправимым расточительством трудового и интеллектуального потенциала.

В 2010 г. из Удмуртии по-прежнему чаще уезжали, нежели приезжали, всего за год прибыло 12 350 человек, выбыло 15 961 человек, ми-

грационная убыль составила 3 611 человек (в 2009 г. соответственно 11 304, 14 370, 3 066 человек) (Естественное движение 2010).

По данным Управления федеральной миграционной службы по Удмуртской Республике (УФМС УР), в течение 2010 г. иностранным гражданам и лицам без гражданства было оформлено 595 разрешений на временное проживание (в 2009 г. – 646) и 113 видов на жительство (в 2009 г. – 78). В целом, на территории республики проживало по разрешениям на временное проживание 1 233 иностранных гражданина и лиц без гражданства, по видам на жительство – 288 человек (УФМС 2010).

Сотрудниками УФМС УР в течение года выдано 188 разрешений на привлечение иностранных работников, оформлено 1 902 разрешения на работу. Квота на иностранную рабочую силу на 2010 г. составила 2 201 человек. Следует отметить, что основная масса иностранных работников используется на рабочих местах, которые не пользуются спросом у местного населения из-за низкого уровня оплаты и тяжелых условий труда. В летние месяцы в Удмуртии численность мигрантов, работающих без разрешения, оценочно составляла 3 200–3 500 человек.

Данные Удмуртстата и УФМС по Удмуртии свидетельствуют о том, что республика не относится к регионам с высокой концентрацией мигрантов, тем не менее необходим постоянный мониторинг миграционной ситуации, контроль за перемещениями мигрантов, так как при ухудшении экономической ситуации многие трудовые мигранты, потеряв рабочее место в мегаполисе, предпочитают не возвращаться на родину, а искать новую работу в российской глубинке. Это приводит к неконтролируемым перемещениям мигрантов, росту незаконной трудовой деятельности, усилению конкуренции на региональных рынках труда, росту безработицы среди местного населения, ухудшению отношений между местными и приезжими.

Таким образом, «демографическая яма», тот спад населения, о котором так много говорили и писали последние 15 лет, становится очень заметен. Как бы того ни хотели политики и общественность, демографические проблемы невозможно «исправить» в одночасье указами президента, постановлениями правительства или принятием «хороших» законов. В сложившейся ситуации неизбежным становится привлечение в экономику иностранной рабочей силы, вместе с тем этот процесс требует продуманных, тщательно выверенных расчетов – какие специалисты жизненно необходимы регионам России, откуда и сколько их необходимо пригласить.

Вне всякого сомнения, приоритеты должны быть отданы нашим бывшим соотечественникам из числа русского и русскоязычного населения. В своей миграционной политике Россия должна учиться на ошибках развитых стран Запада, а не повторять их.

Местное население и мигранты: проблемы взаимоотношений

Происходящее вследствие затяжного демографического кризиса сокращение численности населения и постепенно набирающее силу демографическое старение в ближайшем будущем могут привести к еще более значительной убыли населения России, а значит, при условии экономической модернизации, актуальность привлечения людских ресурсов из-за пределов страны будет только возрастать.

Важнейшей задачей для принимающего государства становится поиск новых форм отношений с прибывающим, особенно иноэтничным населением, для того, чтобы не только адаптировать его к местным нормам и оптимально использовать новые трудовые ресурсы, но и ориентировать принимающее население на доброжелательное взаимодействие с мигрантами.

Данные социологического опроса населения Удмуртии свидетельствуют о неготовности значительной части принимающего общества к приезду мигрантов на территорию Удмуртии³. Так, против прибытия в республику мигрантов высказалось более половины респондентов (55,2%), не готовы проживать вместе с соседями-мигрантами – 53,3%, не готовы к дружеским отношениям – 33,2%, не готовы к браку близкого родственника с мигрантом – 53,8%.

Еще более категорично настроены жители Удмуртии к привлечению дополнительной рабочей силы из-за пределов республики, 62% опрошенных считают, что нет необходимости привлекать на рынок труда рабочих-мигрантов, и только 6% придерживаются противоположного мнения, 3,6% респондентов ставят приезд мигрантов в зависимость от их национальной принадлежности, 16% – отнеслись нейтрально, 12,4% – затруднились с ответом.

³ Социологический опрос по теме «Проблемы интеграции мигрантов в принимающее сообщество» проведен в июне 2010 г. по заказу Министерства национальной политики Удмуртии, опрошено 1200 жителей республики и 172 мигранта, руководитель исследования – к.и.н. В.С. Воронцов.

Местные жители весьма болезненно воспринимают возможность приезда в республику мигрантов, об этом свидетельствуют и записи, сделанные респондентами в ходе анкетного опроса.

«Почему государство так заботится о мигрантах, лучше бы они улучшили или хотя бы старались улучшить жизнь своего населения, народа. А уж потом так старались благосостояние мигрантов улучшить» – задается вопросом 19-летняя глазовчанка.

«Не впускать в Республику лиц иностранных национальностей для выполнения каких-либо работ! Запретить въезд мигрантов южных национальностей, или сделать очень жестким процедуру въезда» – вторит ей 30-летняя ижевчанка.

Еще более категоричны мужчины: *«Мигранты это люди, приехавшие из другой страны в поисках работы и заработка. Наличие большого количества мигрантов для общества очень плохо – это паровой котел. Примеры: Кондопога, Франция».*

«Мигрант – это непрошенный гость в России и в Удмуртии. Меня уже достали все эти цыгане, узбекистанцы, таджики и т.п. Они не могут себя нормально вести не в своей стране».

«На территории Удмуртии проживают татары, башкиры, народы Поволжья. С этими людьми мы все проживаем дружно. Зачем нам другие национальности, особенно кавказцы?»

Подобные высказывания отнюдь не редкость, в ходе опроса интервьюеры постоянно фиксировали недоброжелательные устные высказывания местного населения по отношению к мигрантам, прежде всего к представителям народов Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Не случайно среди причин, способных обострить межэтнические отношения в республике, почти треть респондентов (32,4%) назвали приезд в Удмуртию мигрантов.

По мнению большинства опрошенных жителей Удмуртии, федеральные органы власти должны запретить или ограничить въезд мигрантов в страну. В сумме запретительные и ограничительные варианты ответов составили 67,6%, тогда как противоположного мнения придерживаются лишь 14,5% респондентов, почти каждый пятый опрошенный затруднился с ответом (17,9%).

По мнению части респондентов, федеральные органы власти должны ограничить въезд мигрантов из стран Средней Азии (10 ответов), отдельно выделяются Узбекистан (4 ответа), Таджикистан (3 ответа), Киргизия (3

ответа) и Туркменистан (1 ответ). Далее следуют представители государств Закавказья: Азербайджан (8 ответов), Грузия (4 ответа), Армения (2 ответа) и Абхазия (1 ответ). Отметим также, что некоторые респонденты посчитали необходимым ограничить въезд из Чеченской Республики (2 ответа), Дагестана (1 ответ) и в целом с Северного Кавказа (4 ответа).

Вместе с тем при изучении отношения местного населения к вопросам адаптации мигрантов материалы опроса показывали противоречивость позиций и оценок жителей Удмуртии в их ожиданиях относительно действий республиканских и местных органов власти, направленных на урегулирование взаимоотношений местного населения с мигрантами.

Рейтинг мер, предлагаемых для успешной адаптации мигрантов, распределился следующим образом:

1. Организация для мигрантов курсов по изучению русского и удмуртского языков (за – 62,2%, против – 26,6%);
2. Организация совместных (местное население и мигранты) социально значимых мероприятий (за – 53,8%, против – 35,1%);
3. Организация для мигрантов курсов по истории, культуре, обычаям местного населения (за – 52,8%, против – 33,9%);
4. Открытие юридических консультаций для правового просвещения мигрантов (за – 52,4%, против – 34,7%);
5. Знакомство местного населения с историей, культурой и обычаями мигрантов (за – 36,3%, против – 49,1%);
6. Оказание материальной помощи мигрантам при открытии собственного дела (за – 17,4%, против – 68,2%).

Как можно заметить, для местного населения прежде всего важно, чтобы мигрант умел общаться на государственных языках республики, т.е. при любых видах коммуникаций необходимо хотя бы элементарное знание русского и/или удмуртского языков. Важным для лучшего взаимопонимания «местных с приезжими» является знакомство мигрантов с историей, культурой, обычаями местного населения, их правовое просвещение. Необходима и организация совместных социально значимых для местного сообщества мероприятий, давно замечено, что именно совместная позитивная деятельность способствует лучшему взаимопониманию между людьми разных национальностей. Этого мнения придерживается от половины до двух третей опрошенных, поэтому в ближайшей перспективе, видимо, необходимо решить организационные и финансовые вопросы с открытием такого рода курсов.

В меньшей степени готовы респонденты к целенаправленному знакомству с историей и культурой самих мигрантов. Они резонно задаются вопросом, «почему мы должны изучать их культуру, это они к нам приехали, а не мы к ним, пусть они и изучают наш язык, историю и культуру». Еще более негативно относятся респонденты к тому, чтобы государство оказывало мигрантам материальную помощь при открытии собственного дела, и в этом нет ничего удивительного, учитывая то, что сами местные подобную помощь получают, в лучшем случае, по минимуму.

Известно, что интеграция – это всегда двусторонний процесс, и для объективного анализа сложившейся ситуации необходимо знать точку зрения «второй» стороны, т.е. мнение, мотивы, установки самих мигрантов. Поэтому параллельно с опросом жителей Удмуртии был проведен опрос представителей мигрантского сообщества, причем в выборку попали как граждане иностранных государств, так и «бывшие» мигранты, на момент опроса уже получившие российское гражданство. Всего было опрошено 172 человека, из них 52 (30,2%) уже имели российское гражданство, 100 (58,1%) являлись гражданами иностранных государств и 20 человек (11,7%) не имели гражданства. Отметим, что опрос носил пилотный характер и полученные выводы нельзя экстраполировать на все мигрантское сообщество республики.

По данным опроса, абсолютное большинство респондентов прибыло в Удмуртию из стран ближнего зарубежья (90,7%), 5,8% – из стран дальнего зарубежья и 3,5% – из другого региона России.

Большая часть мигрантов из стран Средней Азии и Закавказья: Таджикистан – 42 чел. (24,4%), Узбекистан – 40 чел. (23,3%), Казахстан – 17 чел. (9,9%), Киргизия – 10 чел. (5,8%), Азербайджан – 16 чел. (9,3%), Армения – 10 чел. (5,8%), Грузия – 3 человека (1,7%). Страны дальнего зарубежья представлены выходцами из Вьетнама, Египта, Иордании, Марокко и Сирии – всего 10 человек (5,8%).

Среди опрошенных в большинстве оказались мужчины (74%) и лица трудоспособного возраста (18–29 лет – 36,7%, 30–49 лет – 54,6%, 50–60 лет – 8,7%). Достаточно высоким оказался и уровень образования мигрантов: 27,3% опрошенных имели высшее и незаконченное высшее образование, 26,2% – среднее специальное.

Абсолютное большинство опрошенных считают себя верующими, из них 62,8% являются приверженцами ислама, 20,4% – православия, 11% –

других направлений христианства, 0,6% – католичества. Неверующими объявили себя 5,2% респондентов.

По словам мигрантов, они прибыли в Удмуртию по следующим причинам:

- Экономические трудности, безработица – 40,1%
- Желание воссоединиться с родственниками – 31,4%
- Выезд на учебу – 9,3%
- Межнациональные проблемы – 5,8%
- Политическая нестабильность в стране – 3,5%
- Туризм и посещение родственников – 2,9%
- Лечение – 1,2%
- Другие причины – 5,2%.

Следует отметить, что 64% респондентов, являющихся гражданами иностранных государств, хотели бы получить российское гражданство (20% – еще не решили, 16% – не хотят, это в основном туристы и приехавшие в гости). Среди лиц без гражданства хотели бы получить гражданство России 90% опрошенных, 10% – еще не решили.

Как и ожидалось, мнения местного населения и мигрантов по вопросу привлечения в республику дополнительной рабочей силы существенно различаются (табл. 2). По данным опроса, 40,7% мигрантов полагает, что в Удмуртию необходимо привлекать рабочую силу из-за пределов республики, противоположного мнения придерживается лишь 12,2% респондентов, почти каждый четвертый из числа мигрантов затруднился с ответом.

Таблица 2

Существует ли необходимость привлекать рабочую силу в Удмуртию из зарубежных стран и других регионов России?

	Местные жители	Мигранты
1. Да	6,0	40,7
2. Мне все равно	16,0	16,3
3. Все зависит от национальности рабочих-мигрантов	3,6	6,4
4. Нет	62,0	12,2
5. Затрудняюсь ответить	12,4	24,4

Обращаем внимание на то, что доля ответов с мотивировкой «все зависит от национальности рабочих-мигрантов» оказалась выше среди мигрантов, чем местных жителей. В ходе опроса часть респондентов заявляла, что миграционная служба допускает большую ошибку, разрешая почти бесконтрольный въезд в Россию мигрантов, особенно из азиатских и африканских стран: «Зачем они вам, они везут наркотики, болезни, они грязные, некультурные, у вас будут такие же проблемы, как на Западе».

Большая же часть мигрантов считает, что их приезд в республику принесет больше пользы, нежели вреда. Среди положительных последствий от миграций они отмечают:

- помощь в освоении заброшенных земель (39%);
- пополнение республики новыми квалифицированными кадрами (32%);
- увеличение возможности выбора спутника жизни и друзей (31%);
- увеличение культурного многообразия (30%);
- рост предприимчивости местного населения (29%);
- увеличение сферы малого бизнеса и торговли (27%);
- увеличение финансовых потоков из федерального центра (20%).

Отрицательные последствия от миграций следующие:

- рост цен на жилье (23%);
- рост безработицы (19%);
- рост преступности (15%);
- ухудшение межэтнических отношений (14%);
- рост коррупции в органах власти (14%);
- увеличение бюджетных расходов на образование и медицину (11%);
- вытеснение местного населения из прибыльных сфер деятельности (10%).

После обработки данных опроса выяснилось, что на многие вопросы респонденты затруднились ответить, либо не ответили. В этом нет ничего удивительного, если учесть то, что многие мигранты находились в стрессовой ситуации, очутившись в чужой стране с иными «правилами игры». Как оказалось, высокая доля «отказников» во многом связана и с недостаточным знанием ими русского языка. По данным опроса, каждый пятый респондент из числа иностранных граждан и лиц

без гражданства плохо знает русский язык, что подтверждает необходимость открытия курсов по изучению русского языка.

По мнению опрошенных мигрантов, их более успешной адаптации в принимающее общество помогли бы следующие меры:

1. Открытие юридических консультаций для правового просвещения мигрантов (за – 68%, против – 8,1%);
2. Организация для мигрантов курсов по изучению русского и удмуртского языков (за – 65,7%, против – 11,6%);
3. Организация общих с местным населением социально значимых мероприятий (за – 59,3%, против – 9,3%);
4. Оказание материальной помощи мигрантам при открытии собственного дела (за – 57%, против – 15,7%);
5. Знакомство местного населения с историей, культурой и обычаями мигрантов (за – 54,7%, против – 16,3%);
6. Оказание организационной и финансовой помощи национально-культурным организациям мигрантов (за – 54,1%, против – 19,2%);
7. Организация для мигрантов курсов по истории, культуре, обычаям местного населения (за – 52,3%, против – 20,4%).

Таким образом, материалы опроса подтверждают потребность большей части мигрантов в получении правовых, языковых и этнокультурных знаний принимающего общества.

Оказавшись в чужой стране, мигрантам приходится сталкиваться с самыми разными проблемами, в том числе с недоверием со стороны принимающего общества. По самооценке, 42,5% респондентов лично испытывали притеснения из-за своей национальности, из них 7% – многократно. Причем, такие притеснения испытывали как иностранцы, так и лица, уже ставшие полноправными гражданами России.

Респонденты отмечают также случаи притеснений со стороны милиции (12,2%), преступных группировок (5,2%), администраций городов и районов (4,1%), миграционной службы (4,1%). Можно предположить, что подобных случаев было все-таки больше, однако страх перед властными структурами, опасения возможных преследований со стороны правоохранительных структур заставляют респондентов скрывать реальное положение дел. Не случайно почти каждый пятый опрошенный (18,6%) полагает, что в случае нарушения закона к мигрантам применяют более строгие меры воздействия, чем к местным жителям, еще

5,8% респондентов считают, что строгость наказания зависит от национальной принадлежности нарушителя.

В какой же степени готовы сами иноэтничные мигранты к более тесному сотрудничеству с представителями других национальностей? Респондентам был задан вопрос о их личной готовности принять в семью в качестве близкого родственника иноплеменника. Отметим, что более трети (36,6%) респондентов уже имеют таких родственников, естественно, более межэтнические родственные связи характерны для лиц, получивших российское гражданство и связавших свою жизнь с Россией (51,9%), менее они распространены среди иностранцев и лиц без гражданства (30%). Однако и среди иностранных граждан установки на появление в семье родственников иной национальности получили достаточно широкое распространение (37,5%). Вместе с тем около трети иностранных граждан и лиц без гражданства выступили против принятия в свою семью человека другой национальности (32,5%).

Заключение

Таким образом, исследование общественного мнения по проблемам миграции свидетельствует о сложных взаимоотношениях, сложившихся между принимающим сообществом и мигрантами, о неготовности значительной части принимающего общества к приезду мигрантов на территорию республики. По-прежнему, иноэтничный мигрант остается чужаком для местного населения, да и местное население воспринимается мигрантами с большой долей опасения. Особенно резкое неприятие в республике наблюдается по отношению к недобросовестным «торговцам и предпринимателям», как правило, уроженцам стран Закавказья и республик Северного Кавказа, в данном случае для местного населения не важно, являются ли они гражданами России или иностранцами. Вторая группа отторжения – это трудовые мигранты, которые воспринимаются как конкуренты на рынке труда, способные лишить местных работы, а значит, и средств существования; обычно это гастарбайтеры из республик Средней Азии. Своеобразную «прослойку» между двумя группами мигрантов занимают цыгане, у местного населения уже сложился устойчивый стереотип, «если цыган, то вор, если цыганка, то обманщица», а потому ради собственной безопасности с ними лучше никаких дел не вести.

Материалы исследования наглядно демонстрируют неготовность значительной части принимающего общества к приезду мигрантов на

территорию республики. В Удмуртии остается достаточно высокий уровень мигрантофобии при отсутствии системной интеграционной политики со стороны федерального центра и внятного информационного освещения позитивных составляющих миграции возможен дальнейший рост интолерантности к мигрантам, особенно к временным трудовым мигрантам. Основными элементами в структуре мигрантофобии у населения являются опасения остаться без работы, не выдержать конкуренции в борьбе «за место под солнцем», страх быть обманутыми при сталкивании с новыми традициями и обычаями, выходящими за рамки привычного образа жизни.

Вместе с тем отдельные группы населения Удмуртии осознают необходимость налаживания дружеских взаимоотношений с законопослушными мигрантами, которые с уважением относятся к культуре, обычаям, образу жизни коренного населения. В целях скорейшей адаптации мигрантов они считают необходимым организацию для них различного рода правовых и этнокультурных курсов. Собственно, и сами мигранты заинтересованы в таких курсах и мероприятиях. Постепенно к людям приходит понимание, что для решения проблем адаптации и интеграции необходимо использовать «силу общего дела» – совместную деятельность мигрантов и местного старожильского населения в реализации общих социальных проектов.

Библиография

Голос России 2011 – Радио «Голос России». Иммигранты в России. 18.04.2011. http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/2172039/48817274.html. Последнее обращение: 27.06.2012.

Егоров 2011 – Егоров И. Остров ищет инженера. Николай Патрушев обсудил проблемы трудовой миграции на Курилах // Российская газета. 2011. 14 сент.

Естественное движение 2010 – Естественное движение и миграция населения Удмуртской Республики за 2010 год. <http://udmstat.gks.ru/digital/region1/default.aspx>. Последнее обращение: 27.06.2012.

Левада-центр 2011 – Левада-центр. Пресс-выпуск «Национализм в современной России». <http://www.levada.ru/press/2011020407.html>. Последнее обращение: 27.06.2012.

Предварительные итоги 2010 – Предварительные итоги Всероссийской переписи 2010 года. Статистический сборник. <http://www.gks.->

ru/freedoc/newsite/perepis2010/perepis_itogi2106.htm. Последнее обращение: 27.06.2012.

Российский статистический 2010 – Российский статистический ежегодник. 2010. М., 2010.

Современная демографическая 2009 – Современная демографическая ситуация в Российской Федерации. http://www.gks.ru/free_doc/2010/demo/dem-sit-09.doc. Последнее обращение: 27.06.2012.

Социальное положение 2011 – Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в 2010 году // Удмуртская правда. 2011. 8 фев.

Тезисы 2011 – Тезисы к выступлению С.В. Степашина на пленарном заседании Государственной Думы по вопросу исполнения федерального бюджета за 2010 год // ГосМенеджмент. Электронный журнал. 2011. № 09 <http://www.gosman.ru/finans?news=19100>. Последнее обращение: 27.06.2012.

УФМС 2010 – Результаты деятельности УФМС по Удмуртии за 2010 год. <http://www.fms-udm.ru/info/statistics/> Последнее обращение: 27.06.2012.

Федоров 2010 – Федоров В. России не нужны «чайнатауны». <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=13652>. Последнее обращение: 27.06.2012.

Наталья Зотова
Институт этнологии
и антропологии РАН, Москва
Виктор Агаджанян
Университет Штата Аризона, США

Женская миграция в Россию из стран Средней Азии. Опыт исследования мигрантов самими мигрантами¹

Настоящая статья посвящена наблюдениям, которые были сделаны в ходе выполнения проекта «Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве», который проводился осенью 2010 г. Мы размышляем об опыте исследования мигрантов самими мигрантами, которые были заняты в проекте в качестве интервьюеров; их успехах и трудностях, с которыми пришлось столкнуться; размышлениях и выводах, которые сделали для себя интервьюеры. Мы приведем фрагменты высказываний самих интервьюеров, дополняя их своими комментариями и научным анализом. Статья написана в рамках культурно-антропологической традиции изучения миграции, что позволяет выявить детали, взглянуть на миграционные процессы глазами их непосредственных участников, углубить исследовательский фокус.

Введение

Распад Советского Союза повлек за собой большие социальные, экономические и другие потрясения в Средней Азии. Это дало старт процессам, ранее не фиксировавшимся в среднеазиатском регионе, в частности широкомасштабной внешней миграции. Подавляющее большинство мигрантов из Средней Азии направляется в Россию; здесь крупнейшим центром притяжения мигрантов выступает Центральный федеральный округ и, в первую очередь, Москва и Московский регион. Согласно данным Федеральной миграционной службы России о распределении рабочей силы из Центральной Азии по федеральным округам России в первом полугодии 2007 г., 38,2% выходцев из Киргизстана работали в Центральном федеральном округе (в том числе в Москве и

¹ Проект выполнен при поддержке гранта School of Social and Family Dynamics, Arizona State University. USA.

Московской области – 35,3%), для выходцев из Узбекистана эти цифры составляют 34,8% и 23,4% соответственно (Трудовая миграция 2008: 34). Следует отметить, что эти официальные цифры отражают численность мигрантов, получивших разрешение на работу; с учетом недокументированных мигрантов (т.е. работавших нелегально) мы можем говорить о более высоких показателях. Так, по оценкам С. Олимовой², наиболее привлекательной территорией для таджикских мигрантов в России является Московская агломерация (49% всех мигрантов из Таджикистана, работающих в России) (Региональное измерение 2008: 83).

Лавинообразный рост числа мигрантов привел к значимым структурным сдвигам в организации общества, огромная волна мужской трудовой миграции повлекла за собой выезд женщин на заработки в чужую страну. Женская миграция представляет собой новое явление для среднеазиатского общества, но в целом она укладывается в основные закономерности развития миграционных процессов в мире на рубеже XX–XXI вв. Специалисты отмечают, что феминизация миграционных потоков с 1990-х годов. становится характерной чертой новейшего этапа развития международной трудовой миграции (см, напр.: *Castles, Miller* 1998). Согласно различным оценкам, женщины составляют до 40–50% общего числа мигрантов в мире (Всемирная миграция, 2009: 10–11).

Необходимо отметить, что специальных работ и монографий, посвященных женской миграции из стран Средней Азии в Россию, до последнего времени не было опубликовано. Можно выделить несколько работ, посвященных гендерным аспектам в постсоветских миграциях, но отдельно женская миграция из стран Средней Азии в них не рассматривается. Это книга Е.В. Тюрюкановой и М.М. Малышевой (2001), исследование Д. Полетаева (2005) и несколько статей, опубликованных в одном из номеров журнала «Диаспоры»³. Первым большим исследованием женщин-мигрантов и, несомненно, важным шагом на пути изучения женской миграции стала работа, проведенная под эгидой ЮНИФЕМ экспертными группами в Таджикистане, Узбекистане, Киргизстане, Казахстане и России и 2008–2009 гг. (Оценка нужд 2009). В

² Оценка основана на данных опросов фонда «Шарк» в Таджикистане.

³ Имеется в виду № 1 за 2005 г., и в первую очередь предисловие «От составителя», написанное Н. Космарской (*Космарская* 2005), и статья Е. Тюрюкановой (*Тюрюканова* 2005).

отчете, опубликованном по результатам исследования, освещается большой спектр вопросов: факторы, способствующие выезду женщин на заработки, модели и сценарии трудовой миграции женщин, возможности и ресурсы, которые они могут использовать, проблемы, с которыми сталкиваются в принимающей стране, влияние миграции на их семьи и т.д. Тем не менее число опрошенных женщин в каждой стране не так велико, и результирующие цифры не отражают региональные, социальные и другие различия, существующие в странах региона в целом, и среди женщин этих стран, в частности.

Широкомасштабная миграция из стран региона – достаточно новое явление; таджикскую миграцию в данном контексте можно считать наиболее «старой» и устоявшейся. Анализ трудовой миграции из Таджикистана можно найти в ряде работ С. и М. Олимовых⁴. Аналогичных комплексных исследований миграции из Киргизстана пока нет, до недавнего времени их не существовало и по Узбекистану. Более того, в силу явной закрытости Узбекистана и нежелания руководства этого государства признавать существование значимых миграционных потоков, направленных за пределы страны, было сложно представить, что такие исследования появятся в ближайшем будущем. Поэтому важно выделить сборник, опубликованный под эгидой Программы развития ООН в 2008 г. (Трудовая миграция 2008). В него вошли статьи и исследования по внутренней и внешней трудовой миграции в Узбекистане, в том числе результаты двух социологических исследований по социальным и гендерным аспектам миграций. В разделе, посвященном внешним миграциям, интерес представляют данные по миграционным настроениям среди женщин. Так, 14,2% опрошенных женщин выразили твердое желание уехать из Узбекистана на заработки; 5,9% еще не приняли окончательного решения, при этом не отрицая саму возможность выезда (Там же: 158).

В целом при изучении феномена достаточно «молодой» в исторической перспективе широкомасштабной миграции из стран Средней Азии за последние 10–15 лет в России было опубликовано значительное число обобщающих работ, посвященных проблемам мигра-

⁴ Результаты комплексного исследования изложены в публикации *Олимова, Боск* 2003. Также С. и М. Олимовы являются авторами глав, посвященных миграции из Таджикистана, в ряде более поздних публикаций (см., напр.: Региональное измерение 2008).

ции трудовых ресурсов, ее демографическим и экономическим аспектам, денежным переводам и государственной политике в области регулирования миграционных процессов, международной миграции⁵. Однако значительная часть работ как в России, так и в Средней Азии написана сходным образом – в них есть цифры и размышления о миграции в общем. В странах Средней Азии, которые служат основными донорами трудовой миграции в Россию, проводятся социологические исследования миграционных процессов; в некоторых публикациях приводятся результаты качественных социологических исследований, фрагменты глубинных интервью с участниками миграционных процессов, анализ фокус-групп, размышления о трансформации гендерного порядка в результате массовых миграций⁶. Однако обобщающие работы не могут удовлетворить интерес многих исследователей к деталям; они не имеют необходимого инструментария для фиксирования и описания причин, процесса и последствий миграции с точки зрения конкретных участников миграционных процессов, их судеб и личной жизненной истории.

Как писал исследователь миграции из Ливана Г. Хейдж: «После того, как я провел многие годы за изучением самых разных работ в области исследования миграций и диаспор, я пришел к выводу, что из всех областей науки, которые изучают глобализацию, миграцию и мобильность, для исследования таких сложных социальных реалий ни одна дисциплина не подходит лучше, чем этнографический анализ. В наибольшей степени это объясняется тем, что такие социальные реалии требуют взгляда с двух сторон; такой взгляд позволяет увидеть и описать как разные живые культуры со всеми присущими им мельчайшими особенностями, так и использовать аналитические методы для описания глобальных процессов, которые структурируют их» (*Hage* 2005: 474). Такой подход давно и часто применяется в западных миграционных исследованиях⁷.

На фоне обобщающих исследований, представляющих читателю миграцию в цифрах, в российской исследовательской традиции очень мало работ, написанных с позиций культурной антропологии, где исто-

⁵ Подробный обзор существующих публикаций см. в работе: *Зотова*, 2010.

⁶ Из недавних публикаций см., напр.: *Касымова* 2007; *Olimova, Olimov* 2007; *Families of Migrants*, 2007.

⁷ Анализ существующей литературы и подходов см. в работе *Vertovec* 2007.

рия мигрантов и их семей, стратегии и решения, намерения и восприятие успеха или неуспеха работы на выезде представлены при помощи взгляда «изнутри». Исследований среднеазиатских миграций, написанных с позиций культурной антропологии, для которых характерно сочетание макроанализа структурных процессов с микроанализом, в настоящее время опубликовано немного. Здесь можно выделить исследования М. Ривз, которая изучает проблемы миграции из сельских районов Южного Киргизстана. Ее интересует, как принимается и обсуждается решение о миграции, как эти решения «вписываются» в контекст местной экономики, что меняется в жизни селения и отдельных людей с отъездом на заработки и т.д. (Ривз 2009). Кроме того, можно отметить ряд интересных наблюдений авторов французского издания, посвященного проблемам миграции из Центральной Азии⁸. Можно также выделить несколько статей Н. Зотовой, где рассматриваются разные аспекты женской миграции из Таджикистана и представлено видение миграционных процессов в стране исхода глазами женщин (Зотова 2006, 2007, 2008).

Выполнение проекта и опыт интервьюеров

Настоящая статья продолжает культурно-антропологическую традицию изучения миграции. Она основана на исследовании женщин-мигрантов из стран Средней Азии – Киргизстана, Таджикистана и Узбекистана, которое проводилось в Москве в октябре–декабре 2010 г. Мы провели исследование 224 женщин в возрасте от 18 до 40 лет, которые принадлежат к трем большим этническим группам – это киргизки, узбечки и таджички. Мы выбрали три сектора городской экономики, в которых концентрация женщин-мигрантов достаточно велика – рынки (продащицы), предприятия общественного питания (в основном официантки и уборщицы) и небольшие продуктовые магазины (продащицы, кассиры, мерчендайзеры и уборщицы). Киргизки, узбечки и таджички были выбраны в силу того, что они составляют значительную долю мигрантов в Москве. В то время как эти три этнические группы имеют много общих черт, особенно в сравнении с местным населением, у них есть этнокультурные различия, которые мы также постарались уловить, используя инструментарий исследования.

⁸ Это статьи Мадлен Ривз, Нафизы Хусейновой и Стефани Белуан в сборнике *Dynamiques migratoires*, 2010.

Поиск респонденток осуществлялся при помощи вероятностной выборки на рабочих местах. Была осуществлена случайная выборка рынков, а затем рынки были закреплены за той или иной этнической группой. Это было сделано для того, чтобы интервьюеры не мешали друг другу. На рынках использовался пошаговый алгоритм поиска. Для работы в точках общественного питания (кафе и рестораны) и магазинах были выбраны линии метрополитена; по две самых протяженных радиальных ветки, цвета которых в некоторой степени совпадали с цветами национальных флагов стран происхождения мигранток. На выбранных линиях были случайно отобраны станции, вокруг которых в радиусе 500 м (300 м для центральных станций) был проведен натурный обход, нанесены на карту и переписаны все кафе, рестораны и магазины. Таким образом, было получено два отдельных списка – точек общественного питания и магазинов. Точки в списках были отсортированы в случайном порядке; интервьюеры посещали точки в том порядке, в каком они были перечислены в списке, чтобы провести анкетирование необходимого числа женщин. Для проведения исследования была разработана анкета, которая состоит из ряда модулей. Это модули «Индивидуальные характеристики», «Брак и характеристики мужа/партнера», «Здоровье и репродуктивное поведение», «Миграция и жизнь в Москве», «Социальные связи», «Семейные и гендерные установки» и «Миграционные планы». После анкетирования мы провели глубинные интервью с 21 женщиной из числа респонденток (по 7 из каждой этнической группы), чтобы уточнить и дополнить полученные ответы⁹.

Жизнь мигрантов в городской среде значимым образом отличается от жизни на родине. Как отмечает Анатолий Вишневский, история миграции в глобальном масштабе может быть охарактеризована как движение «мировой деревни» в «мировой город» (Вишневский 2007: 190, 222). Даже если мигранты переезжают из столиц своих государств, например, Бишкека и Ташкента, жизнь в Москве ставит перед ними другие проблемы и вынуждает находить способы их решения; кроме того, мигранты проживают в Москве в иной этнической и культурной среде. Проводить исследования мигрантов в принимающей стране достаточно сложно – они неохотно идут на контакт, боятся возможных ос-

⁹ Методология исследования подробно описана в публикации Agadjanian, Zotova 2012.

ложнений, опасаются сотрудников правоохранительных органов и т.д. Несомненно, о встречах и интервью можно договориться через знакомых мигрантов или организации правозащитников, куда мигранты обращаются за консультациями и помощью. Однако при общении мигрантов с местным исследователем все равно возникает эффект «двойного барьера» – это языковой барьер, поскольку не все мигранты в достаточной мере владеют русским языком, и восприятие исследователя как «чужого». В силу этих препятствий значительная часть информации может быть утеряна или не быть воспринятой исследователем. Шерна Глюк справедливо отмечает: «“Аутсайдер” может иногда обладать определенным опытом. Возможно, существуют определенные темы, которые намного легче обсуждаются с “аутсайдерами”. Вместе с тем, поскольку они менее осведомлены о культуре и субкультуре своих респондентов, им меньше доверяют, и у них возникает больше вопросов, чем у “инсайдеров”. В целом, мой опыт говорит о том, что культурное сходство может ощутимо содействовать доверию и открытости, тогда как несходство увеличивает культурную и социальную дистанцию между интервьюером и его собеседником» (Глюк 2004: 203).

Для облегчения контакта с женщинами-мигрантами, решения проблемы языкового барьера и отчуждения нами были подобраны интервьюеры родом из изучаемых стран. Миграционные истории пяти молодых женщин-интервьюеров в значительной степени схожи с историями респонденток – они приехали в Россию на учебу или работу. Два интервьюера приехали из Киргизии, из городов Бишкек и Ош. Это этнические киргизки. Два интервьюера были родом из Таджикистана, с Памира (шугнанки). Этническую принадлежность еще одного интервьюера, как всегда это бывает в случае с самаркандцами, определить сложно. Она выросла в русскоязычной семье, и на вопрос: «Кем ты себя считаешь?» – лукаво отвечала: «Ну, мы же узбеки по паспорту». Четверо имели высшее образование (они заканчивали университеты Бишкека, Хорога, Самарканда и медицинский институт в Душанбе), самая молодая девушка являлась студенткой Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева в Москве. Возраст интервьюеров был от 20 до 35 лет; дольше всех прожила в России студентка – 6 лет. Все остальные девушки на момент исследования провели в Москве от 2 до 7 месяцев.

Задачей интервьюеров было провести анкетирование и глубинные интервью с мигрантками-киргизками, узбечками и таджичками. Уро-

женки Памира свободно говорят по-таджикски, и они отвечали за таджикскую часть проекта. Молодая женщина из Бишкека работала с киргизками, а уроженки Самарканда и Оша – с узбечками. Подавляющее большинство интервью было проведено на родных языках респондентов – киргизском, узбекском, таджикском и нескольких памирских языках.

Достаточно необычный формат исследования – «мигранты интервьюируют мигрантов» – позволяет рассуждать о своеобразном фокусе, эффекте «двойной оптики», который возникает в данной ситуации. Четверо из пяти интервьюеров приехали в Москву совсем недавно – уроженки Таджикистана планировали продолжить свое образование, киргизка из Бишкека в силу тяжелых обстоятельств приехала в Россию на заработки, девушка из Самарканда только что вышла замуж и приехала в Москву вместе с мужем, который жил, учился и работал здесь уже на протяжении длительного времени. Какими бы разными ни были их обстоятельства, тем не менее они стремились найти какой-то источник заработка или подработки в Москве. Итак, каждая проживала собственную историю миграции, стремилась реализовать планы, каким-то образом обустроить жизнь в непривычных сложных обстоятельствах в огромном мегаполисе. При этом девушки работали как интервьюеры – они не только проживали собственную историю, но и наблюдали и фиксировали истории, в сущности, очень похожие на их собственный опыт. Как отмечает Энн Оукли: «Когда социальная позиция обоих (опрашивающего и опрашиваемого. – *Н.З., В.А.*) одинакова и жизненный опыт аналогичен, социальная дистанция сокращается до минимума. Когда опрашивающий и опрашиваемый принадлежат к одному и тому же социальному меньшинству, представление о равенстве может быть особенно отчетливо выражено в сознании интервьюера» (Оукли 2004: 168–169).

В отношении условий жизни кому-то из девушек-интервьюеров приходилось легче – поскольку они приехали к родственникам, они не стояли перед угрозой оказаться на улице, если не смогут заработать на жизнь и уплату аренды. Кому-то пришлось значительно тяжелее. Сложнее всего пришлось Н. из Бишкека – весной 2010 г. они с мужем приехали в Санкт-Петербург, где через знакомых устроились на предприятие по обработке рыбы. Однако там задерживали зарплату, и в результате выплатили только малую часть заработка. Аналогичные случаи имели место и на многих других местах работы, которые при-

шлось сменить Н. Молодая женщина имела высокий социальный статус на родине – юрист по образованию, она долгое время работала по специальности в МВД Киргизстана. В России ей пришлось пережить психологический кризис, связанный с резким изменением статуса – доля Н. была такой же тяжелой, как и у многих мигрантов – ей пришлось столкнуться с обманом, оскорблениями, угрозами, плохим отношением к себе, сложными жилищными условиями и т.д. В силу того, что память о собственных обидах была так остра, Н. с большим вниманием и участием относилась ко всем жизненным историям респонденток; можно сказать, что она абсолютно все пропускала через себя. Она помнила всех респонденток и их обстоятельства, рассказывала детали и подробности, размышляла об их судьбах, делала тонкие наблюдения, анализировала и делала выводы. В силу темперамента и прямолинейного характера, очень многие вещи ее возмущали – дискриминация, несправедливое отношение к мигрантам и т.д. В конце анкеты было оставлено поле для комментариев интервьюера. Комментарии Н. исключительно интересны, в них отражается как анализ и наблюдения над респондентками, так и личность самого исследователя. Приведем несколько примеров:

– *Мунара девушка улыбочивая, но, кажется мне, с сильным характером. Работала усердно, но без энтузиазма. Начальству и другим коллегам по работе (русским) поддакивает, боится лишний раз слово сказать. На мой вопрос, почему она с ними так ведет себя, ответила, что у нее нет никаких прав [подчеркнуто Н.], и ничего она не добьется, если что-нибудь случится. И что они всегда будут правы, хоть и правда будет на ее стороне. Отказ дать свои данные [для последующего контакта] объяснила тем, что не хотелось бы лишних проблем с мужем, вдобавок к тому, что уже есть. И так у нее каждый день происходит стресс из-за общения с представителями титульной национальности [подчеркнуто Н.].*

– *Зарина девушка свободных нравов, общительная, прямолинейная. На вопросы отвечала легко, не смущаясь. Или свобода ее нравов – это следствие долгой жизни в Москве (4 года) или жизни в городе (родилась и выросла в Бишкеке) [подчеркнуто Н.]. Потому что менталитет восточной женщины не позволяет им так откровенничать.*

– *Не понимаю, что такие образованные и воспитанные люди делают на рынках [респондентка работает продавцом. – Н.З., В.А.].*

Просто сказать больше нечего, возмущает и оскорбляет такая ситуация с мигрантами.

При этом неверно было бы понимать, что Н. отождествляет себя с женщинами-мигрантками, принимая так близко к сердцу их истории. Напротив, позиция исследователя ставит ее в некотором смысле над ними. *Как вы себя ощущали во время исследования? Как вы воспринимали себя, общаясь с женщинами, наравне с ними? – Нет, честно говоря, я чувствовала себя немножко выше них, что я их изучаю*¹⁰. Восприятие Н. своей роли может служить примером «двойной оптики», о которой говорилось выше – с одной стороны, она сочувствует мигранткам, проживая сходную историю. С другой стороны, позиция «наблюдателя» отделяет ее от киргизских респонденток и в некотором смысле служит упрочению социального статуса Н. в собственных глазах и способствует повышению самооценки.

Интервьюер А. столкнулась с проблемами иного рода. Киргизка из г. Ош (Южный Киргизстан), она приехала в Москву еще школьницей, а в настоящий момент учится в одном из лучших Вузов Москвы и имеет российское гражданство. Это миниатюрная красивая девушка киргизской внешности. При проведении исследования в силу ряда причин А. работала с узбекскими респондентками; она свободно владеет узбекским языком¹¹. У нее не возникало проблем с доступом к респонденткам, но некоторое несоответствие внешности и выбранного языка работы периодически вызывало вопросы у интервьюируемых женщин. *Все спрашивали, почему я интервьюирую только узбечек. После того, как у нас война прошла [имеются в виду события в г. Ош летом 2010 г. – Н.З., В.А.], все насторожились – здесь что-то не так. И еще все боялись насчет работы – что их уволят, если узнают, что они рассказывают про работу. А некоторые вообще даже разговаривать боялись. Я удивлялась, что они меня боялись – я, в общем-то, не выгляжу совсем ужасной. Они боялись за себя, многие боялись, что они*

¹⁰ Фрагмент интервью с Н., которое было взято Н. Зотовой после окончания исследования.

¹¹ Население г. Ош, расположенного на территории Киргизстана, состоит из двух крупным этнических групп – киргизов и узбеков. В силу этого многие жители города двуязычны.

могут навредить себе. Тем более, после войны, что у нас такое там творилось¹².

В исследовании нам встретились узбекские беженцы из г. Ош, которые приехали в Москву вместе со всеми родственниками после тех событий. Также встречались женщины, которые уже жили и работали в Москве, но после лета 2010 г. к ним приехали родственники. В силу настороженности узбеков А. приходилось представляться по-разному:

– В некоторых случаях говорила, что я киргизка. Потому что они сразу сами спрашивали: «Вот, ты киргизка, а почему у узбеков интервью берешь?» Что-то тут не так, мол. А некоторым я сама говорила – я узбечка, из Ферганы. А некоторым говорила – я узбечка, но в отца, поэтому похожа на киргизку.

Приведем фрагмент воспоминания А. о разговоре с этническими узбеками, которые стали беженцами после событий в г. Ош:

– Один раз я брала интервью – у них полностью вся семья переехала из Киргизии сюда. У них там дом сожгли, все сожгли, ничего не осталось. И у них такая ненависть к киргизам, просто нереальная... С такой ненавистью они рассказывали и в то же время плакали, что с ними так поступили жестоко. А то, что они рассказывали, я вообще была удивлена, что киргизы такое могут [сделать].

Отголосок трагических ошских событий заставил молодую девушку размышлять о новых для нее проблемах:

– Ты когда-нибудь раньше задумывалась об этом? В Москве все живут вместе, в Оше все жили вместе – задумывалась, что узбеки и киргизы ... разные? Или тебе это раньше никогда в голову даже не приходило? (Н.З.) – Раньше? Нет. Потому что раньше, когда, например, какой-нибудь русский парень на улице станет надо мной издеваться, то узбек или даже таджик сразу же заступится за меня. [...] И вот надо же было такое [имеет в виду события – Н.З.]. Я никогда даже не думала, что мы как бы различаемся с узбеками. А после того, как у нас прошла эта война... Я вот сейчас прохожу на Комсомольской [ст. метро Комсомольская, рядом расположены три вокзала. – Н.З., В.А.], и узбеки так косятся... Раньше такого не было. Раньше узбеки, киргизы – все были дружны».

¹² Фрагмент интервью с А., которое было взято Н. Зотовой после окончания исследования.

Если размышлять об исследовательской позиции А., то, пожалуй, следует говорить даже не о «двойном», а «тройном фокусе». Длительное время проживая в Москве, девушка включена одновременно в два социума. Она и ее родственники имеют российское гражданство, старшая сестра вышла замуж за москвича, девушка учится в институте и имеет много подруг среди однокурсниц. Одновременно она ощущает себя частью киргизского социума – старается помогать подругам, которые приезжают из Оша в Москву с целью устроиться на работу, ждет прихода своего молодого человека из армии и собирается выйти за него замуж, и иногда рассуждает в категориях «здесь» и «там». *Вы говорите о некоторых респондентках «обрусели». Это те, которые начали себя вести по-другому, я правильно поняла? (Н.З.)* – Да, это те, которые ведут себя... Ну, как в 21-м веке, скажем. Потому что некоторые, я вот их не понимаю. Они приезжают сюда, и надевают тут длинное платье, ходят тут в платках... Если, конечно, замужем, и муж не позволяет, можно ходить в платке, в длинном платье. Но некоторые начинают осуждать других – мол, зачем они так ведут себя, надевают джинсы – а не ходят в платках, не как они. Ну... У нас же тут как? Мы же в России, в другой стране. Тут надо как все жить. Например, если бы я была там, в Киргизии, я бы, наверное, надела бы там длинное платье, платок и ходила бы. Потому что там так принято. А тут же так не принято. При этом А. продолжает рассуждать о принятых стандартах поведения в Москве, с некоторой иронией отзываясь о подругах, которые почти сразу после приезда из Киргизии пускаются в другую крайность: «Они сразу надевают мини-юбку, все открытое. Сразу же – только что приехали в длинных платьях [из Киргизстана]... Волосы распускают, надевают мини-платья с капроновыми колготками. Вчера подругу видела – в капроновых колготках, юбка очень короткая. У нее грудь еще большая, а она оделась в очень тонкую рубашку; она еле на ней застегивается. Боже мой, у нее такой вид. А сейчас снег идет... Так вот она приехала всего месяц назад».

Таким образом, собственные представления интервьюера о допустимом и недопустимом, дихотомия «обрусели» и «традиционной закалки» задают направление ее анализу жизненных историй респонденток. Размышления этнической киргизки, длительное время живущей в Москве, об узбечках углубляют фокус, придавая ему третью составляющую. С одной стороны, принадлежность А. к другой этнической группе

позволяла ей сохранять минимальную дистанцию, необходимую интервьюеру, чтобы выслушивать и фиксировать самые разные жизненные истории респонденток, несомненно испытывая эмпатию к собеседницам. Интервьюер, тем не менее, избегала полной эмоциональной вовлеченности в переживания женщин, что позволяло придерживаться примерной схемы интервью. С другой стороны, респондентки выстраивали контакт с А. как женщина с женщиной. Они делились с ней переживаниями по поводу мужей и партнеров, некоторые даже делали наставления и поучения молодой девушке, рассказывая о возможных рисках, связанных с сексуальными контактами; разнообразных проблемах в сфере женского здоровья, заболеваниях, передающихся половым путем, а также действенными, по их мнению, способами предохранения от них. Некоторые респондентки стремились завязать с А. дружеские отношения, созванивались по телефону уже после окончания проекта и предлагали встретиться.

Недавние приезжие из стран Средней Азии, как интервьюеры нашего проекта, осваивают пространство города, формируют в нем собственные связи, представления о прежде чуждой для них реальности, выстраивают собственную ментальную карту среды обитания. Как отмечают О. Бредникова и О. Ткач: «Меняя место проживания, мигранты не просто перемещаются из одного населенного пункта в другой, но перекраивают жизненное пространство и значительно расширяют пределы своей повседневности. ... Они живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно (со)общество» (*Бредникова, Ткач 2010: 72–73*). Авторы рассуждают о том, как мигранты постепенно делают город «своим»: «Легко меняя место работы и перевоза вслед за собой Дом, “собранный в коробки”, женщины перемещаются по городу, постепенно осваивая и присваивая его. Связка “дом – работа” мигрирует и тиражируется по всей городской территории, наполняя прежде пустое пространство значимыми для женщин объектами. При этом их город структурирован исключительно схемой метро... Станции метро становятся маленькими центрами, собирающими вокруг себя пространство» (*Бредникова, Ткач 2010: 86*). При разработке дизайна нашего проекта мы также пользовались картой московского метрополитена, приписав по две самых протяженных линии каждой изучаемой этнической группе и случайным образом рассортировав станции на данных ветках. Поэтому интервьюерам приходилось много перемещаться по городу, осваивая пространство и открывая для себя новые, удаленные

от центра города районы. Здесь интересен опыт Аз., интервьюера из г. Самарканд (Узбекистан). К моменту нашего знакомства и начала работы над проектом Аз. провела в Москве всего месяц, приехав в город после своей свадьбы. Муж Аз. работал и жил в Москве на протяжении нескольких лет, но для девушки город был совершенно новым и неизвестным. Она знала только небольшой район поблизости от дома; это удаленный район Москвы, из которого до центра или ближайшей станции метро удобнее всего добраться на электричке. В ходе выполнения проекта она осваивала город, побывав на станциях метро в самых разных районах Москвы. О своем опыте Аз. с гордостью рассказывала родственникам, которые удивлялись ее новым знаниям, отмечая, что в ряде районов города они вообще не бывали, хотя и прожили в Москве уже достаточно длительное время.

Нам как исследователям было интересно не только отметить опыт работы интервьюеров в данном проекте, но и проследить их дальнейшую судьбу. Так, к настоящему моменту из пяти интервьюеров только одна Аз. вернулась на родину, что было связано с семейными причинами – она забеременела, во время беременности находилась в Москве вместе с мужем, но рожать поехала домой в г. Самарканд (Узбекистан) по настоянию мужа и родственников. Тем не менее работа в качестве интервьюера ей очень понравилась; с Н. Зотовой связывался ее муж, передавая слова девушки, что она очень бы хотела вернуться в Москву и участвовать в возможном продолжении проекта. Четверо других интервьюеров также отмечали, что приобрели значительный опыт и квалификацию. Всех интервьюеров по рекомендации Н. Зотовой пригласили к участию в двух других социологических проектах, посвященных исследованию мигрантов, что свидетельствует об их профессиональных навыках.

Заключение

Итак, в настоящей статье мы постарались обозначить некоторые интересные сюжеты, которые возникают в исследовательском поле; привели размышления о том, как собственный миграционный опыт и история влияют на восприятие интервьюерами респондентов. Необычный формат исследования – «мигранты изучают мигрантов» оказался исключительно интересным для нас как руководителей проекта, так и для девушек-интервьюеров, участвовавших в проекте. В работе с полученным материалом глубинных интервью могут возникать некоторые

потенциальные проблемы – уход интервьюера от темы, контаминация нарратива интерпретацией интервьюера и т.д. При анализе это необходимо учитывать и вычленять собственные представления и суждения респондентов. Тем не менее проведение структурированного глубинного интервью по заранее определенной схеме позволяет снизить эти риски. Как отметила интервьюер Н.: «Это одновременно сложно и интересно. Слушаешь рассуждения респондентов, следишь за поворотами сюжета, но при этом держишь в голове весь примерный круг вопросов, которые нужно затронуть в беседе; стараешься ничего не упустить». Мы полагаем, что культурная близость респондентов и интервьюеров, а также добросовестность и квалификация последних позволили в ходе исследования получить значимый и качественный материал. Оценки и комментарии интервьюеров помогли верифицировать полученный материал, а также вывести анализ на более высокий уровень.

Проводя исследование с помощью интервьюеров, которые сами родом из изучаемых стран Средней Азии, мы узнаем много нового о миграции, ощущениях и самоидентификации новых жителей большого московского мегаполиса, их проблемах и трудностях, успехах и радостях; личной жизненной истории и планах на будущее. Парадигма культурно-антропологического подхода в миграционных исследованиях может служить дальнейшему анализу идентичностей мигрантов в российском социуме, их адаптации к новому культурному окружению, выстраивании системы взаимодействий в правовом поле, использовании ресурсов социальной поддержки и сетей, сохранения или трансформации гендерных ролей, изменений в семейно-брачных отношениях и других тем.

Библиография

Бредникова, Ткач 2010 – Бредникова О., Ткач О. Дом дляномады // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 72–95.

Вишневский 2007 – Вишневский А.Г. Россия перед демографическим выбором. Выступления и интервью. М., 2007.

Всемирная миграция 2009 – Международная организация по миграции. Всемирная миграция 2009. Регулирование мобильности труда в условиях развития глобальной экономики. Женева, 2008.

Глюк 2004 – Глюк Ш. В чем особенности женщин? Женская устная история // Женская устная история / сост. А. Пето. Ч. I: Женская сетевая программа Института открытого общества. Бишкек, 2004. С. 195–215.

Зотова, 2010 – Зотова Н.А. Узбекские общины в России: новые «диаспоры» (на примере Санкт-Петербурга, Астрахани, Красноярска. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 222. М., 2010.

Зотова 2008 – Зотова Н.А. Восприятие миграции в стране исхода: Таджикистан // Вестник Евразии. 2008. № 2. С. 29–43.

Зотова 2007 – Зотова Н.А. Женщины – трудовые мигранты из Таджикистана (старшая возрастная группа) // Вестник Евразии. 2007. № 2 (36). С. 72–88.

Зотова 2006 – Зотова Н.А. Женская трудовая миграция и вера в собственные силы. <http://ferghana.ru/article.php?id=4715>

Касымова 2007 – Касымова С. Трансформация гендерного порядка в таджикском обществе. Душанбе, 2007.

Космарская 2005 – Космарская Н.П. От составителя // Диаспоры. 2005. № 1. С. 6–18.

Олимова, Боск 2003 – Олимова С., Боск И. Трудовая миграция из Таджикистана. МОМ – НИЦ «Шарк». Душанбе, 2003.

Оукли 2004 – Оукли Э. Социологические опросы женщин: противоречия между теорией и практикой // Женская устная история / сост. А. Пето. Ч. I: Женская сетевая программа Института открытого общества. Бишкек, 2004. С. 145–174.

Оценка нужд 2009 – UNIFEM. Оценка нужд и потребностей женщин трудящихся-мигрантов. Центральная Азия и Россия. Алматы, 2009.

Полетаев 2005 – Полетаев Д. Женщины – мигранты из зарубежных стран в России // Вестник Евразии. 2005. № 1.

Региональное измерение 2008 – Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / науч. ред. С.В. Голунов. М., 2008.

Ривз 2009 – Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). <http://www.nlobooks.ru/rus/nzonline/619/1456/1478/>

Трудовая миграция 2008 – Трудовая миграция в Республике Узбекистан: социальные, правовые и гендерные аспекты. Сб. ст. / отв. ред. Е.В. Абдуллаев. Ташкент, 2008.

Тюрюканова 2005 – Тюрюканова Е.В. Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию // Диаспоры. 2005. № 1. С. 48–64.

Тюрюканова, Малышева 2001 – Тюрюканова Е.В., Малышева М.М. Женщины. Миграция. Государство. М., 2001.

Agadjanian, Zotova 2012 – Agadjanian V., Zotova N. Sampling and surveying hard-to-reach populations for demographic research: A study of fe-

male labor migrants in Moscow, Russia // Demographic Research. Vol. 26. February 2012. P. 131–150.

Castles, Miller 1998 – *Castles S., Miller J.* The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World. L., 1998.

Dynamiques migratoires 2010 – *Dynamiques migratoires et changements societaux en Asie centrale* / Ed. M. Laruelle. P., 2010.

Families of Migrants 2007 – *Families of Migrants in Tajikistan*. International Labour Organization – Sharq. Dushanbe, 2007.

Hage 2005 – *Hage G.* A not so multi-sited ethnography of a not so imagined community // *Anthropological Theory*. December 2005. Vol. 5. № 4.

Olimova, Olimov 2007 – *Olimova S., Olimov M.* Labor Migration from Mountainous Areas in the Central Asian Region: Good or Evil? // *Mountain Research and Development*. 2007. Vol. 27. № 2. P. 104–108.

Vertovec 2007 – *Vertovec S.* Introduction: New directions in the anthropology of migration and multiculturalism // *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 30. № 6. November 2007. P. 961–978.

Анастасия Петляр
Институт искусствоведения,
этнографии и фольклора им. К. Крапивы
Национальной академии наук Беларуси, г.Минск

Трудовые миграции жителей Республики Беларусь

Рассмотрение истории отходничества представляет интерес не только с точки зрения полноты исторического знания, постижения богатого опыта прошлого, но и для изучения современных миграционных процессов, поскольку они играют значительную роль в социально-экономическом развитии современного общества.

История отходничества

Отходничество – временный отход крестьян из своего хозяйства на заработки в города, на промышленные предприятия и в сельскохозяйственные районы своей страны или за границей.

Отходными промыслами занимались преимущественно те белорусские крестьяне, которые не имели своего хозяйства или не могли найти работу по месту жительства. Значимость отходничества велика, так как оно способствовало развитию экономики городов, промышленности и сельского хозяйства, частных хозяйств. Городскую жизнь сложно представить без рабочих-отходников. Со временем отдельные виды отходных промыслов развивались, другие утрачивали свое значение или исчезали. В связи со строительством железных дорог постепенно утратила значимость работа на извозе и речных судах. Масштабы работ на лесозаготовках и лесосплаве постепенно увеличивались, возрастал масштаб отходничества на промышленные предприятия.

В Беларуси отходные промыслы получили распространение еще до отмены крепостного права. В первой половине XIX в. с усилением распада феодально-крепостной системы и новым уровнем развития товарно-денежных отношений отходничество развивалось усиленными темпами. Крестьяне направлялись на землекопные работы, строительство шоссейных и железнодорожных дорог, каналов и т. д. С развитием кораблестроения в Российской империи рос спрос на строительный лес; в силу этого в Беларуси приобрели значение работы по сплаву леса. С отменой крепостного права в 1861 г. продолжался дальнейший рост отходных промыслов. В 60–70-е годы XIX в. вырос спрос на лес как в самой стране, так и за ее пределами. Главным видом занятости в

области лесозаготовок был сплав плотов, обслуживание речных судов, перевозка лесных материалов.

В 80–90-е годы XIX в. число отходников в Беларуси увеличилось, они направлялись во все регионы России, большинство направлялось в Северо-Западный, Юго-Западный, Прибалтийский районы. Несмотря на быстрое развитие отходных промыслов, Беларусь уступала многим другим регионам Российской империи по объему людских потоков. В течение 40 лет после реформ 1886 г. на 5 белорусских губерний приходилось около 5% отходников всей Европейской России, а среди сельского населения эта доля составляла 7,5%. В 1866 г. выходцы из крестьян составляли всего 3,4% городского населения Беларуси (0,5% всего крестьянского сословия) (Панютин 1969: 70, 84).

При изучении паспортной статистики можно выявить, что земледельческие отходные промыслы были развиты достаточно слабо. В 60–70-е годы XIX в. отходничество на земледельческие работы в Беларуси было меньше развито, чем занятость в неzemледельческой сфере. Земледельческие отходные промыслы более всего были распространены в Минской и Могилевской губерниях, в 1864–1900 гг. на которые приходилось около половины отходников (по данным полученных паспортов). Это связано с тем, что сельскохозяйственный рынок найма находился недалеко от данных регионов, в южных и юго-западных губерниях. Число людей, уезжающих на заработки на земледельческие работы, превышало количество других отходников только в весенний период, когда они направлялись на полевые работы на юг России. В остальное время большинство отходников составляли люди, занятые в других сферах.

К началу XX в. масштабы отходничества в Беларуси увеличились. Большую роль в развитии данного феномена играл экстенсивный характер земледелия, малоземелье, бедность крестьянства. Недостаток наделной земли, отсутствие средств для ее покупки, невозможность прокормиться с личного хозяйства заставляли идти на заработки. Увеличение число отходников было связано со слабым развитием местных промыслов и ремесла. Необходимые в хозяйстве изделия крестьяне покупали на рынке, для чего были нужны денежные средства. Ремесло среди белорусских крестьян не получило значительного развития из-за большой конкуренции со стороны городских ремесленников, которых в городах было значительное количество в силу существования черты оседлости в городах. Не занятое в сельском хозяйстве на-

селение могло найти работу в городах. Увеличение числа отходников было обусловлено ростом городов, развитием внутреннего рынка и расширением торговли, строительством дорог как в Беларуси, так и в других регионах России. Большого количества рабочих рук требовало строительство, ремонт шоссейных и железных дорог. К 1915 г. в России была построена сеть железных дорог протяженностью 75,2 тыс. км, в том числе в Беларуси – в 3888 км (Минц 1925: 194).

Отход части сельскохозяйственных рабочих на заработки продолжался и в начале XX в., о чем свидетельствует число выданных паспортов. Сокращалось применение ручной работы в сельском хозяйстве в некоторых районах России. Также о сокращении сельскохозяйственных промыслов может свидетельствовать рост промышленности и других отраслей, не связанных с земледелием.

Срок работы по найму белорусских отходников был разным. Как правило, они стремились прийти в южные губернии не позже, середины мая. В особенности много отходников торопилось попасть на самую крупную ярмарку в городке Каховка Таврической губернии, которая ежегодно открывалась 9 мая. В случае неудачи в поиске работы в Каховке крестьяне отсюда хотели успеть на другие ярмарки, меньшие по размеру.

В последние годы перед Первой мировой войной значительное число отходников пяти белорусских губерний, большей частью Виленской, Гродненской и Минской, помимо Америки, уезжало на заработки в Германию, главным образом в Пруссию. Большинство из них нанималось на сельскохозяйственные работы.

С созданием в 1924 году Белорусской ССР часть миграционных потоков стала локализоваться в пределах республики. В середине XX в. в БССР отходнические промыслы не исчезли полностью, а существовали в виде сезонных работ: ремонт железнодорожных линий, подъездных путей и веток; разработка песчаных карьеров; работы по добыче и производству строительных материалов; лесозаготовительные и сплавные работы.

Основными центрами притяжения населения стали крупные города Беларуси, прежде всего Минск. Однако переселение белорусов в города не решило проблему аграрного перенаселения и безработицы. По сведениям Наркомата земледелия БССР в 1926 г. в сельской местности проживало около миллиона человек, не занятых в сельскохозяйственном производстве. Для решения этой проблемы было предложено переселить часть населения Беларуси в восточные районы СССР (Си-

бирь, Дальний Восток, за Урал). В 1926–1927 гг. Беларусию покинуло примерно 20 тысяч белорусов, 9–11% которых со временем вернулись назад. Широкое распространение в этот период имело отходничество. Население Беларуси отправлялось на лесозаготовки, вывоз леса, сплав его по рекам Припяти и Днепру. Имел место и выезд белорусов на работу в города Гомель, Киев, Днепропетровск, на шахты Донбасса и т.д.

В период с 1926 по 1939 г. население Беларуси значительно уменьшилось. Коллективизация, репрессии и выселения крестьян в Сибирь, за Урал и другие регионы СССР привели к росту детской беспризорности, голоду 1933 г., ухудшению демографической ситуации в целом. Население Беларуси достигало 5 млн человек, за отмеченный период было репрессировано около 500 тыс. человек (Гісторыя 2006: 349). В это время наблюдался выезд за границу крестьян-единоличников, которые спасались бегством от раскулачивания и коллективизации. Возросла и интенсивность миграций белорусов в районы «великих советских строек». Миграционные потери в данный период составили около 617 тысяч человек. Более интенсивными стали и внутренние миграции, которые носили как добровольный, так и принудительный характер. В 1936 г. для укрепления государственной границы власти стали применять переселения «неблагонадежных элементов» из 500-метровой пограничной полосы в тыловые районы БССР. С началом проведения политики индустриализации значительно активизировалась миграция белорусов в города.

Современные миграции

На современном этапе актуальность проблемы миграции для Беларуси определяется ее местоположением и особенностями развития экономических процессов в стране. В Беларуси лидером по приему мигрантов является Брестская область, куда из приграничных районов Украины приезжает около 60–65% от прибывающих и оседающих в приграничных районах. Такая направленность потока обусловлена разными темпами реформирования экономики Беларуси и Украины, безвизовым режимом въезда в Беларусь и, конечно, соседством стран. Остальная часть въезжающих распределяется следующим образом: около 15% приходится на наиболее промышленно развитые регионы – г. Минск и Минскую область, заметная часть оседает на пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы территориях, испытывающих острую нехватку кадров. Из стран СНГ, кроме Украины, в Беларусь

приезжают на работу граждане Армении (13%) и Российской Федерации (3,8%). Из других стран традиционно приезжают с торговыми целями граждане Китая и Вьетнама (около 1%) (Миграция населения 2003: 52).

Постепенно увеличиваются потоки мигрантов из Беларуси на заработки в другие страны. Самый массовый поток мигрантов из Беларуси идет в Россию (в среднем за год 1,3–1,5 тыс. человек); также выезжают в другие страны СНГ, Молдову, Польшу, Узбекистан. География потоков рабочей силы из Беларуси в Россию носит ярко избирательный характер: они направлены, главным образом, в Центральный район и Западную Сибирь. Среди въезжающих в Россию трудовых мигрантов преобладают рабочие массовых профессий (около 90%); из них около половины заняты на сельскохозяйственных работах и в строительстве. Трудовая миграция, связанная с умственным трудом, представлена слабо – около 6–10% (Миграционная ситуация 1999: 94). Среди квалифицированных мигрантов выделяются преподаватели и воспитатели. Образовательный уровень выезжающих в Россию работников довольно высок: большинство имеет среднее и среднее специальное образование, многие – высшее.

Подавляющее большинство мигрантов выезжает на работы, связанные с физической деятельностью: это строительные и сельскохозяйственные работы (посадка и уборка урожая, разнорабочие на ферме и т.д.), временные работы по благоустройству территорий, на предприятия с вредными и тяжелыми условиями труда в промышленном производстве, а также в сферу обслуживания (работа в гостиницах уборщиками, посудомойками, прачками и т.д., а также домработницами). Большинство иммигрантов, несмотря на наличие образования (среднее базовое, среднее специальное, а иногда и высшее), заняты преимущественно ручным, наименее привлекательным, тяжелым и плохо оплачиваемым трудом. Такие рабочие места, как правило, не пользуются спросом у местного населения. Отличительной особенностью мигрантов, выбирающих другие страны, является знание иностранного языка.

Преимущество России как страны притяжения для белорусских мигрантов заключается в сходстве культуры, языка, безвизовом въезде. Значимый по размеру поток мигрантов направляется также в США. США привлекают более высокими заработками, упрощенной системой поиска труда, а также перспективой для будущей жизни. Главной це-

лью миграционной политики двух стран является содействие устойчивому росту экономики и сбалансированному социальному развитию страны через приток высококвалифицированных специалистов и инвесторов, которые готовы к вложениям в эти страны. Миграционная политика тесно связана с соблюдением интересов национальной безопасности и профилактикой международного терроризма.

Повышение эффективности временной миграции в Россию связывается с необходимостью упрощения процедур привлечения и использования иностранной рабочей силы, отказа от системы квот на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в целях осуществления трудовой деятельности, внедрения специальных программ по привлечению высококвалифицированных специалистов, совершенствования системы использования иностранной рабочей силы на основе двухсторонних межгосударственных соглашений, разработки мер социальной защиты временных мигрантов и членов их семей.

Библиография

Панютіч 1969 – *Панютіч В.П.* Из истории формирования пролетариата Белоруссии, 1861–1914 гг. Минск, 1969.

Мінц 1925 – *Мінц Л.Е.* Отход крестьянского населения на заработки в СССР / под ред. С.Г. Струмилина. М., 1925.

Гісторыя 2006 – *Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкалегія: М. Касцюк (галоўны рэдактар) і інш. Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч і інш.; рэдактар тома: М. Касцюк.* Минск, 2006.

Миграция населения 2003 – *Миграция населения Республики Беларусь // Республика Беларусь в цифрах.* Минск, 2003.

Миграционная ситуация 1999 – *Миграционная ситуация в странах СНГ.* М., 1999.

Этнокультурная адаптация тюркских этнических групп Беларуси на современном этапе

Исследование проблемы становления и развития этнических групп на территории Беларуси и их культурной адаптации является одной из важнейших задач белорусской этнологии. За последние десятилетия в этнологической науке появилось немало работ, посвященных анализу данной проблемы. Особого внимания заслуживают труды И. Конопацкого, изучавшего традиционную культуру татар и культовые сооружения мусульман. В 2000 г. в соавторстве с А. Смоликом была издана книга «Гісторыя і культура беларускіх татар» (Канапацкі, Смолік 2000), которая является продолжением работы И. Конопацкого и С. Думина «Беларускія татары: мінулае і сучаснасць» (Думін, Канапацкі 1993). Детальным изучением памятников татаро-мусульманской письменности на белорусском языке – Китабов занимались В. Нестерович (2003), П. Сутер (2009), М. Тарелко и И. Сынькова (2009). Наиболее целостное представление об изложении мусульманского культа в Узбекистане и в белорусской диаспоре дается в монографии М. Мамаразакова в монографии (1994).

Методологической основой для настоящего исследования послужили работы в области этносоциологии и этнопсихологии (Этнопсихологический словарь 1999; Лебедева 1993; Крысько 2002); в качестве источников были использованы данные официальной статистики и материалы полевых исследований автора (ПМА 2010–2011). Приведем краткую характеристику понятий, используемых в статье. *Этнокультурная адаптация* – психологическое и социальное привыкание, приспособление людей к новой культуре, чужим национальным традициям и ценностям, образу жизни и поведению, в ходе которых согласовываются нормы – требования и ожидания участников межэтнического взаимодействия (Этнопсихологический словарь 1999: 6). *Этническая толерантность* – одна из важнейших характеристик межэтнических отношений. Под толерантностью в межэтнических отношениях или этнической толерантностью в этнопсихологии понимается «отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной» (Лебедева 1993: 46–47).

Межэтнические отношения в Республике Беларусь характеризуются высокой стабильностью и отсутствием межнациональных конфликтов, что объясняется, прежде всего, многовековыми традициями совместного проживания представителей разных национальностей (русские, поляки, татары, евреи), высоким уровнем этнической и религиозной толерантности. Начиная с 1970-х годов темпы ежегодного прироста численности населения Беларуси неуклонно снижаются, что обусловило выработку соответствующей законодательной базы. Существенным резервом восполнения потерь человеческих ресурсов является миграция. Основной миграционный обмен происходит с Россией, Украиной и Казахстаном, на долю которых приходится около 90% прибывающих в Республику Беларусь (Об утверждении национальной программы 2011). В 2008 г. было подписано «Соглашение между министерством внутренних дел РБ и федеральной миграционной службой РФ о сотрудничестве в области миграции», согласно которому граждане России могут получить разрешение на постоянное место жительства в РБ без обязательного наличия близких родственников на ее территории, либо по условию рождения (Соглашение 2010). Первичный вид на жительство дается сроком на два года, далее продлевается от года до пяти лет. Также гражданам России по условиям соглашения дается право на пребывание на территории РБ в течение месяца без регистрации (Шилкина 2010). Национальной программой демографической безопасности Беларуси на 2011–2015 гг. предусматривается увеличение сальдо внешней миграции до 60 тысяч человек (Об утверждении национальной программы 2011).

Согласно данным переписи населения в Республике Беларусь 2009 г., представители тюркских народов – татар, башкир, азербайджанцев, чувашей, которые будут рассмотрены в данной статье, входят в число наиболее крупных и распространенных (татары – 7316, азербайджанцы – 5567, туркмены – 2685, узбеки – 1593, чувашаи – 1277, башкиры – 607 человек) (Национальный состав 2009). Для сравнительного анализа были взяты различные по количественному составу группы, что позволит расширить представления об особенностях культурной адаптации тюркских этнических групп в Беларуси.

Начнем рассмотрение с современного положения тюркской татарской этнической группы на территории Беларуси. Стоит отметить, что к группе «белорусских» татар времен Витовта за период 1980–1990 гг. присоединилось большое количество выходцев из Поволжья, Урала,

Сибири и других регионов бывшего СССР с татарским населением. Согласно переписи населения 2009 г. в Беларуси проживает 7316 татар, тогда как в 1999 г. их насчитывалось 10 089 человек. Динамика в сторону уменьшения среди татарского населения объясняется следующими причинами. Во-первых, уменьшение численности вследствие естественной убыли, смертности старшего поколения «белорусских» татар: *«Нас в Видзах раньше много было, даже улица вот эта во “татарская” называлась, а теперь уже поумирали, скоко тут осталось, может 20 человек...»* (г.п. Видзы, Витебская обл., М.А. Гембицкая, 1931 г.р.; ПМА 2010–2011). Во-вторых, в среде молодого поколения «белорусских» татар наблюдается процесс трансформации этнической идентичности в пользу идентификации себя как белорусов. Вместе с тем естественный прирост за счет рождаемости и миграции татар из стран постсоветского пространства не поддерживает численность татарского населения на достаточно высоком уровне, так как значительную часть татар составляют «белорусские» татары.

Среди «белорусских» татар наблюдается стремление к сохранению связей с духовными центрами мусульманства и общиной того региона, где они родились, что подтверждается данными, полученными в ходе этнографических экспедиций (Гродненская обл. 2010 г.): *«Одна моя дочь с зятем и внучкой живут в Минске, вторая здесь. Обе они замужем за татарами. Приезжают на праздники, на Курбан-байрам всегда вместе собираемся. Когда сюда приезжают, ходим в мечеть обязательно»* (ПМА 2010–2011, г. Ивье, Гродненская обл., А.М. Якубовская).

Отдельные аспекты современной жизни татар Новогрудчины – одного из духовных центров татар-мусульман в Беларуси отражает экспертный опрос имама мусульманской общины г. Новогрудок Якуба Иосифовича Александровича: *«В нашей общине только татары, башкир нет. По населению, в Новогрудке приблизительно 100 татарских семей проживает. Священным днем у мусульман считается пятница, но не все могут прийти на молитву, так как это рабочий день, однако на праздники собираются почти все, берут отгулы. Основных праздника у нас два: Ураза-байрам и Курбан-байрам. Во время поста (Ураза) мечеть открыта ежедневно, после вечерней молитвы – “Магриб-намаз” – разрешается есть, ужинают коллективно. Ислам ведь не просто религия “пришли, поклонились и ушли”, если человек мусульманин, он должен по этим законам жить. В Коране написано, что тот, кто сеет распри, будет наказан после смерти,*

поэтому отношения в общине теплые, дружеские, каждый хорошо задумается, прежде чем с кем-то ссориться. Сама религия нас связывает: из Лиды и Баранович на пятничную службу приезжают таджики, азербайджанцы» (ПМА 2010–2011). К имаму часто обращаются с просьбой похоронить человека по мусульманским обычаям: «Мы никогда не отказываемся, если кто-то просит, всегда стараемся идти навстречу. Бывают случаи, когда человек прожил жизнь, не верил ни в Бога, ни в черта, а в конце жизни вспомнил, что он мусульманин, в таких случаях могут быть вопросы, но по большей части мы стараемся провести обряд по традициям ислама. Умершего обмывают и заворачивают в два белых куска ткани без швов, такая же одежда у паломников во время Хаджа, потому что человек приходит от Бога ни в чем, и уходить должен таким же как пришел» (ПМА 2010–2011). Традиционным местом захоронения по сей день считается мизар в Ловчицах, здесь же находится могила мусульманского святого Кастуся Контуся: «...по легенде, Кастусь Контусь служил пастушком у богатого татарина. Однажды хозяин решил отправиться в Хадж, и прибыв в Мекку, сильно потратился, ему не на что было вернуться на Родину. Неожиданно в толпе он увидел своего пастушка, подошел к нему и рассказал о своей беде, тот пообещал перенести хозяина домой при условии, что хозяин никому не расскажет, как они добрались. В считанные секунды они перенеслись в Ловчицы, но помещик своего слова не сдержал, и пастушок умер в муках. Вот такая есть легенда, не знаю, правда или нет, но на могиле Контуся всегда очень аккуратно лежат камешки, мы же памятники первоначально не ставили, просто камешками обкладывали могилу, и трава на ней почти не растет. В исламе запрещено поклонение, мы просто с уважением относимся к нашим святым и умершим. В летнее время проводятся съезды татар на мизары, кладбище приводят в порядок, читают “дуа”, в Ловчицы паломники приезжают как правило 12–13 июня» (ПМА 2010–2011).

На протяжении многих лет в среде белорусских татар существовал запрет на смешанные браки. Такая изолированность группы способствовала сохранению этнической идентичности, традиций и обычаев: «Родилась я почти в Литве, вёсачка такая Римшаны, а замуж вышла в Опсу, за Опсовского татарина значит, раньше были там, а теперь поумирали уже. У меня все татары были, и мама и папа. Брат ишо был, так на русской женился, а она уже после смерти взяла его да в

кощёл свезла, тамака его ксендз отпевал, перехрестила она его после смерти, значит, во такое во зрабила. Родители-то не хотели чтоб на русской женился, но и не запрещали так чтобы очень» (ПМА 2010–2011, г.п. Видзы, Витебская обл., М.А. Гембицкая 1931 г.р.). На сегодняшний день число смешанных браков увеличивается, вместе с тем, для того чтобы имам мог провести обряд бракосочетания по шариату, оба молодых должны быть мусульманами. Перед обрядом молодые проходят обучение основам мусульманства: *«До середины прошлого века браки были только среди своих, однако социалистический строй разрушил религию, и теперь уже женятся “на кого сердце ляжет”.* Обряд “*никкях*” невозможно провести, если один из молодых не мусульманин, нужно сперва принять мусульманство» (ПМА 2010–2011, г. Новогрудок Гродненской обл., имам Я.И. Александрович); *«замуж хочу чтобы дочери вышли за того, на кого сердце ляжет, я им в этом не буду препятствовать»* (ПМА 2010–2011, татарка, 45 лет, г. Гродно).

Стоит отметить, что татары, прибывшие в Беларусь в 1980–1990 гг., владеют родным языком, в отличие от «белорусских» татар, утративших язык. Трудности составляет также чтение религиозных текстов. Респонденты из старшего поколения «белорусских» татар отмечают, что молитвенные тексты заучивали на память с детства, повторяли за родителями, а Коран по-арабски может читать только имам и мулла. Однако в последние годы в их среде возрастает интерес к религиозному образованию детей, открываются мусульманские воскресные школы: *«Из России татарин приехал, Ибрагим Бихмулин, служил тут молодой еще, а сейчас ему уже лет 50–60, по-арабски может читать Коран, а я так не знаю арабского.»* (ПМА 2010–2011, г.п. Видзы, Витебская обл., М.А. Гембицкая 1931 г.р.); *«Внук мой в арабскую школу пошел, сейчас уже Коран на арабском языке может читать. Мы нет, не можем, а дети стараются»* (ПМА 2010–2011, г. Ивье, Гродненская обл., А.М. Якубовская).

Стоит отметить, что кухня белорусских татар, которая за долгие годы подверглась существенной трансформации, сохраняет самобытность и привязанность к особенностям мусульманской традиции приема пищи. На праздники пекут пироги, которые называются «перекаченики», вручную лепят пельмени – «кулдуны», от обычных они отличаются большими размерами. Суп не такой, как у белорусов, он более густой, блюда в основном острые, очень сладкие десерты. Значительная часть информантов отмечала, что употреблять в пищу

свинину – «хорам», т.е. грех, не пьют алкогольных напитков; молодое поколение уже не так строго придерживается этих правил: *«Молодежь уезжает учиться в университеты, живут в общежитии, там уже едят что придется, такая жизнь»* (ПМА 2010–2011, г. Ивье, сотрудница музея, 22 года).

Вместе с тем татары с удовольствием готовят блюда белорусской кухни, охотно перенимая белорусские кулинарные традиции: *«Нет такой семьи, где не готовили бы драники, конечно, каждая культура обогащается за счет другой»* (ПМА 2010–2011, татарка, 45 лет, г. Минск).

Таким образом, в быту татары стараются сохранять традиции предков, что прослеживается в некоторых элементах жилища, обычаях, пище. Однако во время полевых этнографических экспедиций автором были зафиксированы интересные культурные заимствования. Так, в г. Ивье Гродненской области у некоторых белорусских татар в «красном» углу вместо иконы висит «мугирь»¹, украшенный вышитыми рушниками (белорусская традиция). Респонденты отмечают, что идентификация себя как татар-мусульман не мешает им в повседневной жизни, а культурные особенности вызывают интерес среди коренного населения: *«К нам на Курбан-байрам приезжают не только татары со всей Беларуси, туристы тоже бывают. Раньше еще больше были гуляния, весь город гулял: ели, пили...»* (ПМА 2010–2011, белоруска, 60 лет, г. Ивье).

В состав многоэтнического населения Республики Беларусь входит также немногочисленная тюркская этническая группа – караимы. В Великом княжестве Литовском караимы появились в 1397–1398 гг., когда князь литовский Витовт Великий после похода в Крым привел оттуда несколько сотен караимских и татарских семей. Пленные караимы были поселены в Троках (Тракай, возле Вильнюса), в Луцке, Галиче и возле Львова.

На сегодняшний день в Беларуси встречаются лишь отдельные представители этого народа. Судя по всему, это мигранты из соседней Литвы, которые приехали в Беларусь в конце XX в. По данным переписи 1989 г. зарегистрировано 16 караимов (Блусянюкова, 2009), в 1999 г. – 5 (Блусянюкова 2009), в 2009 г. – 4 караима (Национальный состав 2009). Интерес представляет караимский язык, который относится к кыпчакской группе тюркских языков. По фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям он близок к одному из древнейших тюркских

¹ Мугири – татарские иконографические надписи – стихи из Корана.

языков – половецкому, а из современных – к кумыкскому, карачаево-балкарскому, крымско-татарскому и другим языкам кыпчакской группы.

За пределами Беларуси в настоящее время караимы проживают в основном в городах Крыма (Симферополе, Евпатории, Бахчисарае, Севастополе, Феодосии, Ялте); в других городах Украины (Киеве, Галиче, Луцке, Харькове, Днепропетровске, Николаеве, Одессе, Мелитополе); в городах России (Санкт-Петербурге, Москве, Краснодаре, Новороссийске, Уфе); в некоторых республиках СНГ, а также в Литве, Польше, Франции, Турции, Египте, Австралии, Израиле и др. (*Горский* 1959). Среди публикаций, посвященных караимам особого внимания заслуживают пять томов Караимской Народной Энциклопедии (1995–2000), изданные в Москве и Париже, главными редакторами которых были академик Российской академии естественных наук М. Сарач (Париж) и президент Культурно-просветительского общества караимов М. Казас (Москва) (Крымские караимы). Караимы, история и корни которых уходят в глубину тысячелетий, как этнос исчезают и нуждаются в спасении и сохранении.

Четвертое место среди представителей тюркских этнических групп, зарегистрированных на территории Республики Беларусь, занимают чуваши – 1277 человек (2009 г.) (Национальный состав, 2009). Чуваш, чăваш, чăвашем мн. ч. (самоназвание) – титульная нация Чувашской Республики Российской Федерации. Чувашский язык по своей фонетической структуре занимает особое место среди тюркских, являясь единственным уцелевшим языком болгарской ветви. Выделяют верховой («окающий») и низовой («укающий») диалекты, на основе последнего сформировался литературный язык. Наиболее ранним был тюркский рунический алфавит, замененный в X–XV вв. арабским, а в 1769–1871 гг. – кириллицей, к которой затем добавили специальные знаки (Национальный состав 1999).

На постоянное место жительства в Беларусь чуваши начали приезжать после Октябрьской революции 1917 г. До начала Великой Отечественной войны это были единичные случаи; основная часть чувашей переехала в Беларусь после войны. Главным образом это были специалисты, получившие направление на работу после окончания вузов, офицеры Советской Армии и солдаты, оставшиеся после службы жить в Беларуси. На сегодняшний день в республике официально зарегистрировано три национально-культурных объединения чувашей: Община белорусских чувашей «Атал» («Волга»); Общественное объединение

чувашей «Шупашкар» (Белый город); Гродненское городское общественное объединение чувашей «Атал». На настоящий момент в объединении около 100 человек, год основания объединения – 2000. Председатель – Михаил Яковлевич Андреев (жил в Тольятти, в 1984 г. был командирован в Беларусь, где и остался) подчеркивает, что у белорусской и чувашской культур много общего, что существенно облегчает процесс адаптации: *«Наши праздники с белорусскими сильно перекликаются: вот Рождество – это Солнцеворот наш, Пасха (Великдень) у белорусов, наш Манкун² (Мой день), тут пересечение христианских и языческих традиций. Радуница³ у нас есть, Деды⁴ тоже, в этот день (на Деды) мы ставим памятники. Между прочим, у русских этого нет, а у белорусов и у нас есть, только мы по-другому отмечаем. Ставим в этот день памятники со сферическим верхом, они символизируют купол неба. Асла-Тури – это верховный Бог, небесный Бог. Олицетворяем их с небесным Богом, почитаем его так»* (ПМА 2010–2011). Таким образом, для чувашей, как и для белорусов, характерно сохранение элементов древних языческих культов, однако стоит отметить, что 99% населения Чувашии – христиане. Данное обстоятельство создает благоприятные условия для смешанных белорусско-чувашских браков. По мнению Михаила Яковлевича, праздники – не единственная черта сходства традиций двух народов: *«Орнамент у нас похож, мы вышиваем руны, используем бело-красный цвет. Красно-белый цвет – это сакральный цвет для нас, я не могу это объяснить, те люди, которые знали, их уже нет, история унесла их»* (ПМА 2010–2011).

По словам респондентов, чувашская кухня напоминает кухню татар, но не лишена особенностей. Так, летом чувашаи употребляют больше растительной и молочной пищи: кислое молоко, суп, клёцки, лесные травы – «улдурган»: «здесь это растение тоже есть, но не того вкуса» (ПМА 2010–2011, чуваш, 52 года, г. Гродно). Мясные блюда чувашаи употребляют чаще при выполнении тяжелых работ, например, в сено-

² Мånкун – весенний многодневный праздник жертвоприношений солнцу, богу и умершим предкам (который впоследствии совпал с христианской Пасхой).

³ Радуница – день поминовения усопших и посещения кладбищ, совершается на десятый день по Пасхе.

⁴ Деды – в белорусской традиции – осенний день поминовения усопших, 2 ноября.

кос. Режут барана и варят «шурпи» – традиционный суп, который готовится из субпродуктов (ПМА 2010–2011).

Большинство чувашей, проживающих в Беларуси говорят, на русском языке как на работе, так и дома: *«... в семье говорю на русском, жена-то русская. Читаю много книг на чувашском языке о национальной культуре, интересуюсь музыкальной культурой, я так отдыхаю. Дети есть, но чувашского не знают, мы люди такие, мы не навязываем, надо от души, чтобы человек душой к этому пришел...»* (чуваш, 53 года, г. Гродно); однако среди работников сферы культуры и образования распространено изучение белорусского языка, свободное владение им: *«Я живу в Беларуси и обязана знать язык, работая директором дома культуры, мне пришлось его выучить, чем я на данный момент горжусь»* (ПМА 2010–2011, Гурская Ирина Аркадьевна, чувашка, г.п. Ганцевичи, Брестская обл.).

Еще одной тюркской этнической группой, проживающей на территории Беларуси, являются азербайджанцы. Так же как и чувашаи, азербайджанцы наиболее активно начали мигрировать на территорию Беларуси в советский и постсоветский период. Как отмечают респонденты, в ряду причин, способствующих принятию решения о переезде на постоянное место жительства в Беларусь, были: стабильность и безопасность проживания в стране, возможность ведения бизнеса, толерантное отношение местного населения. По словам домохозяйки-азербайджанки, жительницы г. Гродно, в семье говорят только на азербайджанском языке, детей обучают готовить блюда национальной кухни. Подчеркивает теплоту взаимоотношений с азербайджанцами Баку, которые поддерживают своих родственников из Беларуси. Для решения текущих вопросов, а также для того, чтобы отметить национальные праздники, дни рождения, «крестины» (обрезание), азербайджанцы г. Гродно собираются в ресторане национальной азербайджанской кухни «Шарур», директор которого является неформальным лидером общины (ПМА 2010–2011). В г. Орша Витебской области зарегистрировано национально-культурное объединение «Международный конгресс азербайджанских общин», в которое вошла также расформированная азербайджанская община «Достлуг» (председатель Сабир Ахмедов) г. Витебска. «Международный конгресс азербайджанских общин» оказывает спонсорскую поддержку Детскому дому № 1 г. Орша. Каждый мусульманин, согласно предписаниям Корана, в течение жизни должен работать над собой. Одна из форм духовного очищения у мусульман – «закят» (предпи-

сываемый шариатом ежегодный налог на имущество и доходы). Верующий сам определяет его размер. Эти средства направляются на ремонт и обустройство мечети, или благотворительность. В 2010 г., при участии членов азербайджанской общины «Достлуг» и поддержке Витебского центра национальных культур был организован вечер памяти Гейдара Алиева, на котором присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в Республике Беларусь Али Теймур оглы Нагиев. По словам директора центра национальных культур г. Витебска, члены азербайджанской общины охотно участвуют во всех национально-культурных мероприятиях, всегда открыты к общению и очень доброжелательны (ПМА 2010–2011).

Несмотря на то, что в целом по республике всегда отмечалось преимущественно положительное отношение к мигрантам, нередко приходится сталкиваться с таким явлением, как «этнический (социальный) стереотип». Отношения народа с представителями других национальностей отражаются в его общественном сознании, а точнее в **этническом сознании**, являющемся одним из компонентов общественного сознания. Говоря об «этническом сознании», его можно определить как «сложную совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов и убеждений», свойственных представителям конкретного этноса (Крысько 2002). Важно упомянуть, что выделяются два вида этнических стереотипов – *автостереотипы* и *гетеростереотипы*. Под автостереотипом понимается представление о своем народе, которое, как правило, позитивно. Гетеростереотип – представление об этнопсихологическом облике другого народа, которое может быть как позитивным, нейтральным, так и негативным. Результаты проведенных эмпирических исследований показали, что в белорусском обществе по отношению к представителям тюркских этнических групп чаще фиксируется гетеростереотип с нейтральной или позитивной окраской: «*Люди с рынка, однако вреда от них нет, и отношение местного населения спокойное*» (белоруска, 35 лет, г. Пинск) (ПМА, 2010–2011); «*В 1997 году мы праздновали 600-летие “наших” татар, белорусских. Мы их любим, уважаем, осознаем их значимость для белорусской истории...*» (ПМА 2010–2011, А.И. Гринь, белорус, г. Новогрудок); «*За столько лет какие же они чужие, они давно уже свои. У нас татарка работает, мы ее чужой не считаем, столько лет бок о бок*» (ПМА 2010–2011, белоруска, 45 лет, г. Ивье). Часто некоторые элементы ино-

этнической культуры перенимаются представителями этнического большинства, что способствует обогащению одной культуры за счет другой: *«Белорусы хорошо к нам относятся, нет никакого дискомфорта, некоторые еще учатся моему языку, чувашскому, им интересно»* (ПМА 2010–2011, чуваш, 53 года, г. Гродно).

Стоит отметить, что большинство опрошенных мигрантов уважаемые люди, имеющие высокий статус в обществе: *«Понимаете, мы приезжие, и нам немного труднее быть принятыми и понятыми, поэтому стараемся хорошо работать, не нарушать традиций страны, в которой живем, дети отлично учатся, родители их к этому обязывают. Вот недавно мальчик из азербайджанской семьи поступил в мединститут, мы за него очень рады»* (ПМА 2010–2011, И.А. Гурская, чувашка, г.п. Ганцевичи, Брестская обл.). Такая поведенческая стратегия, несомненно, способствует формированию позитивного имиджа своей этнической группы среди коренного населения, а также указывает на подсознательное желание мигрантов «отблагодарить» принимающее общество за толерантность: *«Очень спокойно нам у вас, хорошо, люди к нам относятся дружелюбно, и вообще белорусы к нам толерантны, да и ко всем национальностям, которые живут здесь. Хорошо представлена возможность для жизни беженцам, и они чувствуют себя равноправными, наравне с белорусским народом»* (ПМА 2010–2011, Э.А. Левшевич, башкирка, г. Минск).

Таким образом, длительное пребывание тюркских этнических групп татар, чувашей, башкир, азербайджанцев в статусе этнического меньшинства способствовало смене этнического самосознания в пользу белорусского среди части этого населения. Это подтверждают данные эмпирических исследований. Среди факторов, направленных на формирование у белорусов толерантного сознания и веротерпимости, можно выделить комплекс республиканских мероприятий, деятельность религиозных и национально-культурных общин, особенности менталитета титульного этноса. Преобладание позитивных гетеростереотипов у белорусов в отношении представителей иноэтнических групп способствует интеграции мигрантов в белорусское сообщество и успешной культурной адаптации, сокращая риск возникновения межэтнических разногласий. Среди важнейших критериев оценки уровня культурной адаптации можно выделить степень сохранности родного языка и усвоения языка титульного этноса, его традиций и обычаев, религиозных обрядов, кухни. Выявление факторов, влияющих на трансформацию материальной и духовной культуры

мигрантов под действием новых внешних условий, содействует благоприятному развитию межкультурной коммуникации.

Библиография

Блусянкова 2009 – Блусянкова І.У. Праблема мовы і культуры караімаў як знікаючага этнаса // Фалькларыстычныя даследванні: Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: зб. арт. Вып. 6 / пад нав. рэд. В.В. Прыемка, Т.А. Марозавай. Мінск, 2009. С. 25–29.

Горский 1959 – Горский С.П. Очерки по истории чувашского литературного языка дооктябрьского периода. Чебоксары, 1959.

Думін, Канапацкі 1993 – Думін С.У., Канапацкі І.Б. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць. Мінск, 1993.

Канапацкі, Смолік 2000 – Канапацкі І.Б., Смолік А.І. Гісторыя і культура беларускіх татар: Вучэб. дапам. Мінск, 2000.

Крымские караимы – Материалы сайта “Крымские караимы” [Электронный ресурс]. <http://karai.crimea.ua/144-karaimskaja-narodnaja-jenciklope-dija.t.1.html> Последнее обращение: 28.06.2012.

Крысько 2002 – Крысько В.Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студентов высш. учебн., заведений. М., 2002.

Лебедева 1993 – Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

Мамаразаков 1994 – Мамаразаков М.С. Мусульманский культ: прошлое и настоящее (на материалах Узбекистана и Беларуси). Минск, 1994.

Национальный состав 2009 – Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков. Итоги переписи населения Республики Беларусь 2009 года [Электронный ресурс]. http://bel-stat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/main_new.php Последнее обращение: 28.06.2012.

Национальный состав 1999 – Национальный состав населения Республики Беларусь 1989–1999 гг. [Электронный ресурс]. http://www.belarus21.by/ru/main_menu/nat/nat_cult_ob/nations Последнее обращение: 28.06.2012.

Об утверждении национальной программы 2011 – Указ Президента Республики Беларусь № 357 от 11 августа 2011 г. «Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы» // Новости Беларуси. <http://newsby.org/by/2011/10/18/text21688.htm> Последнее обращение: 28.06.2012.

ПМА 2010–2011 – Полевые материалы автора по теме «Этнокультурная адаптация тюркских этнических групп Беларуси», собранные в 2010–2011 г. в Брестской, Гродненской, Витебской областях Республики Беларусь.

Соглашение 2010 – Соглашение между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Федеральной службой (Российская Федерация) о сотрудничестве в области миграции: Зарегистрирован в национальном реестре правовых актов от 19.12.20008 № 3/2178 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2010.

Шилкина 2010 – *Шилкина С.В.*, юр. группа «Вердикт Бай» (Материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 08.01.2001 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2010.

Этнопсихологический словарь 1999 – Этнопсихологический словарь / под ред. В.Г. Крысько. М., 1999.

Сергей Сакума
Институт искусствоведения,
этнографии и фольклора им. К. Крапивы
Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск

Идентичность вьетнамцев и корейцев в Беларуси

Актуальность статьи основывается на процессах, которые проходят как в мире, так и в Беларуси: неравномерный демографический рост населения отдельных государств привел к появлению стран – экспортеров и импортеров человеческих ресурсов. Один из самых высоких показателей роста и перенаселенности наблюдается в Восточной и Юго-Восточной Азии. В связи с этим из этого региона ожидается увеличение притока мигрантов в регионы с замедляющимся ростом населения, в частности в Европу. В Беларуси проходят демографические процессы, свойственные для региона в целом. Так, за период с 1996 г. по 2011 г., согласно данным Национального статистического комитета, численность населения снизилась на 696 тысяч человек, с 10 млн 177 тыс. до 9 млн 481 тыс. человек (Беларусь в цифрах 2011). За прошедшее десятилетие 2001–2010 гг. естественная убыль населения в среднем составила 41,57 тыс. человек в год. В миграционном движении населения преобладает внутренняя миграция. Характеризуя внутреннюю миграцию республики в целом, следует отметить, что по данным переписи 1999 г., основным ее направлением были переезды из села в город – 47,5%, из города в город – 29,2%, из одной сельской местности в другую – 14,2%, из города в село – 8,8%. (*Петракова* 2010). За период с 2005 г. по 2009 г. в Беларусь по линии внешней миграции прибыло 39 252 человека. Структуру внешней миграции в основном составляют прибывшие из стран СНГ – 32 132 человека, меньшую долю занимают мигранты из других стран – 7 096 человек. Следует отметить, что число внешних мигрантов за период 2005–2009 гг. имеет тенденцию к увеличению (Миграция населения 2009). Так, если в 2005 г. число внешних мигрантов из стран дальнего зарубежья равнялось 677 человек, то в 2009 г. – 1943 человека.

В связи с протекающими демографическими процессами была разработана Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг., в которой предполагается воз-

мещать естественную убыль трудоспособного населения путем приема до 15 тысяч мигрантов в год (Об утверждении национальной программы 2011). Поэтому необходимо разработать механизмы интеграции новых этнических групп в белорусское общество, в частности корейцев и вьетнамцев.

История появления корейцев и вьетнамцев в Беларуси

Корейцы стала прибывать в Беларусь в 1960–1970-е годы, после того как было снято ограничение на перемещение корейцев, проживавших в Средней Азии. Основными причинами приезда являлись прохождение военной службы, работа на белорусских предприятиях, поступление в высшее учебное заведение. При этом происходил своеобразный отбор: принять на работу человека издалека, обеспечить его жильем могли только при наличии высшего, чаще технического образования.

Корейцы, проживающие в Республике Беларусь, могут быть разделены на три категории: корейцы, которые прибыли из Средней Азии (Казахстан, Узбекистан); сахалинские корейцы; корейцы, которые приехали непосредственно из Кореи (после распада Советского Союза). Среднеазиатские корейцы (Корё-сарам) являются потомками корейцев, которые стали переселяться на Дальний Восток Российской империи со второй половины XIX в., а затем в 1937–1938 гг. были депортированы в Среднюю Азию. Сахалинские корейцы – потомки корейцев, вывезенных японцами для работ на Южном Сахалине в период с 1906 по 1945 гг. По причине меньшего по длительности периода адаптации для сахалинских корейцев Беларуси характерно лучшее владение корейским языком и сохранение корейских имен и фамилий. Третью категорию составляют корейцы, которые прибыли после распада СССР непосредственно из Республики Корея.

Появление первых вьетнамцев в Республике Беларусь связано с подписанием Соглашения между Советским Союзом и Социалистической Республикой Вьетнам о направлении и приеме вьетнамских граждан на профессиональное обучение и работу на предприятиях и в организациях СССР от 2 апреля 1981 г., по которому в рамках оказания помощи экономике Вьетнама предполагалось принять на профессиональное обучение и работу на предприятиях СССР около 100 тысяч вьетнамцев.

Начиная с 1985 г., коллективы рабочих из Вьетнама стали прибывать в такие белорусские населенные пункты, как Витебск, Орша, Могилев, Гомель, Бобруйск, Гродно, Брест, Минск, г.п. Чисть. Вьетнамцы приезжали работать в основном на предприятиях легкой промышленности: обувная фабрика «Неман», Брестский и Витебский ковровые комбинаты, Витебская обувная фабрика «Красный октябрь», Оршанский льнокомбинат, Минский камвольный комбинат, швейная фабрика в г. Новогрудок, швейная фабрика «Коминтерн» г. Гомеля. По нашим сведениям, вьетнамцы также работали на таких строительных предприятиях, как СУ-82 Стройтрест № 13 г. Бобруйска, Стекольный завод в г. Гомеле, МПМК-213 г.п. Чисть Минской области (ПМА 2010–2011).

Динамика численности корейцев и вьетнамцев в Беларуси

В настоящее время численность вьетнамцев составляет 588 человек. По сравнению с данным переписи 1989 г., когда вьетнамцев насчитывалось 54 человека, численность вьетнамцев в Республике Беларусь выросла в 10,8 раз (Национальный состав 2001: 90). Согласно данным статистического сборника «Миграция населения Республики Беларусь», с 2005 г. по 2008 г. происходил постоянный рост мигрантов из Вьетнама: в 2005 г. прибыло 9 человек, в 2006 г. – 20, в 2007 г. – 35, в 2008 г. – 110 (Перепись населения 2011а: 147). Доля вьетнамцев в общей численности населения Беларуси выросла с 0,0005 до 0,0061%. Следует отметить, что согласно данным главы вьетнамского землячества в Беларуси, численность вьетнамцев в Беларуси до начала 2011 г. могла достигать 1000 человек, что превосходит официальные данные переписи 2009 года, а также данные Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь. После финансового кризиса 2011 г. происходит отток части вьетнамцев (до 250 человек) в Россию с целью поиска работы (ПМА 2010–2011).

Согласно переписи 2009 г., корейцев в Республике Беларусь насчитывается 541 человек. В последнее десятилетие корейцы в Беларуси имеют отрицательную динамику роста численности: с 1999 по 2009 гг. их численность сократилась с 679 до 541 человека. Среди причин сокращения численности корейцев в Беларуси следует отметить следующие: естественная демографическая убыль населения, ассимиляционные процессы, реэмиграция. Доля корейцев в общей численности населения Беларуси в период с 1989 по 2009 г. немного снижалась – с 0,0062 до 0,0056%. Вместе с тем в предыдущее десятилетие наблю-

дался незначительный рост числа корейцев в Беларуси: с 638 человек в 1989 г. до 679 человек в 1999 г, что связано с процессами национального возрождения, проходившими после распада СССР в 1990-е годы, с активной работой Ассоциации белорусских корейцев по мобилизации этнических корейцев в Беларуси.

Для того, чтобы выработать механизмы адаптации новых этнических групп, важно изучить состояние самосознания у выходцев из Восточной и Юго-Восточной Азии на территории Республики Беларусь. Цель исследования – выявить процессы, происходящие с идентификацией у вьетнамцев и корейцев в Беларуси.

Для выполнения цели нами были поставлены задачи:

1. Проанализировать процесс изменения идентичности, исходя из анализа данных переписи за 1999, 2009 годы, данных департамента по гражданству и миграции, материалов полевых исследований;
2. Провести сравнительный анализ состояния идентичности у вьетнамцев и корейцев в Беларуси;
3. Выделить факторы, которые оказывают наибольшее влияние на выбор идентичности.

Для проведения работы использовались методы полевой этнографии: наблюдение и опрос методом глубинного интервью. Всего было опрошено несколько вьетнамских семей смешанного типа, а также 10 представителей корейцев второго поколения. Для выводов использовались данные республиканских переписей населения 1999 и 2009 годов – распределение по языку (Национальный состав 2001; Перепись населения 2011а; Перепись населения 2011б; Население Республики Беларусь 2000), а также такие маркеры, как выбор имени для детей, выбор жизненных перспектив¹.

Термин «самосознание» (self-identity) используется в этнологии как индивидуально-психологический и социально-психологический процесс осознания человеком или социальной группой своих свойств, качеств,

¹ Термин «жизненные перспективы» используется в психологии и социологии в значении «целостная картина будущего, включающая ряд возможных (планируемых и ожидаемых) событий, находящихся в многосторонней, порой неоднозначной взаимосвязи друг с другом» (см.: Собкин, Ваганова 2006; Демина, Ральникова 2000).

положения в системе общественных отношений, интересов, идеалов, ценностей (Садлхин, Грушевицкая 2000: 155), т.е. соотнесение себя с какой-либо группой и тем самым установление своего места в структуре общества. Человек осознает свои различия с большинством людей и сходство с определенной группой людей на основе некоторых общих признаков. Так, С.А. Токарев выделил следующие социальные маркеры, на основе которых субъективно определяется принадлежность к определенной группе: происхождение, язык, территория, государственная принадлежность, экономические связи, культурный уклад, религия (Токарев 1964: 53).

Язык как маркер идентификации

В Беларуси уже присутствуют представители второго и третьего поколений корейцев и вьетнамцев. Что касается корейцев, то я имею в виду второе и третье поколение после переселения на территорию Беларуси.

Переписи населения свидетельствуют о происходящих процессах, так как в них содержатся данные о самоидентификации, о родном языке, который является одним из маркеров идентификации. Согласно республиканской переписи 2009 г., из общего количества вьетнамцев родным языком считают вьетнамский 526 человек (или 89,4%), белорусский язык – 3 человека (0,5%), русский – 36 человек (6,1%). Из общего количества корейцев – 541 человек – своим родным посчитали корейский язык – 51 человек (или 9,4%), белорусский – 9 человек (1,6%), русский – 465 человек (85,9%). Таким образом, исходя из данных переписи, можно косвенно судить о процессе ассимиляции и аккультурации среди вьетнамцев и корейцев в Беларуси. Вьетнамцы в Беларуси в целом сохраняют идентичность как гражданскую, так и этническую. Отмечаются единичные случаи получения белорусского гражданства. Большинство вьетнамцев в Беларуси рассматривает вьетнамский язык в качестве родного. Это связано с относительно небольшим периодом адаптации в Беларуси (максимум около 20 лет). В языковой сфере происходит небольшой сдвиг в сторону восприятия русского или белорусского языков в качестве родного. В основном этот процесс затрагивает второе поколение вьетнамцев в Беларуси, которое обучается в белорусских школах, живет в смешанных семьях. Что касается корейцев, то процессы ассимиляции и аккультурации затронули их больше, чем вьетнамцев: большинство корейцев считает род-

ным языком русский – 85,9%, а также белорусский – 9 человек. Корейский язык в качестве родного назвали только 9,4% всех корейцев, что свидетельствует об утрате владения корейским языком в белорусском принимающем обществе, где превалирует употребление русского и белорусского языков. Согласно данным переписей за 2009 и 1999 гг., число корейцев в Беларуси снизилось с 679 до 541 человека.

Идентификация вьетнамцев в смешанных семьях

По данным отделения по гражданству и миграции г. Гродно, у вьетнамцев 32 смешанных семьи и 9 несмешанных, т.е. где оба родителя – вьетнамцы. Как правило, в несмешанных семьях родители дают детям вьетнамские имена, и здесь принадлежность к вьетнамцам не подвергается сомнению. Главным фактором самоидентификации является идентификация родителей и бытование в семье вьетнамского языка и образцов поведения. Следует отметить, что в некоторых вьетнамских семьях, чаще всего в несмешанных, детей отправляют на учебу во Вьетнам. Это говорит, с одной стороны, о сложностях с материальным обеспечением в Беларуси, а с другой стороны, с выбором жизненной стратегии – нежелание оставаться в дальнейшем в Беларуси (так как посещение белорусских учреждений образования влечет за собой частичную утрату знания родного языка и традиционного образа жизни). В г. Гродно таких детей двое. Еще двое прибыли к своим матерям после прохождения обучения за пределами Беларуси (ПМА 2010–2011).

В то же время адаптация вьетнамцев, которые вступили в брак с гражданами Республики Беларусь, проходит более успешно. Как правило, дети в смешанных семьях посещают белорусские школы, где они овладевают белорусским и русским языками и основами культуры местного общества. Так, в семье респондента из г. Гродно две дочери, обе почти не говорят по-вьетнамски. На вопрос об их будущей деятельности, профессии, респондент отвечал, что вопрос будет решаться исходя из их способностей. Ожидается, что второе поколение белорусских вьетнамцев будет занято в других профессиональных сферах, не связанных с торговлей на рынках, их самосознание будет размываться по мере отхода от языковой общности и профессиональных занятий вьетнамской общины.

В подтверждение этого тезиса – данные опроса другой вьетнамской семьи смешанного типа, проживающей в г. Гомеле. Респондент, пред-

ставляющий второе поколение, четко идентифицировал себя с белорусами. При этом в семье респондента в качестве языка общения используется русский язык, вьетнамский язык используется отцом-вьетнамцем только в беседе со своими соотечественниками. В пище превалирует местная кухня. Вьетнамские традиции сохраняются только во время крупных праздников, например, таких как Тет (вьетнамский новый год). Этот праздник отмечается по лунному календарю в конце января или начале февраля. В этот день стараются украсить дом цветами и ветками. Независимо от достатка семьи, следует приготовить множество угощений для трехдневного празднования. В этот день вся семья старается собраться за праздничным столом. Среди праздничных блюд обязательно подают рисовый пирог – баньчунг, а также блинчики, завернутые в рисовую бумагу. В Беларуси вьетнамцы заменяют рисовую бумагу тонкими листами, приготовленными из пшеничной муки. При этом стараются пшеничным листам придать такой же цвет, как рисовым, добавляя молоко. В этот день младшие поздравляют старших, желая благополучия и долголетия. В качестве подарка используются деньги, завернутые в специальные новогодние конверты. По данным полевых исследований, вьетнамцы г. Гродно ежегодно устраивают совместное празднование Тет, арендуя с этой целью помещение кафе-столовой для 60 человек, составляющих вьетнамскую общину г. Гродно (ПМА 2010–2011).

Следовательно, на выбор самосознания респондента оказали влияние такие факторы, как доминирование образцов местного принимающего общества в семье, большее влияние матери на процесс воспитания, выбор жизненной стратегии в пользу постоянного проживания в Беларуси и поиска альтернативных видов деятельности – не на рынке (ПМА 2010–2011).

Во вьетнамской общине г. Бобруйска имеются семьи как смешанного типа, так и несмешанного. Из них, по данным отдела по гражданству и миграции, 4 семьи несмешанного типа. Дети от данных браков имеют вьетнамское гражданство, вьетнамские имена и фамилии. Семей смешанного типа – 7. В трех из них детям выбраны белорусские имена, что означает стратегию на их интеграцию в белорусское общество. В двух таких семьях белорусские жены взяли вьетнамские фамилии своих мужей. Во вьетнамских семьях г. Бобруйска от одного до двух детей. Дети ходят в белорусские школы. Они без проблем могут говорить на русском и вьетнамском. Как показывает наблюдение и сообщения ин-

формантов, дети, которые родились в г. Бобруйске, а также дети от смешанных браков легко проходят адаптацию.

Выбор имен у вьетнамцев как маркер идентификации

Косвенные данные о размытии самосознания и выбора жизненных перспектив у второго поколения белорусских вьетнамцев дает изучение выбора имен для детей во вьетнамских семьях. По материалам г. Гродно, из 19 вьетнамских детей 5 детей имеют невьетнамские имена, такие как Миланда, Джоанна, Маргарита, Андриана, Диана. Сравните с собственно вьетнамскими именами: Ван Ань, Ань Туан, Као Вьет Хоанг и др. По словам респондента, выбор таких имен, как Миланда и Джоанна, обуславливался тем, что он не может дать русские имена детям, антропологические признаки которых, а именно раскосые глаза, сильно отличаются от черт, присущих славянам: «Ну какая же это Наташа, с такими глазами». В имени «Миланда» содержится популярное во Вьетнаме женское имя «Лан», т.е. респондент выбором имени устанавливает положение своих детей – уже не вьетнамцы, но и не белорусы (ПМА 2010–2011).

Процессы ассимиляции и восстановления идентичности у корейцев Беларуси

Второе-третье поколение белорусских корейцев более подвержено процессам изменения самосознания, так как у большинства белорусских корейцев смешанные семьи, а также по причине неиспользования корейского языка в качестве языка общения в семье.

По результатам интервью, из 10 корейцев второго-третьего поколения двое назвали себя белорусами, восемь – корейцами. Среди причин, по которым идентифицируют себя с корейцами, на первом месте – происхождение. В четырех чисто корейских семьях дети идентифицировали себя корейцами, так как родители корейцы. В смешанных семьях этот выбор делается по причине антропологических (внешних) отличий, осознания общей исторической судьбы и значимости традиций, жизненных перспектив.

Все опрошенные корейцы отмечали, что сталкивались с негативным отношением в школьном возрасте из-за своих внешних особенностей и специфических фамилий. Следует отметить, что антропологические внешние признаки (черные волосы, карие раскосые глаза, смуглый цвет кожи, широкоскулость) сохраняются у корейцев, потомков от

смешанных браков, до третьего поколения. При этом в третьем поколении могут быть светлые волосы. Но в период, когда делается активный выбор идентичности (Эриксон 1996: 170), респонденты начинали видеть положительные стороны выбора корейской идентичности. Этому способствовало получение знаний о корейской культуре. Из 10 опрошенных корейцев второго поколения только трое владеют корейским языком: двое – потому что в семье практикуется корейский язык, один выучил самостоятельно. Еще двое изучают корейский язык. Все опрошенные корейцы заявляли, что интересуются изучением корейского языка и традиций. Также общим маркером для корейского самосознания является осознание общей исторической судьбы: восемь из опрошенных корейцев сохраняют память о стране исхода, а также истории дальнейшего проживания на Дальнем Востоке России, в Казахстане, Узбекистане, на Сахалине, о событиях, связанных с насильственным переселением в 1937 г., а также о проблеме разделения Кореи на Северную и Южную. Семеро из опрошенных корейцев принимают активное участие в мероприятиях Ассоциации корейцев Беларуси.

Несмотря на данные переписи, согласно которым, корейский язык в качестве родного отметил только 51 человек, в настоящее время наблюдается обратный ассимиляции процесс – возрождения корейского языка и культуры в среде белорусских корейцев, и как следствие – этничности. Становится выгодно «быть корейцем», в отличие от ситуации в 50–70-х годах XX в., когда по отношению к корейцам существовали ограничения на получение высшего образование и передвижение по территории СССР. Благодаря политике Республики Корея, которая рассматривает белорусских корейцев как своих соотечественников за пределами Кореи, для белорусских корейцев действует ряд программ. Это программа посещения родины для соотечественников, по которой ежегодно до 20 человек, преимущественно дети белорусских корейцев, посещают Южную Корею; а также программа поступления в корейские вузы – ежегодно несколько представителей белорусских корейцев, показавшие достаточное владение корейским языком, отправляются на учебу в корейские вузы.

Выводы

Таким образом, представители первого поколения вьетнамцев и корейцев в Беларуси в целом сохраняют первичную идентичность. Среди второго-третьего поколения в большей степени наблюдаются процес-

сы ассимиляции, инкультурации, выражающиеся в утрате родного языка, сдвига идентичности в сторону принятия идентичности принимающего общества.

При этом данные процессы быстрее происходят среди корейцев, так как они имеют более длительный период адаптации с учетом преадаптации на территории СССР, больший процент смешанных семей, установки на постоянное проживание, отсутствие постоянного притока мигрантов из Кореи. Так, если среди вьетнамцев Беларуси родным языком считают вьетнамский 89,4%, то среди корейцев только 9,4%.

Вместе с тем корейцами предпринимаются меры по восстановлению идентичности: деятельность курсов корейского языка для представителей второго-третьего поколения корейцев Беларуси, работа посольства Республики Корея в Беларуси по организации мероприятий с участием представителей корейской диаспоры.

Факторами, которые оказывают наибольшее влияние на выбор идентичности среди вьетнамцев и корейцев в Беларуси, являются длительность периода адаптации, проживание в смешанной семье, установка на постоянное проживание в Беларуси, выбор жизненных перспектив.

Библиография

Беларусь в цифрах 2011 – Беларусь в цифрах. Годовые данные. Население // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. 2011. <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/main2.php>. Последнее обращение: 28.06.2012.

Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психическое здоровье и защитные механизмы личности. Барнаул: Изд-во алтайского ун-та, 2000.

Миграция населения 2009 – Миграция населения Республики Беларусь 2009 г.: бюллетень Национального статистического комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi1.php>. Последнее обращение: 28.06.2012.

Население Республики Беларусь 2000 – Население Республики Беларусь: Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года: Стат. сб. / М-во статистики и анализа Республики Беларусь. Минск, 2000.

Национальный состав 2001 – Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года: Стат. сб. / М-во статистики и анализа Республики Беларусь. Минск, 2001.

Об утверждении национальной программы 2011 – Указ Президента Республики Беларусь № 357 от 11 августа 2011 г. «Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы» // Новости Беларуси. <http://newsby.org/by/2011/10/18/text21688.htm> Последнее обращение: 28.06.2012.

Перепись населения 2011а – Перепись населения 2009 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Т. 7: Миграция населения Республики Беларусь. Минск, 2011.

Перепись населения 2011б – Перепись населения 2009 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Т. 3: Национальный состав. Минск, 2011.

Петракова 2010 – Петракова Ю.Н. Миграция в Беларусь // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / отв. ред. Г.А. Палади, Л.П. Шахотко, О.Е. Гагауз. Кишинев, 2010. С. 246–270.

ПМА 2010–2011 – Полевые материалы автора, собранные в 2010–2011 гг. в Республике Беларусь. Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси. Ф. 6. Оп. 14. Д. 150.

Садохин, Грушевицкая 2000 – Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М., 2000.

Собкин В.С., Ваганова М.В. Российский подросток: жизненные перспективы и страхи // Социокультурные трансформации подростковой субкультуры: Труды по социологии образования. Т. XI. Вып. XX / под ред. В.С. Собкина. М., 2006. С. 8–18. <http://www.socioedu.ru/userfiles/file/p281.pdf>

Токарев 1964 – Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 43–54.

Эриксон 1996 – Эриксон Э.Г. Идентичность, юность и кризис. М., 1996.

Научное издание

**Миграции в историко-антропологической перспективе.
Материалы IX Конгресса этнографов и антропологов России**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Компьютерная верстка: *Н.А. Белова*
Редактор *Л.Т. Соловьева*
Художник *Е.В. Орлова*

Подписано к печати 27.11.2012
Формат 60 x 84 1/16. Усл.- печ. л. 9
Тираж 200 экз. Заказ № 24

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32а